
МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ (XVIII-XX вв.)

Сборник научных трудов

Михаил Матвейев

В. Кувшинов

Miller
Миллер

КУРГАН 1999

УДК 930.1(09): 93/99(093):470.55/57) «17/19»

И 90

Историография и источниковедение истории Южного Зауралья: (XVIII - XX вв.). Сб. науч. тр. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 1999. 137 с.

В сборнике представлены статьи преподавателей и аспирантов кафедры истории России и правоведения, посвятивших свои исследования проблемам историографии и источниковедения истории Южного Зауралья (современной Курганской области) с XVIII в. до наших дней.

Редакционная коллегия:

д.и.н., профессор В.В.Пундани /отв. редактор/; к.и.н., доцент М.Ф.Ершов; Д.А.Кошкарлов; к.и.н., доцент Г.Г.Павлуцких /зам.отв.редактора/; В.Д.Пузанов; Е.В.Турушев.

ISBN 5-87337-115-6

© Курганский
государственный
университет. 1999

В.В.Пундани

ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII - НАЧАЛА XX ВВ.

Автор первого научного обобщающего труда “История Российская с самых древнейших времен”, основоположник нашей отечественной исторической географии, этнографии, источниковедения В.Н. Татищев явился и создателем первого русского энциклопедического словаря - “Лексикона Российского, исторического, географического, политического и гражданского”. На его страницах сообщается о том, что автор дважды - в 1721 и 1736 гг. побывал на территории Южного Зауралья, в частности в Далматовском монастыре. Дается также научно-достоверная информация по истории обители - ее местоположению, основателе - монахе Далмате, взаимоотношениях русских людей с местным аборигенным населением, жизни монастыря и т.д. (1).

Историк и археограф, член Петербургской Академии наук Г.Ф.Миллер в 1733-1743 гг. участвовал в экспедиции по изучению Сибири. За это время он обследовал и описал архивы более 20 сибирских городов, собрал огромную коллекцию копий документов по русской истории, а также по географии, этнографии и экономике Сибири. На основе привлечения и анализа широчайшего круга источников Г.Ф.Миллер создал фундаментальный труд “История Сибири”, опубликованный в 1750 г. (переиздан в 1787 г.). Отметим, что ученый, как и несколько раньше В.Н. Татищев, в 1741 г. для лучшего знакомства с местной историей, посетил Далматов монастырь. Появление названного труда дало основание называть академика Миллера “отцом сибирской истории” (2). Научное издание “Истории Сибири” позднее, в XX в. планировалось в трех томах, однако в 1937-1941 гг. увидели свет только два тома, а третий остался в рукописи.

В “Истории Сибири” впервые были опубликованы документы, позволяющие отнести начало процесса присоединения Южного Зауралья к России к концу XVI в. (3). В книге имеются ценные сведения об этническом и социальном составе населения края в то далекое время.

Одним из первых в отечественной исторической науке вопрос о роли окраин в жизни России, в том числе таких, как Южный Урал, Зауралье, о необходимости их широкой правительственной колонизации поднял историк, экономист, географ, естествоиспытатель, член-корреспондент Петербургской Академии наук, член Вольного экономического общества, сын купца П.И.Рыч-

---

ков. Такой подход ученого достаточно четко отразился в его труде “Топография Оренбургская” (издан впервые в 1762 г. в Санкт-Петербурге, в 1887 г. - в Оренбурге под названием “Топография Оренбургской губернии”, а в 1896 г. - “История Оренбургская”). Кроме богатого материала по политической истории Оренбургского края, работа содержит значительные статистические сведения по истории Южного Зауралья, конкретно - по истории Исетской провинции, являвшейся в то время составной частью названной губернии: о крестьянском населении по первой ревизии по дистриктам, селам, деревням, слободам, в том числе - по государственным, монастырским и помещичьим крестьянам, о такой крестьянской повинности в XVII в., как государева десятинная пашня. Ценны данные, приводимые П.И. Рычковым об основателе Шадринской слободы Юшке Соловье (4).

Естествоиспытатель и путешественник П.С.Паллас в 1768-1774 гг. возглавлял академическую экспедицию для исследования юго-восточной окраины России, Урала и Сибири, итоги которой были обобщены в труде “Путешествие по разным провинциям Российской империи” в пяти книгах, изданных в 1773-1788 гг. В первой части второй книги академик дает подробное описание “наиболее плодородной” из всех провинций Оренбургской губернии - Исетской, приводит сведения о состоянии в крае сельского хозяйства, земледелия, животноводства, о составе сельскохозяйственных культур, их урожайности, о засушливых годах и сильных наводнениях, уничтожавших целые деревни, говорит о рыбных богатствах провинции, о водившихся тогда в Миассе, Исети и Тоболе нельме, таймене, осетре, стерляди, о слободах и входящих в их состав деревнях, о количестве населения в них, его быте, о торговле в крае, о ценах на различные товары, о системе управления регионом и охране русского населения от нападений кочевников через систему крепостей, форпостов и редутов (5). Материалы, собранные и опубликованные П.С.Палласом, могут быть широко использованы при написании истории многих зауральских сел и деревень, а также при изучении проблем этнического, социального состава населения края, менталитета людей того времени.

В 1771 г. Зауралье посетил еще один ученый-путешественник И.П. Фальк. Побывав в слободе Царево Городище (будущий г. Курган), он оставил ее описание, отметил наличие вокруг слободы многих курганов, а также подчеркнул, что древнейшее население данного центра было истреблено татарскими ханами, и что хан Кучум истребил здесь последних жителей незадолго до своего изгнания. В опубликованной уже в XIX в. книге И.П. Фалька “Записки путешествия. Полное собрание путешествий

по России” мы находим сведения и о первых русских жителях слободы Царево Городище и ее основателе - крестьянине Невежине, который “в половине прошлого столетия поселился здесь... на развалинах татарского города по причине хорошей пахотной земли. А как сие селение было к югу самое последнее и поелику оно имело хорошее положение, то и сделано было пограничную крепостью” (6). Следует подчеркнуть, что кроме акцента Фалька на политической истории Зауралья он обращает внимание и на ряд важных обстоятельств, связанных с историей первоначального заселения и освоения края русскими людьми, в том числе и с деятельностью первопроходцев - основателей слобод.

Отправленный в ссылку в Восточную Сибирь А.Н.Радищев в декабре 1790 г. прибыл в г. Тобольск, где задержался и пробыл до июля 1791 г. Здесь он имел возможность ознакомиться с документами местного архива, наблюдал за жизнью и бытом населения зауральского региона. В итоге появился труд Радищева “Описание Тобольского наместничества” (куда входил Курганский уезд), долгое время остававшийся неизвестным не только для широкого круга читателей, но даже для ученых. Автор обратил внимание на природные богатства региона, наличие здесь плодородных земель, пастбищ, затронул вопрос о системах земледелия, об удобрении земли, о переселениях крестьян из одного уезда в другой (7). Так по существу впервые жизнь и деятельность зауральского крестьянства становится объектом исследования.

Географ, экономист, историк и краевед Н.С.Попов, директор и учитель Пермской гимназии и главного народного училища этого города по программе Вольного Экономического общества в начале XIX в. подготовил и издал в 1804 г. в Перми двухтомник “Хозяйственное описание Пермской губернии”. В нем автор осветил целый комплекс вопросов об условиях жизни и деятельности крестьян Зауралья, в том числе Шадринского уезда, о влиянии социальных и природно-климатических факторов на состояние земледелия и животноводства, об орудиях крестьянского труда, о крестьянских промыслах по переработке сельскохозяйственной продукции, об аренде крестьянами пахотных и сенокосных угодий, о расслоении и торговле сельских жителей, об ассортименте продававшейся и покупавшейся ими на рынке продукции, о ценах на продукты полеводства и животноводства. Он отметил тенденцию роста цен на продукцию сельского хозяйства во времени. По существу работа Н.С.Попова является энциклопедией не только по аграрной истории Зауралья, но и по многим другим проблемам социально-экономического характера. Неслучайно труд Н.С. Попова в 1811-1813 годах был переиз-

---

дан в Санкт-Петербурге в трех томах. (8)

В первой половине XIX в. в центральных “Журнале мануфактур и торговли” (1834 г.), “Журнале Министерства внутренних дел” (1843, 1846 гг.) появились публикации представителей местной зауральской интеллигенции и купечества. О соотношении различных зерновых культур в посевах крестьян Зауралья сообщал в своей корреспонденции купец П.Черняховский. В статье “Статистическое описание Ишимского округа” он приводит также данные, свидетельствующие о далеко зашедшем среди зауральских крестьян процессе расслоения, о хозяйствах, имевших от 1 до 3 дес. пашни. В то же время автор выделяет среди крестьян округа в начале 40-х гг. XIX в. хозяев, вспахавших до 100 дес. земли, владельцев 50-70 лошадей, имевших до 40 коров и до 100 голов мелкого скота (9).

К.М.Голодников обратил внимание на попытки зауральских крестьян вывести в 40-х гг. XIX в. улучшенные породы лошадей на устроенных ими “конских заводах” и называл ряд крестьян Ялуторовского уезда, занимавшихся этим делом (10). Эти факты представляют интерес в связи с тем, что по данным за 1834 г. купца Н.О.Пиленкова таких заведений в Тобольской губернии еще не существовало (11). К.М.Голодников описывал существовавшие у крестьян названного уезда порядки использования залежно-переложной системы земледелия, организации для скорейшей уборки сена “помочей” - обычая коллективной работы нескольких десятков людей (12).

В 50-60-х гг. XIX в. в разного рода местных периодических изданиях, сборниках, центральных журналах начинают появляться публикации служителей церкви, краеведов, хорошо знавших местную историю, обычаи, традиции людей своего края. В 1852 г. в “Журнале Министерства государственных имуществ” священник А. Третьяков опубликовал статью “Шадринский уезд в сельскохозяйственном отношении”. В его работе освещается практически весь комплекс вопросов, связанных с состоянием сельского хозяйства в уезде: уровень агрикультуры, системы земледелия, техническая оснащенность, орудия труда, их усовершенствование во времени, набор сельскохозяйственных культур, их смена для повышения плодородия и т.д. (13).

Более широкий и глубокий анализ жизни населения Шадринского уезда, детальную характеристику его природных условий, ресурсов осуществил другой священник-краевед Т.И.Успенский. Разделы этой работы (описание местности, начало и распределение народонаселения, физические и нравственные свойства народа, главные занятия крестьян, устройство домов, пища и одежда крестьян, семейная жизнь и родственные отношения

крестьян, их общественные отношения)свидетельствуют об энциклопедических знаниях автора, уровне данного труда (14). Значительный интерес представляют оценки Т.И. Успенским нравственных качеств зауральских крестьян, таких, как “искренняя и теплая религиозность”, благочестивость, гостеприимство, общительность, нищелюбие, любовь и преданность царю, верность слову. В то же время автор отмечает и приверженность местного населения старине, недоверчивость к нововведениям, такие встречающиеся у части жителей Шадринского уезда недостатки, как праздность, леность, невоздержанность и роскошь не по состоянию, доводящие до воровства. О повстанцах Пугачева священник-краевед говорит, как о шайке мятежников (15). Несомненно, что в подобных оценках отчетливо прослеживается и наблюдательность автора, точность его наблюдений, глубокое понимание им менталитета людей Шадринского края, но и одновременно идейные, политические пристрастия духовного лица в духе теории официальной народности.

На страницах Ученых записок Казанского университета и “Пермских губернских ведомостей” в конце 50-х - начале 60-х гг. XIX в. увидели свет публикации шадринского краеведа А.Серафимова, содержащие ценную информацию по географии, экономике (промышленность, скотоводство, земледелие, огородничество, садоводство, птицеводство, ремесла, торговля), этническом, социальном, конфессиональном составе населения Шадринского уезда, истории его заселения, топонимике, народному образованию, административному управлению уездом, данные о гербе г. Шадринска, о его внутреннем состоянии. Немалый интерес представляет и другая работа А.Серафимова, посвященная характеристике одной из знаменитых ярмарок Пермской губернии - Ивановской (16). Содержащийся в этой публикации материал позволяет сделать читателю выводы об уровне развития товарно-денежных отношений на Урале и в Зауралье, о тенденциях развития торговли в сопредельных регионах, о росте торговых оборотов, а, следовательно, и об общем подъеме производительных сил в России, о связях урало-сибирского региона с зарубежными странами.

Священник слободы Белозерской В.В.Андрианов посвятил свои публикации освещению вопросов в истории, географии, этнографии, фольклора земли Белозерской и Курганского уезда в целом. Имел в связи со своей краеведческой деятельностью тесные связи с Русским географическим обществом; за свои труды был награжден бронзовой медалью этого общества (17).

Ректор Далматовского духовного училища, протоиерей Никольской церкви Г.С.Плотников на основе изучения документов

из архива Далматовского монастыря подготовил и опубликовал фундаментальный труд по истории мужского Далматовского Успенского монастыря и Введенского женского монастыря, выдержавший в досоветский период четыре издания. По данным этой работы прослеживаются все наиболее важные вехи и процессы, происходившие в Приисетском крае, начиная с основания Далматовского монастыря в 1644 г. и завершая событиями середины XIX в. Наиболее ценными в книге являются сведения о времени возникновения селений и деревень в Приисетье, о расстоянии их до монастыря, о количестве дворов и душ мужского пола в них по данным переписей, проведенных в крае в разное время. Эти сведения позволяют видеть значительный рост населения в данной местности. Не менее важными являются приводимые автором материалы о хозяйственной деятельности местного населения, о повинностях, выполнявшихся им, о взимаемых с него налогах. Говоря о народных движениях 60-70-х гг. XVIII в. в крае, Г.С.Плотников употребляет такие термины, как “шайка”, “враги”, “крамольщики”, “самозванец” (о Е.И.Пугачеве), выражая таким образом свое резко отрицательное отношение к выступлениям народных масс против социального гнета (18).

Большой вклад в изучение истории Южного Зауралья внес краевед-самоучка из государственных крестьян Шадринского уезда А.Н.Зырянов. Его научные работы, краеведческие заметки по истории, археологии, этнографии, географии, метеорологии района публиковались в “Пермских губернских ведомостях”, “Пермском сборнике”, “Трудах Вольного экономического общества” со середины 50-х до середины 80-х гг. XIX в. В общей сложности А.Н.Зыряновым было опубликовано около пятидесяти работ (19).

Значительный интерес представляет опубликованная им в 1859 г. в “Пермском сборнике” статья “Пугачевский бунт в Шадринском уезде и окрестностях его”. А.Н. Зырянов предстает перед читателем как автор, хорошо изучивший и знавший ход событий движения народных масс во главе с Е.И.Пугачевым с момента зарождения и до его подавления. Важно также подчеркнуть, что А.Н.Зырянов одним из первых в исторической научной и краеведческой литературе употребил термин “Зауралье”, сочетание слов “Зауральская Башкирия” (20). Это особенно необходимо помнить в связи с возникавшими даже в 90-х гг. XX столетия спорами о термине “Зауралье” и утверждениями о том, что он был якобы искусственно изобретен, придуман только в 50-х гг. XX в. (21). Данный термин краевед использовал и в другой работе под названием “Крестьянские волнения в Зау-

---

ральском крае Пермской губернии в 1842-1843 гг.”.

Общая оценка событий 70-х гг. XVIII в. отчетливо прослеживается как в подаче материала, в его интерпретации, так и в употреблении автором терминах. Наиболее часто при описании народного движения под руководством Е.И.Пугачева А.Н.Зырянов использует такие термины, как “пугачевщина”, “бунт”, “мятеж”, “враги”, “изменники”, “буйная ватага”, “скопище”, “шайка Пугачева”, “воровская шайка”, “известный государственный злодей Пугачев”. Манифесты Пугачева называются “возмутительными листами”. О восставших людях говорит как о лицах, “с ножом в руке проповедовавших свободу”. В то же время А.Н.Зырянов отмечает и большое воздействие на крестьянские умы манифестов Пугачева, обещавшего народу волю (22).

Несмотря на негативную в целом оценку А.Н. Зыряновым движения Е.И.Пугачева, в том числе в зауральском крае, автор отмечает и большой след, оставленный событиями крестьянской войны 1773-1775 гг. на сознание населения Южного Зауралья, “эрой” в жизни зауральского народа, от которой он вел отсчет многих событий последующей жизни (23).

Глубокий интерес А.Н. Зырянов проявил к происшедшему в Шадринском уезде в 1843 г. событию - крестьянскому движению, направленному против проведения в крае реформы П.Д.Киселева в государственной деревне. Краевед предпринял попытку не только подробно осветить все связанные с движением факты, но и выяснить его причины, последствия. Работа написана на основе анализа архивных документов из разных присутственных мест, рассказов очевидцев и современников тех событий.

Одной из главных причин крестьянского движения 1843 г. А.Н.Зырянов считал проникновение сюда с Урала, в частности из Челябинского уезда толков и слухов о передаче государственных крестьян Зауралья либо в руки какому-то барину Кульневу, т.е. в крепостную зависимость, либо в удельное ведомство (24). При этом автор обращает внимание на такую специфическую особенность социальных отношений в Шадринском уезде, как отсутствие здесь помещиков и крепостного права (25).

Снова, как и при оценке событий времен Е.И. Пугачева, краевед употребляет такие термины, как “смута”, “катастрофа”, “бунт”, “безурядие”, “фанатизированная толпа”, “мятеж”, “эпидемия”, “непрощенный враг”, “скопище”. В то же время А.Н.Зырянов видит причины крестьянского волнения 40-х гг. XIX в. в невозможности народом точно разобраться в причинах проведения в казенной деревне реформы П.Д. Киселева в силу его

“темноты”, неграмотности, распространения в крае подложных грамоток, распространявшихся злоумышленными людьми, либо “безграмотными дураками”, либо “толковыми негодяями” (26).

Ценные сведения мы находим в работе А.Е.Зырянова, характеризующие менталитет зауральского населения, в том числе сельских жителей, их отношение к чиновникам. Крестьяне называли их “живодерами”, “обирателями”, “миродами”, “мироподавцами”, “зловредными и ничтожными тварями” (27).

Несмотря на осуждение А.Н.Зыряновым незаконных с его точки зрения действий крестьян, автор высказывает и явное сочувствие местному населению, пострадавшему от карательных акций правительственных воинских частей, говорит об “омерзительной картине человеческой бойни”, говорит о возможности “замирения” крестьянского движения более мягким и гуманным путем (28).

В “Трудах Императорского Вольного Экономического Общества” и в “Пермских губернских ведомостях” (1868-1870 гг.) была опубликована работа А.Н.Зырянова “Промыслы в Шадринском уезде”, отмеченная большой серебряной медалью. В данном труде автор предпринял детальнейший анализ практически всех распространенных в уезде кустарных промыслов, таких связанных с ними проблем, как географическая привязанность того или иного промысла, количество кустарных предприятий в каждом промысле, рабочих в них, заработная плата трудящимся людям, размеры производства, его организация, технологии, устройство, стоимость заведений, сырья, готовой продукции, годовой оборот предприятий, причины закрытия некоторых из них, быт, нравы кустарей, их расслоение, выделение из их среды богатых, зажиточных, известных в уезде и за его пределами предпринимателей, рынок сбыта и т.д. (29).

Материалы данной публикации А.Н.Зырянова, его оценки внесли серьезный вклад в освещение вопроса о развитии одной из важных отраслей экономики края - местной промышленности, о тесной связи кустарных промыслов с сельским хозяйством, с растительным и минеральным сырьем, с освоением территории уезда, его природных ресурсов, дающих средства к существованию значительной части зауральского населения.

Заметной вехой в развитии сибирской историографии явилась работа П.А. Словцова “Историческое обозрение Сибири”, в которой имеются ценные наблюдения, оценки и конкретно-исторический материал по Южному Зауралью. Автор данного труда историю Сибирскую называл добавкою к Русской (30), т.е. ее продолжением. Кроме исторических книга содержит богатейшие сведения по этнографии, географии, ботанике, гидрологии, ме-

---

теорологии зауральского края, о менталитете его населения.

П.А.Словцов детально исследует вопрос о том, где начиналась пограничная линия России на восток от Урала в XVII в., называет реку Исеть, Катайский острог (31). Ученый осуждает башкирский бунт в Зауралье, определяет его хронологические рамки (1662-1667 гг.), в результате которого был сравнен с землей Далматовский монастырь, участников восстания называет людьми дикими, безнравственными, злоумышленниками (32).

Высоко оценивает П.А.Словцов роль переселенцев из Поморья в заселении и освоении Зауралья по рекам Исети, Миассу, Тоболу, приводит сведения о времени основания многих зауральских слобод и острогов, определяет роль Исетской линии в охране русского населения от набегов кочевников. С точки зрения официального православия историк высказывает свое отношение к движению старообрядцев, называет его оспой, смертельно опасностью, ведущей к неминуемой гибели (33).

Ценными являются сведения, собранные П.А.Словцовым и характеризующие социально-экономическое и политическое положение русского населения Зауралья, податного и неподатного (34). Автор подчеркивает важное значение для дальнейшего мирного развития Зауралья учреждение Исетской провинции и строительства крепостей и редутов в 30-х гг. XVIII в. по рекам Ую и Тоболу для отражения набегов кочевников, осуждает башкирский бунт 1736-1737 гг. (35).

Одним из ярких, самобытных летописцев земли зауральской был Н.А.Абрамов, смотритель курганских училищ, которого к активному изучению местной истории привлек П.А.Словцов. Несколько сот очерков, статей Н.А.Абрамова по истории, статистике, этнографии, географии Зауралья было опубликовано в "Тобольских губернских ведомостях", "Журнале Министерства народного просвещения", "Чтениях в Обществе истории и древностей российских при Московском университете", "Записках русского географического общества" (медалей последнего его работы неоднократно удостоивались). Большую ценность представляют сведения, сообщаемые краеведом по истории слободы Царево Городище, других поселений Зауралья, о быте, нравах местного населения, о хозяйственном освоении региона (36).

Обширный материал по истории зауральских крестьян, используемый до настоящего времени учеными - аграрниками, содержится в трехтомном "Статистическом обозрении Сибири" члена-корреспондента Императорской Академии наук, известного финансиста, члена совета Министерства государственных имуществ Ю.А.Гагемейстера. Он исследует такие важные вопросы истории зауральского края, как социально-экономическое

положение местного населения, источники его роста, обеспеченность земель в первой половине XIX в., уровень жизни. Ученый достаточно обстоятельно прослеживает процесс расслоения крестьянства, освещает его торговую, предпринимательскую деятельность, замечает явления производственного прогресса в сельском хозяйстве региона (37).

В годы пребывания в ссылке с 1848 г. в г. Кургане, а затем в других зауральских городах, случайно оказавшийся в числе репрессированных после восстания декабристов в 1825 г. И.И.Завалишин написал книгу “Описание Западной Сибири” (Т.1.М.,1862). В этой работе имеется немало ценных сведений о переселениях из Европейской России в Зауралье, о положении новоселов на новых землях, о расслоении местного населения, об успешном развитии в регионе промысловой и торговой деятельности старожилов, о жизни курганских жителей (38).

Статистик Уфимского земства Н.О. Осипов на основе обобщения результатов своих экспедиционных исследований на территории Курганского округа создал солидный трехтомный труд “Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии ” (СПб., 1890-1898). В этой работе автор осветил такие важные стороны жизни государственной деревни Зауралья в XIX в., как землевладение и землепользование, особенности местной общины, обычаи и традиции крестьян Зауралья (39).

Также личное участие в изучении крестьянских хозяйств Зауралья принимал экономист и статистик, профессор Петербургских высших женских курсов, публицист А.А.Кауфман. Главная идея, проводимая в трудах ученого, в том числе посвященных аграрной тематике: развитие земледелия, общины, земельного и переселенческого вопросов в Зауралье, это идея о степени “простора и утеснения”. А.А.Кауфман связывал весь ход аграрной эволюции в регионе с развитием общины в первоначальных условиях земельного простора и постепенного его сокращения под влиянием роста народонаселения. При этом исследователь не учитывал процесса разложения крестьянства, его влияния на формы землепользования (40).

В работе С.Прутченко “Сибирские окраины” были прослежены процессы межевания казенных земель, создания государственного колонизационного фонда, отрезки земель у крестьянских обществ “на приращение казны и на пользу государственную”, наделения сельских жителей “в недостающую 15-десятинную пропорцию” для малоземельных, для поселения ссыльных и для водворения переселенцев из малоземельных российских губерний в зауральский край в XIX в. (41).

Итак, проанализированный материал дает основание для следующих выводов. В исследованиях, опубликованных в XVIII-начале XX вв., отсутствуют специальные труды по истории такого своеобразного региона России, как Зауралье, его составной части - Южного Зауралья. В работах названных выше авторов впервые был введен в научный оборот достаточный представительный фактический материал по таким важным аспектам местной истории, как политическая обстановка в крае с момента его заселения и освоения, взаимоотношения русского населения с аборигенами региона, с кочевниками, создание оборонительных сооружений от их нападений и создание необходимых условий для мирной жизни.

Преобладание в крае крестьянского населения обусловило тот факт, что основной отраслью экономики региона явилось сельское хозяйство, освещению истории которого и были посвящены многие страницы работ дореволюционных исследователей, а также выявлены ими важные тенденции развития аграрного сектора, процессы расслоения среди всех категорий крестьянского населения. Тем не менее, в указанное время не было создано специальных трудов и по истории аграрных отношений и крестьянства Южного Зауралья.

В значительно меньшей степени в работах, увидевших свет в XVIII-начале XX вв., нашли отражение вопросы истории развития в крае промышленности, зауральских городов, различных категорий городского населения (42).

Определенное внимание историки и краеведы того времени уделили такому аспекту зауральской истории, как различного рода социальные движения народных масс против существующей системы производственных отношений в Российской империи, установок господствующих классов и официальной православной церкви, дали свои, в основном осуждающие, критические оценки народных волнений, раскола. Также резко отрицательно были оценены межэтнические конфликты, имевшие место в регионе в XVII-XVIII вв.

Известно, что со временем происходит переоценка многих исторических явлений, событий, как в масштабах конкретной страны в целом, отдельных составляющих ее регионов, в том числе Южного Зауралья. Однако несомненно и то, что ученые и краеведы XVIII- начала XX вв. внесли значительный вклад в освещение истории этого края, в особенности вводя в научный оборот новые сведения фактического характера, создали основу фундамента, на котором в последующее время было продолжено изучение истории региона, бывшего окраиной Российского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Татищев В.Н. Лексикон Российской, исторической, географической, политической и гражданской. - Спб., 1793. С.104-108.

2. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., Л.Т.1С.111; Плотников Г.С. Описание Далматовского Успенского монастыря. Екатеринбург, 1906. С.62; Советская историческая энциклопедия. М., 1966.Т.9. С. 442.

3. Миллер Г.Ф. Указ. соч. С.272-300, 476.

4. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, 405 с.; С.345-350.

5. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1786. Ч.1. Кн.2. С.7-71; Советская историческая энциклопедия. - М., 1967. Т.10. С.759.

6. Фальк И.П. Записки путешествия. Полное собрание ученых путешествий по России. - Спб., 1824. Т.VI.

7. Радищев А.Н. Описание Tobольского наместничества. М., Л. 1952. Т.2. С.134-142 и др.; Андреев А.И. Неизвестный труд А.Н. Радищева о Сибири //Советская этнография. 1947. №6,7. С.224-232.

8. Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804. Ч.1. С.1-2, 103-105, 242, 246-248; Ч.2. С.109-377, 381, 394-395; Спб., 1813. Ч.3. С.91, 100, 117, 315-316; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С.31, 471.

9. Черняховский П. Статистическое описание Ишимского округа Tobольской губернии //Журнал Министерства внутренних дел. 1843. Кн.V. С.209-211.

10. Голодников К.М. Ялуторовский округ Tobольской губернии //Журнал Министерства внутренних дел. 1846. Ч.15-19. С.489-519.

11. Пиленков Н.О. О мануфактурной и торговой промышленности, звериных и рыбных промыслах Tobольской губернии // Журнал мануфактур и торговли. 1834. № 4. С.47.

12. Голодников К.М. Указ.соч.С.519.

13. Третьяков А. Шадринский уезд в сельскохозяйственном отношении //Шадринская старина. Хрестоматия. Шадринск, 1996. С.192-218.

14. Успенский Т.И. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда //Шадринская старина. Хрестоматия. Шадринск, 1997. С.4-31.

15. Успенский Т.И. Указ. Соч. С.25-31.

16. Серафимов А. Записка о Шадринском уезде Пермской губернии //Шадринская старина. Альманах. Шадринск, 1993.С.10-22; Его же. Ивановская ярмарка в Шадринском уезде

//Шадринская старина. Альманах. 1994. С.96-105.

17. Дэвлет М.А. Сын земли Курганской //Итоги и задачи регионального краеведения. Курган, 1997. Ч.1. С.28-32.

18. Плотников Г.С. Описание Далматовского Успенского монастыря. Екатеринбург, 1906.99 с.

19. Шадринское краеведение. Краткий библиографический словарь. Шадринск, 1997. С.16-18; Мозин М.М. Летописцы земли зауральской //Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып.6. Курган, 1993. С.13.

20. Зырянов А.Н. Пугачевский бунт в Шадринском уезде и окрестностях его //Шадринская старина. Хрестоматия. Шадринск, 1996. С.67-92.

21. Волохов С.П. Зауралье ли наше Зауралье? //Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып.2. Курган, 1991. С.183-185.

22. Зырянов А.Н. Указ. соч. С. 67, 69, 72, 85 и др.

23. Зырянов А.Н. Указ. соч. С.92.

24. Зырянов А.Н. Крестьянское движение в Шадринском уезде Пермской губернии в 1843 г. //Шадринская старина. Хрестоматия. Шадринск, 1996. С.117-118.

25. Зырянов А.Н. Указ. соч. С. 116, 118-119, 121, 145.

26. Зырянов А.Н. Указ. соч. С.119.

27. Зырянов А.Н. Указ. соч. С.123, 125, 134, 178.

28. Зырянов А.Н. Указ. соч. С. 182.

29. Зырянов А.Н. Промыслы в Шадринском уезде. Шадринск, 1997. Ч.1-2. ч.1, с. 64; ч.2, с. 20.

30. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1994. С. 64, 337.

31. Словцов П.А. Указ. соч. С.137.

32. Словцов П.А. Указ. соч. С.160.

33. Словцов П.А. Указ. соч. С. 194.

34. Словцов П.А. Указ. соч. С. 214-219.

35. Словцов П.А. Указ. соч. С. 250, 319, 281.

36. Мозин М.М. Указ. соч. С.12; Кислицын В.А. Проблемы провинциального краеведения // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед.сб. Вып.20. Курган, 1997. С.27; Словцов П.А. Указ. соч. С.45-46.

37. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. В 3 т. - СПб., 1854. Ч.2. С. 61-63, 139, 301-302, 317-324, 423, 566.

38. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. М., 1862. Т.1. С.61-67, 90, 137, 176, 177, 192-194, 202, 205, 340.

39. Осипов Н.О. Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии: В 3 т. Спб., 1890-1898.

---

40. Кауфман А.А. Обзор способов полеводства и севооборотов в Западной Сибири. - СПб., 1893. 23 с.; Он же. Земельный вопрос и переселение. Сибирь, ее современное состояние и нужды. - СПб., 1907. С.79 -140.

41. Прутченко С. Сибирские окраины: Приложения. - СПб., 1897. С.279, 296.

42. Более подробно вопросы историографии истории городов Южного Зауралья в досоветский период рассмотрены в работах М.Ф. Ершова "Уездные города Зауралья в конце XVIII-60-х гг. XIX в". Канд. дисс. Курган, 1995. С.6-10; в публикуемых ниже его статье и работе Е.В. Турушева; См. также: Емельянов Н.Ф., Меншиков В.В. Введение //История Курганской области. Т.3. Курган, 1998. С.12-13.

М.Ф. Ершов

ГОРОДА ЗАУРАЛЬЯ В КОНЦЕ XVIII- ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Вопросы генезиса и последующей эволюции городов, равно как и связанные с ними проблемы формирования регионов могут быть решены только при комплексном научном исследовании с применением исторических дисциплин. Необходимость выполнения многих насущных задач "на местах", на региональном и провинциальном уровнях сегодня осознается всеми. При этом на передний план выступают правовые и культурные вопросы жизни отдельных территорий. Очень часто прогрессивному движению по данному пути мешает одна "малость" - невозможность для той или иной местности осознания себя относительно соседей, отсутствие подлинно научных знаний о реалиях прошлого.

Историческая наука в процессе своего развития постоянно заполняет лакуны в осознании прошлого. И чем быстрее развивается историческая наука, тем более потребность в оценке пройденного пути. Трафаретная фраза о "степени изученности проблемы" в наше время особенно актуальна для историографии провинциальных городов.

Стремление городской, но внестоличной России осознать себя, свою историю нередко входит в противоречие с разбросанностью и малодоступностью исторических работ, их фрагментарностью, а то и низким профессиональным уровнем исполнения.

Все вышеизложенное вполне применимо к историческим ис-

следованиям о городах Зауралья конца XVIII - начала 60-х гг. XIX вв. (Под городами Зауралья автор понимает численно ограниченную группу городов на строго локализованной территории: Верхотурье, Туринск, Ирбит, Камышлов, Далматов, Шадринск, Курган). Цель настоящей статьи - осветить этапы развития исторических знаний о городах позднефеодального Зауралья.

Тематика интересующих нас исследований открывается именами участников академических экспедиций 60-х 70-х гг. XVIII в.: П.С. Палласа, И.И.Лепехина, И.Фалька, П.И.Рычкова (1). Приводимые ими сведения не отличаются объективностью, но дают первые представления об облике поселений, составе жителей и их занятиях. В описаниях также присутствуют элементы исторических исследований: сообщаются важные даты, произошедшие изменения в экономическом и административном положении. Поскольку путешественники пользовались местными сведениями о прошлом определенных населенных пунктов, то можно считать, что они зафиксировали существование социальной памяти о компактно заселенных пространствах (2). Частный случай наличия устной социальной памяти можно вывести из воспоминаний А.Коцебу. В 1800 г. он обратил внимание на рассказы курганцев о набегах кочевников в середине XVIII в.(3).

В начале XIX в. Н.С. Попов, в соответствии с программой Вольного экономического общества, выпускает обстоятельное "Хозяйственное описание Пермской губернии", вышедшее в 1804 и 1811-1813 гг. в двух вариантах, несколько отличных друг от друга. В работе подробно описаны экономическая деятельность горожан, планировка городов, наличие учреждений, сословный состав населения. Интересным моментом в исследовании Н.С.Попова является попытка выделения местных особенностей о предпринимателях конкретного города (3). Менее значительным является "Статистическое обозрение Сибири", составленное в 1810 г. М.И. Баккаревичем на основании топографических описаний. В книге представлены все зауральские города. Их описание осуществлено по стандартной схеме: географическое положение, история, статус, количество домов, состав населения, экономическая деятельность (4).

Вторая четверть XIX в. характеризуется, как мы полагаем, привнесением новых моментов в исторические исследования. К массиву обзорных трудов теперь добавляются первые опыты анализа эволюции отдельных городов Зауралья для прогнозирования их дальнейшей судьбы. Эта тенденция была вызвана совмещением общего хода мирового развития (утверждение ка-

---

питалистических отношений) и конкретными местными условиями (колонизационные процессы отступают на второй план, наступает пора осознания своего места в общероссийском масштабе).

П.А.Словцов, полемически спрашивавший, стоит ли “видеть в Березеве Ригу”, а “в Шадринске Бирмингем или Манчестер”, дал на эти вопросы отрицательный ответ. Некоторые из поднятых им проблем не утратили актуальности и до сего дня, например, роль отдельных территорий, значение местного патриотизма, жизнь провинциальной интеллигенции. Исследователь Сибири в своих размышлениях опирался на знание прошедшей и современной действительности, в том числе и о городах Зауралья, где он многократно бывал и откуда собирал необходимые ему сведения (5). Некоторые работы затрагивают Ирбитскую ярмарку, чье существование противоречило рационалистическим схемам того времени. Еще в конце XVIII в. А.Н. Радищев, раздумывая, почему столь крупная ярмарка оказалась именно в Ирбите, предположил, что первоначально она действовала в качестве “потаенного торго” (6). Губернатор К.Я.Тюфяев (сторонник перенесения торго в Пермь) после исторического обзора сосредотачивает внимание на описание города и делает вывод, что большая часть продаваемых товаров непосредственно в Ирбит не завозится (7). К сожалению, ценность последнего замечания должным образом не оценена и сегодня. Е.А.Вердеревский вслед за К.Я.Тюфяевым продолжает публикацию данных об оборотах ярмарки, но новизна его умозаключений относится не к сфере экономики или истории возникновения Ирбита. Вердеревский на ярких примерах раскрывает иное - подчеркнутую внеобыденность, раскрепощенность ярмарки (8).

С 50-х гг. XIX в. исследования о зауральских городах уже различаются по выбору тем и по целям, поставленным авторами. Появившиеся с этого времени работы краеведов отличались прекрасным знанием материала и основательностью в освещении конкретных вопросов. Это не случайно. Деятельность местных авторов направлялась и корректировалась крупнейшими научными центрами России: Вольным экономическим обществом и Русским Географическим обществом. Их статьи выходили в центральных изданиях, в Пермских и Тобольских “Губернских ведомостях”. Главной задачей краеведов было изучение событий прошлого, экономики, быта и культуры крестьян. Городская жизнь являлась малозначимым объектом для исследований, она освещалась лишь побочно. Тем не менее, значение краеведческих материалов для познания особенностей городов невозможно переоценить. Труды А.Н.Зырянова, Н.А.Абрамова, А.Серафи-

---

мова, Т.Успенского, А.Третьякова, И.Кожина детализируют урбанизационные процессы, позволяют уточнить картину взаимоотношений городов и окружающих территорий в экономической и культурной сферах (9).

Наряду с общераеведческими, появляются работы клерикального направления (речь идет не о сословном статусе авторов, а о предмете исследования). К ним относятся произведения Макария, Палладия, А.Сулоцкого (10). В начале XX в. традицию продолжали Г.С. Плотников и А.Кривошеков, описавшие прошлое Далматовского монастыря, что расширило область знаний о Зауралье в целом (11). Концептуально близкой к последним работам является книга “Приходы и церкви Екатеринбургской епархии” (12).

Обобщающие экономико-статистические труды середины XIX в. отличались наибольшей полнотой и информационной насыщенностью. В “Статистическом обозрении Сибири” Ю.Гагемейстера проанализирован цифровой материал о сибирских городах, к которым причислены Курган и Туринск. Сословный состав населения, количество домов и лавок сравниваются за 1823, 1833 и 1851 гг., рассмотрены также и межрегиональные экономические связи (13).

Заслуженно претендует на всеобщий охват работа Х.Мозеля о Пермской губернии, опубликованная в 1864 г. Выполненная для нужд Генерального штаба, она вместила в себя разнообразные сведения о историческом прошлом, материальном производстве, торговле, культуре и многих других сторонах жизни населения губернии. Данный труд и статьи В.Ильина в “Памятной книжке для Тобольской губернии” (14) фактически подводят итог изучения дореволюционного развития зауральских городов. Еще одна работа - многотомные “Городские поселения в Российской империи” впервые сводит воедино сведения об изменениях в управлении городами начиная с конца XVIII в. (15).

Обособленной по способу подачи материала и по поставленным задачам оказывается книга И.И. Завалишина “Описание Западной Сибири”. Она написана в форме путевых заметок и призвана продемонстрировать лояльность автора центральным властям и благополучие жителей (16). Несмотря на явный субъективизм и попытки выдать желаемое за действительное, “Описание Западной Сибири” является новаторским трудом. Анализ социальных отношений здесь дополняется яркими рассказами о повседневном быте населения, описывается специфика хозяйственной жизни в городах, подняты вопросы экологии.

Ссылный И.И. Завалишин апеллировал к правительству. Общая же направленность работ, выходящих с конца 50-х гг.

XIX в., в которых рассматривалось прошлое городов Зауралья, решительно изменилась. Они были обращены к общественности. Переломным событием в региональной историографии можно считать появление “Пермского сборника”, напечатанного накануне отмены крепостного права. В издании был наглядно представлен творческий потенциал демократической интеллигенции Пермской губернии (17). Совокупность статей, включенных в сборник, задавала проблемную тематику для работ последующего времени.

Так, Н.Эйгер, продолжая традицию разработки вопроса о причинах возникновения и бурного развития Ирбитской ярмарки, оказался предшественником А.Хитрова (18). Книга последнего “К истории г. Ирбита и Ирбитской ярмарки” в дореволюционной историографии превзойдена не была. Н.Фирсов, автор одной из статей “Пермского сборника”, посвященной открытию народных училищ, заложил основу для дальнейших публикаций о истории просвещения в Зауралье. Работы В.И.Иконникова, В.Н.Шишонко, С.А.Удинцева и В.С.Попова богаты фактическим материалом о складывании системы народного образования на уровне уездных городов Пермской губернии (19). История школьного дела в городах Туринске и Кургане раскрыта в меньшей степени. Она представлена “Материалами по истории народного просвещения в Западной Сибири” А.И. Дмитриева-Мамонова (20). “Пермский сборник”, связанный с именами местных авторов, имел значение, большее чем узкокраеведческое издание. Он дополнял сведениями культурно-бытового плана сухость центральных экономико-статистических описаний. Следствием этой синхронизации явилось введение в научный оборот нового крупного массива исторических знаний.

После пика 50-60-х гг. интенсивность исследований была снижена. События конца XVIII - начала 60-х гг. XIX в. сместились в область прошедшего, сиюминутный интерес к ним утрачивался. Господство капитализма выразилось в индивидуализме и усилении прагматических начал. В исследованиях на первое место вышли личные интересы или определенные запросы. Обзорные работы уделяли недостаточное внимание небольшим городам, доминировало краткое перечисление уже известных сведений.

Подобное положение было характерно для изданий справочного характера общероссийского и местного масштабов. Среди них выделяются “Географо-статистический словарь Российской империи” П.П.Семенова и “Географический и статистический словарь Пермской губернии” Н.К.Чупина, составленные в алфавитном порядке (21). Работы пермских статистиков были созданы под влиянием народнических представлений. Цифровой

материал, систематизированный Е.И.Красноперовым и П.А.Голубевым, затрагивает дореформенный период, а сделанные выводы отличаются достоверностью (22).

Мемуары и заметки Н.В.Шелгунова, Г.Н.Потанина и Н.М.Чукмалдина близки между собой по наличию общественной значимости, авторской позиции. Эти сочинения интересны анализом эволюции общественной психологии населения, живущего в Зауралье и Сибири. Не являясь историческими трудами в чистом виде, они написаны на основе местной специфики и отличаются адекватностью отражения прошлых и современных им событий (23).

Следует заметить, что в отношении городов Зауралья дореволюционная историография не смогла выйти на уровень исследования их в качестве отдельных объектов. Даже исторические работы конца XIX в., вышедшие в связи с трехсотлетием Верхотурья, были в большинстве фрагментарны и не систематизированы (24).

Разобщенность в исследованиях дооктябрьского периода отчасти возмещалась успехами краеведения, с его обращенностью к проблемам народной культуры. Слабой стороной исторических работ краеведов являлись, по нашему мнению, излишняя ориентация на столичные нормы и отсутствие интереса к формам экономической и социальной жизни в небольших провинциальных городах.

Историография советского периода восприняла и усилила многие положения дореволюционной историографической науки, опираясь на новую методологическую базу - марксизм. Ограничение принципов исследований единой теоретической основой, трансформированной под условия российской действительности, безусловно, сыграло негативную роль. Прежние исторические концепции и стереотипы сохранились под навязанной им новой оболочкой. Неизбежная вульгаризация и односторонность особенно остро проявлялись в первые десятилетия советской власти. Скептическое отношение к действительности, которое присутствовало у интеллигенции и ранее, проявилось в заидеологизированности научных работ, в преобладании негативных оценок о прошлом, в запрещении краеведческой работы.

Удар по краеведению, подъем которого происходил в 20-е гг., прервал процесс накопления исторических знаний "снизу". На долгое время историческая урбанистика оказалась ограничена рамками профессиональной науки. Для исследований небольших, "мещанских" городов это имело особо тяжелые последствия. Так фактически была прервана историческая деятельность В.П. Бирюкова и его сподвижников. Работы "Природа и население

Шадринского округа” и “Из истории фарфоро-фаянсового дела в Приисетье”, принадлежащие перу В.П.Бирюкова, отличает удачное соединение знаний прошлого, почерпнутых из дореволюционной литературы и сведений, которые сохранились в народной памяти. Интересны для изучения зауральских городов его фольклорные сборники, где раскрывается народная оценка исторических событий и действий различных социальных групп (25).

Произошедшее после победы в Великой Отечественной войне осознание идеи государственности, хотя и приняло негативные формы, но способствовало оживлению исторических исследований по местной тематике. Назовем первые публикации, имеющие отношение к истории Зауралья. Это статья М.Шагинян “Ушковская плотина”, посвященная деятельности одного из видных предпринимателей городов Шадринска и Нижнего Тагила и сборник документов “Урал в Отечественной войне 1812 года” (26).

Потребность в изучении обширных территорий за Уральским хребтом и необходимость выделения специфики отдельных местностей способствовали появлению работ историко-географического характера. Книги Р.М.Кабо “Города Западной Сибири” и Л.Е.Иофа “Города Урала” считаются классическими образцами в уральском и сибирском городоведении (27). Для понимания прошлого Зауралья труд Л.Е.Иофа представляет особый интерес. Тщательный анализ эволюционного развития и функций поселений Урала и прилегающих местностей позволил автору раскрыть механизмы взаимодействия между городами. Несмотря на то, что книга была создана на основе опубликованных работ, ее научная значимость сохраняется и поныне. Мы не разделяем отдельных положений, которые выдвинул Л.Е.Иофа, так нет сомнения, что общее движение русских на восток дополнялось на местном уровне пестротой локальных векторов. Уральский хребет с запада и востока обтекали два колонизационных потока, стремящихся к югу. “Таким образом, - замечет Иофа, - в первой четверти XVII в. Урал оказался зажатым между двумя к северу колонизационными линиями, как бы, грубо упрощая, сторонами треугольника, вершиной которого, скажем, служила Чердынь, основаниями - на западе Мензелинск и на востоке Царево-Городище (Курган)...” Кроме этого, ученый фиксирует и попятное движение по рекам - от устья к верховью, т.е., с востока на запад. Применительно к Зауралью в “географическом рисунке” колонизации отправной точкой оказывалось Верхотурье, также играющее роль своеобразной вершины (28).

Однако, концепция Л.Е.Иофа, истинная для Урала в целом,

нуждается, по нашему мнению, в детализации и ряде уточнений при анализе его восточной части, которая заселялась позднее западной.

В XVII в. еще не произошло выделение Урала в качестве отдельного экономического региона. Сибирь в хозяйственном отношении в это время граничила с европейской частью страны непосредственно. Ось Верхотурье-Туринск-Тюмень оказалась не только столбовой дорогой для дальнейшего движения на восток, но и плацдармом для формирования экономической структуры ближайших местностей. При этом освоение Зауралья и собственно горного Урала отставало от освоения Приуралья, что не вполне учитывалось Л.Е.Иофа. И лишь в XVIII в. в Зауралье начинают складываться местные региональные структуры.

“Города... - пишет Л.Е.Иофа, - плотным полукольцом охватывали Уральский хребет с востока, юга и запада, не заходя, однако на него”. По его мнению, “все они, в большой или меньшей мере, держали в своем подчинении (в административном смысле) внутренние части Урала, т.е. горнозаводской Урал”. Условность этой схемы осознавалась и самим автором, определившим восточную границу системы уральских городов по линии ярмарочных центров Ирбита, Троицка, Орска, и, в то же время, подчеркнувшим, что “некоторые стороны, характерные для уральских городов, мы найдем и восточнее указанной границы, так, например, Тюмень была важным завершающим звеном в транспортно-перевалочной системе Урала. Но Тюмень уже была вне всякой связи с горнозаводским Уралом, и ее справедливо относят к Сибири” (29). Отметим, что Ирбит и Камышлов становятся при этом пограничными форпостами и, подобно исключенному из рассмотрения Кургану, за пределами разделительной линии оказываются Туринск и Шадринск.

Ошибочность границы, проведенной Иофа, очевидна. Ярмарочные центры, в качестве концентрации результатов хозяйственной деятельности как отдаленных мест, так и окружающих их территорий, в экономическом плане не могут быть сведены до положения пограничных окраин. Разумеется, при определенных обстоятельствах (морское побережье, значительная разница в уровне социально-экономического развития близлежащих местностей, границы государства), единая ткань хозяйственных связей может быть пространственно или исторически разъединена, также и функции городов, как мест притяжения товарной массы, не всегда являются достаточно значимыми и, в силу этого, они оказываются крайними точками территориальных экономических структур, но все это не относится к изучаемому региону. Разделительная линия, установленная Иофа, таким образом,

---

режет “по живому”.

Большой вклад для понимания региональных, а, следовательно, и горообразовательных процессов внесли труды В.И.Шункова, начавшие выходить со второй половины 40-х гг. (30). Проведенное им экономико-географическое районирование, в том числе выделение Верхотурско-Тобольского земледельческого района, заложило базу для последующих работ по истории Зауралья. Важно и то, что В.И.Шунков не связывал возникновение и географическое размещение городов непосредственно с хозяйственным освоением, считая, что для этого были и иные причины. Интересующая нас проблематика рассматривается и в книге А.А. Преображенского “Урал и Западная Сибирь в конце XVI- начале XVIII в.”, изданной в 1972 г. (31). Его доводы о складывании со второй половины XVII в. обширного, но постепенно дифференцирующегося уральско-западносибирского региона, который, будучи резервом феодализма, в то же время содействовал генезису капиталистических отношений, подтверждаются дальнейшей историей Зауралья.

Миграции населения к югу, следствием чего было образование двух центров компактного проживания населения (Среднее Приисетье и Среднее Притоболье), а затем и формирование всего района Южного Зауралья также не прошли мимо внимания исследователей (32). В результате Южное Зауралье оказалось изучено значительно полнее, чем Северное и отчасти Среднее. К сожалению, и на сегодняшний день среди ученых отсутствуют четкие критерии определения границ Зауралья. Это вызвано как разницей в методологических подходах, так и попытками выделить территории отдельных частей (например, Южного Зауралья) без осознания региона в целом.

Зарождение капиталистических отношений способствовало укреплению рыночных связей и развитию городов. Это положение освещено в работах многих авторов. Некоторые из них (О.Н. Вилков, А.А. Кондрашенков, М.М. Громыко, В.В. Пундани) рассматривают протекание этих процессов на территории Зауралья (33). Следует заметить, что в исторической науке проблеме складывания зауральского рынка нельзя считать решенной, она пока остается пореформенной темой.

Еще более остро стоит вопрос о комплексном изучении городов Зауралья феодального периода. Отсутствуют обобщающие, опубликованные в наше время, работы по истории Верхотурья, Далматова и Ирбита. Интерес, к тому же ограниченный первой половиной XVIII в., вызывают лишь монастыри в первых двух городах и ярмарка в последнем (34). Важные сведения о Ирбитской ярмарке приводятся в небольшой по объему статье Б.А. Су-

---

тырина (35). Статья Г.В. Ярового, посвященная рынку и товарно-обращению, имеет ряд отрицательных моментов, особенно при анализе Ирбитской ярмарки (36).

Популярные работы краеведческого характера, изданные в конце 50-х - начале 80-х гг., лишь отчасти восполнили пробелы в науке. В них, по вводимым в оборот источникам, не имеется справочного аппарата, господствуют упрощенное изложение уже известных сведений и идеологическая перегруженность. Сказанное в полной мере относится к двум изданиям книжки о Ирбите, брошюрам, посвященным Туринску и Камышлову, не избежали этих недостатков и работы о Шадринске (37).

В то же время, ко всем публикациям о последнем из перечисленных городов неприменяема однозначная оценка. В равной мере это относится к работам о Кургане, единственном из зауральских городов, получившем в 1943 г. статус областного центра. Краеведческие традиции, сохраненные в Курганской области, благоприятствовали качественному уровню выходящих книг. Важным событием в научной жизни было появление в 1962 г. "Ученых записок" Курганского пединститута, посвященных 300-летию основания Кургана и Шадринска. Статьи А.А.Кондрашенкова и Н.А.Лапина, помещенные в этом сборнике, систематизировали, хотя и не в полной мере, данные о начальном периоде истории городов (38). "Очерки истории Курганской области" принципиально новых моментов в историографию проблемы не внесли. Раздел о истории городов в дореформенные десятилетия отличается схематизмом и беглостью изложения. Одним из немногих положительных моментов является соотнесение существования городов с жизнью окружающих местностей (39).

Отмеченные слабые стороны книги курганских историков, вышедшей в 1968 г., оказываются во многом типичными и для солидных изданий, появившихся в 60-80-е гг. (40). В них ясно видна недооценка положительной роли городов, особенно небольших, в историческом развитии крупных территориальных массивов. Методологически одностороннее господство описательных схем ("Города, административное управление" или "Города и торговля") сужает сферу исследований, сводит их к фиксации внешних функциональных признаков. Неравномерность в изучении различных аспектов городской жизни, при одновременном основании многих направлений сибирского городоведения, были признаны Л.М.Горюшкиным и Н.А.Миненко (41). Данный вывод применим и к уральскому городоведению, что следует из историографического обзора в "Истории Урала с древнейших времен до 1861 г." (42).

В силу вышеизложенного, а также из-за спорности о геогра-

фической принадлежности (к Уралу или к Сибири) зауральские провинциальные города оказались на периферии внимания ученых из крупных научных центров. Улучшение положения началось только с 90-х гг. Новая политическая ситуация в России породила, среди прочего, и стремление к осознанию собственной значимости отдельных местностей и территорий. Итогом этого оказался всплеск интереса к историческому прошлому.

Практически одновременно в 1992-1993 гг. выходят книги по истории Кургана, Шадринска и Ирбита (43). В данных изданиях наглядно проявились противоречивые черты, которые стали определяющими для краеведческой литературы, выпущенной в середине 90-х гг. Так для “Очерков истории Шадринска” в основном характерны отсутствие единого методического подхода, случайный подбор сведений, тиражирование общеизвестных фактов, отсутствие научного аппарата. Последний недостаток отчасти присущ и книге И.Я.Антропова “Были Ирбита”. И, тем ни менее, работа И.Я.Антропова является новаторской. Этнографические подробности ярмарочного действия яркими красками обрисовывают менталитет гостей и постоянных жителей города.

Работа Н.Ф.Емельянова “Город Курган, 1782-1917: Соц.-экон. история” является среди этих книг наиболее значимой. Опираясь на методику сплошного изучения дел из фондов госархива Курганской области, автору удалось воспроизвести процессы повседневной жизни города. Исследований подобного рода по зауральским городам еще не предпринималось. Новаторским по своему характеру является глава “Торговля города Кургана” и “Городская казна”. Та сумма приемов, которыми оперирует Н.Ф. Емельянов при исследовании городов (еще одна его работа посвящена Томску), получила высокую оценку в отечественной историографии и была названа методом “хронологических срезов” (46).Еще одно достоинство монографии заключается, по нашему мнению, в том, что через перечисление внешне непримечательных событий происходит “погружение” читателя в мир обыденности, следствием чего является эффект “присутствия”.

Наряду с достоинствами, в книге присутствуют и упущения, неизбежные в большом труде. Из-за отсутствия местной источниковой базы недостаточно освещена первая треть XIX в., недостаточное внимание уделено развитию промышленности, анализу внегородской торговли жителей Кургана и экономических связей с округой. Возрождение краеведения в Курганской области выразилось в появлении продолжающихся изданий: “Земля Курганская: прошлое и настоящее” (с 1990 по 1998 гг. вышло в

свет 20 сборников) и “Шадринской старины” (с 1993 по 1998 гг. - 6 выпусков). Поскольку статьи из этих сборников затрагивают отдельные стороны жизни городов Далматова, Шадринска и Кургана, то мы посчитали возможным объять их в историографическом обзоре по тематическим признакам.

Выход в свет книги А.М. Васильевой “Забытый Курган” и издание тома 3-го “Истории Курганской области” оказались важнейшими событиями в развитии исторической урбанистики Зауралья (45). Своеобразным вызовом областному центру стали краеведческие публикации в Шадринске. Переключка названий: “Город на Исети: страницы Шадринской летописи. К 335-летию Шадринска и 100-летию Шадринского государственного театра” и “Шадринская летопись (1649-1916)” свидетельствует о ярко выраженной ориентации на создание обзорных произведений с изложением событий в строгой хронологической последовательности (46). Различие заключается в способах освещения истории Шадринска. Если “Шадринская летопись” является научно-методическим изданием в форме компиляции из опубликованных и архивных материалов, то “Город на Исети” в первую очередь подарочное “номенклатурное” издание. В книге Н.А.Миненко и С.В.Федорова в увлекательной форме приводится множество сведений, почерпнутых из архивов, но отсутствует система ссылок.

По иному принципу построена книга “Забытый Курган”. В первую очередь это история городских учреждений, предприятий, крупных объектов материальной культуры. С большим тщанием, с опорой на многочисленные архивные источники и дореволюционную литературу автор книги воспроизводит некогда существовавшие городские структуры. Фактически книга А.М. Васильевой выступает в роли путеводителя по действительно во многом забытому Кургану. Со строго научной точки зрения к недостаткам “Забытого Кургана” можно отнести игнорирование сведений, почерпнутых курганскими и иногородними историками в 90-е гг. XX в., а также отсутствие “Введения”, общепринятого в научных изданиях.

Особого внимания требует 3-й том “Истории Курганской области”. Впервые в отечественной историографии сделана попытка создания обобщающей истории городов Южного Зауралья. Перед исследователями стояло несколько разноуровневых задач. Степень изученности городов Далматова, Шадринска и Кургана была, да и на сегодняшний день остается различной. Если Курган исследован достаточно полно, то этого нельзя сказать о Шадринске и уж тем более о Далматове. Полудеревенский Далматов терялся на фоне крупнейшего в Зауралье монастыря. В

силу этого представляется оправданной структура раздела, посвященного истории Далматова. Глава I (автор А.А. Пашков) повествует о развитии Далматовского Успенского монастыря. В главе II (автор В.В.Менщиков) описывается собственно город. Сильной стороной главы II является соотнесение уровня социально-экономического развития Далматова с городом Шадринском и окружающими территориями, попытки выделения специфики городской торговли. В то же время нельзя не заметить, что объем раздела, посвященного Далматову чрезмерно мал по сравнению с разделами о городах Шадринске и Кургане. Явно недостаточно отображена и социокультурная история Далматова, например, деятельность местной интеллигенции. Неприемлемо также и искажение названия города. Его общепринятое название до революции Далматов (Далматов), а не Далматово. Раздел II “Городов Южного Зауралья” посвящен истории Шадринска. И этот раздел недостаточно детализирован. Отсутствуют разделы о культуре Шадринска, о сфере управления, о внегородской торговле.

Наиболее подробен раздел о истории Кургана. Основой раздела послужила книга Н.Ф.Емельянова “Город Курган, 1782-1917: Соц. - экон. история”. В дополнение к материалам Н.Ф.Емельянова было написано несколько новых глав. Применительно к первой половине XIX в. новой главой оказалась работа В.В.Пундани “Декабристы в Кургане”.

Автор главы тщательно проанализировал библиографические сведения о декабристах, их взаимоотношениях с местными жителями. Данные, приведенные В.В.Пундани, и новая глава, написанная Н.Ф.Емельяновым “Социокультурная жизнь города” являются очередным этапом в исследовании городской культуры Зауралья.

Новые перспективы в развитии зауральского городоведения отчасти намечены в работах С.Б.Борисова и М.Ф.Ершова, опубликованных в Курганской области (47). Далеко не случайно, что в названиях статей у того и другого автора присутствует слово “опыт”. Следует признать, что историческая компаративистика, периодизация культуры, а также исследования менталитета горожан и некоторые другие новейшие направления еще не получили у зауральских историков должного освещения.

Если города Южного Зауралья исследуются преимущественно в Курганской области, то города Среднего и Северного Зауралья - в Свердловской. В обоих случаях сказывается административная принадлежность и развитие местного краеведения. Нельзя не учесть и регионализацию многих сторон жизни в современной России. В этих условиях стремление провинциальной

управленческой элиты с помпой отмечать “круглые” юбилейные даты объективно содействует увеличению числа научных публикаций.

Показателен пример с празднованием 400-летия Верхотурья в 1998 г. В книгоиздательской сфере к праздничному событию был приурочен выход в свет трех сборников (48). Тематика представленных статей и материалов весьма разнообразна. Допустимо утвердить, что в данных изданиях в общих чертах зафиксирована степень изученности истории Верхотурья первой половины XIX в. (49). В целом же вывод очевиден: в веке XX так и не появилось обобщающих работ о Верхотурье первой половины XIX в. Равным образом это относится к истории Ирбита, Туринска, Камышлова (50).

Неполнота и отрывочность сведений о прошлом зауральских городов не означает отсутствия научного интереса. Разработка множества проблем дает реальный “выход” на историю интересующих нас городов. Город, как социальное образование, обладает множеством составных элементов. Вне и внутригородские связи и отношения достаточно усложнены. Это сказалось на исторической урбанистике. На сегодняшний день в ней разрабатываются различные аспекты прошлого городов с привлечением других научных дисциплин. Данное обстоятельство, наряду со слабой изученностью Зауралья в целом и его отдельных городов, предполагает обращение к литературе по широкому кругу вопросов, в том числе и за пределами собственно исторических исследований.

Особая роль здесь принадлежит географическим работам. Они отражают специфику природных условий, задают пространственные параметры, вооружают историка терминологическим и методологическим аппаратом. Исследования природы и природоиспользования в Зауралье имеют длительную историю. Процесс систематизации знаний опирается на дореволюционную историографическую традицию, поскольку длительное время описания были сводными, с включением экономических, исторических и географических компонентов. Это наложило отпечаток и на работы советского периода. Книга В.П.Бирюкова “Природа и население Шадринского округа” и появившийся годом ранее “Краткий обзор Курганского округа” имеют комплексный характер (51). Со второй половины 50-х гг. начинают выходить обобщающие труды о природно-географических условиях Западной Сибири (куда первоначально включали Курганскую область) и Урала (52). Частично в них была отражена и дореволюционная история городов Зауралья в общем контексте решаемых географических проблем. Нельзя не согласиться с

Е.Н.Перциком, автором книги “Город в Сибири”, что “исторический анализ необычайно важен для понимания некоторых сторон современных горообразованиельных процессов для предвидения будущего” (53). К сожалению, далеко не во всех географических трудах присутствует развернутый исторический анализ. Например, в книге Е.Г.Анимицы “Города среднего Урала”, выдержавшей два издания, описательно подаваемые события прошлого оказались никак не связаны с современными проблемами (54).

На сегодняшний день системный подход в изучении конкретных городов феодальной России еще не утвердился в отечественной историографии. Полномасштабный учет географических, экономических и социокультурных факторов пока не возобладал. Ориентация же на изучение отдельных сторон городской жизни ведет к “распространению” материалов. Дело в том, что в большинстве научных трудов освещаются не частные случаи прошлого того или иного города как таковые, а воссоздаваемая картина протекания определенных процессов претендует на высокую значимость. Применительно к небольшим городам историографическая оценка обобщающих трудов часто оказывается двоякой. С одной стороны, города связаны с ходом общероссийских изменений, с другой - местная проблематика подается лишь в общих чертах, отрывочно; наполнение конкретными фактами явно недостаточное.

В первую очередь это относится к изучению развития рыночных отношений. Движение научной мысли здесь шло “сверху вниз” - фундаментальные работы дополнялись публикациями меньшего объема, в последних выявлялась территориальная специфика. Еще один вектор исследований задавался идеологическими мотивами - до недавнего времени приоритетное внимание уделялось положению эксплуатируемого населения и классовой борьбе, в ущерб другим направлениям.

Закономерно, что работа крупнейшего отечественного историка Н.М.Дружинина о социально-экономическом положении крестьян в период проведения реформы П.Д.Киселева выходит на проблемы формирования рынка, который порождался развитием производительных сил в сельском хозяйстве (55). В этой книге фактически впервые в историографии советского периода проведен анализ хозяйственной деятельности в Зауралье.

Работа стимулировала появление дальнейших исследований. После публикации первого тома увидела свет уже упоминавшаяся книга Л.Е.Июфа, одновременно со вторым томом вышло “Городское гражданство дореформенной России” П.Г.Рындзюнского. Подвергнув критике положения Л.Е.Июфа, П.Г.Рындзюнс-

---

кий обосновал разницу в развитии горнозаводских центров и городов (56). Несмотря на то, что в отличие от работы Л.Е.Иофа книга П.Г.Рындзюнского носит более общий характер, автору удалось рассмотреть действие основных внутригородских предпосылок, которые благоприятствовали внешним торговым успехам.

Конец 50-х начало 60-х гг. XX в. оказались, относительно Зауралья, временем, когда в исторической науке осуществлялся переход к изучению торгово-экономических процессов на местном уровне. Вышедшие в этот период работы В.К.Яцунского, М.К. Рожковой, П.Г.Рындзюнского и Н.Г.Аполловой касаются среди прочего и проблем торговой деятельности в Зауралье, но очень бегло (57). В 1965 г. в книге “Западная Сибирь” М.М. Громько рассмотрела состав населения и виды его деятельности. В сферу ее внимания попали Верхотурье, Туринск, Ирбит и местности Южного Зауралья. К сожалению, исследование ограничено концом XVIII в. (58). Тематика книги лишь опосредованно затрагивает вопросы торговли и особенности ее развития в XVIII в. Нечто подобное наблюдается и в статье Ф.С.Горова о негорнозаводской промышленности и торговых связях в Пермской губернии накануне отмены крепостного права (59). У С.И. Сметанина, также пишущего о Пермской губернии, работа посвящена сословным отношениям в городах с параллельным рассмотрением торговой деятельности (60). Определенная нерасчетливость характерна и для статей Г.В.Ярового и Е.И.Терещенко - переплетенные между собой торговля и неземледельческие занятия зачастую выступают у них общим объектом изучения (61).

Данные работы расширили исторические знания, но рыночные структуры конкретных городов, индивидуальные особенности получили лишь схематичное раскрытие. Бедны сведения о торговле и обобщающие работы о крестьянстве и рабочем классе Сибири, которые подводили итоги длительного периода исследований - вплоть до начала 80-х гг. (62). До этого времени в научных исследованиях торговлю зауральских городов “закрывали” иные проблемы. Исключение составляла лишь Ирбитская ярмарка.

Распространение области исследований на малоизученные территории, равно как и применение новых методик, способствовали оживлению интереса к торговым операциям. В книге Б.Н. Миронова “Внутренний рынок России во второй половине XVIII - первой половине XIX в.” рассматриваются внутри и внерегиональные связи, прохождение ярмарочных цепей и кругов на территории Урала (63). Новизна работы заключается в системном,

---

методологически обоснованном анализе ярмарок, их величины и функций. Благодаря этому, торговля на местах перестала быть обезличенным процессом, выявились индивидуальные различия. Однако относительно Зауралья ценность работы во многом снижается тем, что исследователь зафиксировал меньшую часть его рыночных связей - здесь сказалось традиционное экономико-географическое районирование, некритически воспринятое автором.

В последующих публикациях (В.П.Шпалтаков, Н.Ф.Емельянов, В.В.Пундани, М.Ф.Ершов, А.Г. Битюков, К.К.Колбин, А.В. Гилев) отчасти были восполнены пробелы о вне и внутрорегиональных связях Зауралья и о собственно городской торговле (64). В то же время, следует признать, что в истории торговой деятельности на многие вопросы ответы пока не найдены. Малоизучены масштабы дальней торговли и ее основные направления, не обобщены разрозненные сведения. Так, по данным В.Н. Разгона известно о существовании устойчивых торговых связей между Зауральем и Алтаем, хотя подробно эта проблема никем не рассматривалась (65). О недостаточности современных знаний о зауральской торговле свидетельствует публикация писем бывшего гвардейца, чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Западной Сибири П.М.Капцевича, осуществленная К.Канаки (66). Предпринимательская деятельность тарского купца Евгения Филимонова охватывала обширные территории Зауралья и Западной Сибири, но в исторической литературе она не отражена...

Несмотря на существование комплекса литературы о транспорте и путях сообщения (67), не исследовано их воздействие на эволюцию торговли. По нашему мнению, вывод М.Г.Рутц о том, что в Сибири “роль значительного фактора становления внутреннего рынка играл Московско-Сибирский тракт”, а города, “выпавшие из сферы влияния тракта, переживали застой” (68), не слишком убедителен и слабо подкреплён фактическим материалом.

Функционирование торговли (во всяком случае, в Зауралье) не вполне соотносилось с транспортной сетью и выглядело значительно сложнее, чем простая калька с географического пространства.

Немаловажную роль здесь играли профессиональные навыки, традиции населения, его приспособляемость к изменениям рыночной конъюнктуры. Сфера действия этих факторов распространялась как на торговлю, так и на материальное производство. При изучении последнего необходимо выделение критериев его разделения по определенным признакам. Производство в городах, на наш взгляд, возможно дифференцировать по нали-

---

цию специализированной материальной базы и по степени ее обособленности от других видов хозяйственной деятельности. Соответственно, предприятия, расположенные в специально предназначенных для них нежилых зданиях, где находятся орудия и средства производства, могут быть определены как промышленность, а все остальные занятия: сельское хозяйство, домашнее и полудомашнее производство, работа непосредственно у заказчика, транспортные услуги, охота и даже торговля - как промыслы.

Как уже указывалось выше, в силу неразвитости специализации, низкого уровня технической оснащенности и нерасчлененности хозяйственных занятий населения, у разных авторов (Н.М.Дружинин, П.Г.Рындзюнский, Л.Е.Иофа, Ф.С.Горовой, Г.В.Яровой, Е.И.Терещенко) одновременно прослеживается как развитие материального производства, так и торговая деятельность. При этом внутригородское производство, а также предприятия горожан в сельской местности обычно не выделяются как объекты самостоятельного изучения.

Разумеется, данными работами историография проблемы не исчерпывается. Она дополняется историческими трудами об отдельных отраслях производства. Традиции здесь были заложены еще А.Н. Зыряновым и В.П. Бирюковым, но последующие исследователи разрабатывали иные, более обширные темы. Поэтому ремесленное производство Туринска оказалось в зоне внимания историков культуры А.Н. Копылова и Б.А.Барадулина (69). Наиболее обстоятельно вопросы городской промышленности, особенно обрабатывающей, освещены в работах Д.И. Копылова, но он ограничивает свою работу сибирской (с включением Туринска и Кургана) территорией. Наряду с Копыловым исследованиями промышленности второй половины XVIII в. занималась Е.И.Индова (70). Воззрения Н.В.Басаргина о степени развития промышленности и торговли Азиатской России проанализированы в статье Т.С.Мамсик (71). Исследовательница творчества декабриста ввела в научный оборот ценнейшие материалы о социально-экономическом развитии Зауралья. Определенный интерес также представляют статьи сибирских историков о судостроительном промысле - ведь верховья рек Обско-тобольского бассейна, текущих с запада на восток, находятся в Зауралье (72). Обширные сведения о промышленности и торговле приведены также в первом томе "Истории Курганской области" (73). Заметим, что заголовок одного из параграфов - "Крестьянские промыслы" неоправданно сужает сферу реально проведенного исследования - это промыслы всего населения Южного Зауралья - и городского, и сельского. В изучении экономической исто-

---

рии городов Зауралья достигнуты немалые успехи. Однако мир повседневных занятий, хозяйственных забот горожан раскрыт в научных работах в основном фрагментарно, что требует продолжения исследований.

Источники о составе городского населения нередко противоречивы. Это наложило отпечаток на историко-статистические исследования. Например, у Л.Е.Иофа в “Городах Урала” до минимума сведен цифровой материал о численности городских жителей. М.А.Горловский в статье “Города Урала в первой половине XIX в.” опирается исключительно на опубликованные дореволюционные данные, взятые с большим временным разрывом, что снижает ценность сделанных выводов (74). Интересные сведения о сословном составе жителей Туринска, которые приводит М.М.Громько, не равны показателям, приведенным в статье В.М.Кабузана и С.М.Троицкого (76). Таким образом, расхождения по количеству жителей в конце XVIII в. (в обеих работах использованы архивные материалы), требуют проверки источников.

В упоминавшейся работе С.И.Сметанина анализируется словесная и социальная структура городского и заводского населения Пермской губернии. Сильной стороной статьи является стремление автора уделить внимание факторам, влияющим на изменение сословного и социального положения горожан, дать точное определение термина “примыкающее самостоятельное население”. Без объяснения пока остается низкий удельный вес жителей городов в составе всего населения Пермской губернии” - писал автор статьи (76). По нашему мнению, С.И.Сметанин, механически связывая рост городского населения с экономическими успехами горного производства, оказался в логическом тупике, что не позволило ему дать ответ на поставленный вопрос. Города опирались на экономическую базу, которая далеко не всегда была связана с горным производством; кроме того, у них имелись культурные основания качественно иного уровня, чем у заводов.

Сибирское городоведение добилось больших успехов в изучении состава населения начала XIX в., благодаря чему данные о Кургане и Туринске обширнее сведений о других городах Зауралья. Среди работ о населении Тобольской губернии интерес представляют статьи В.П.Шпалтакова, Д.Я.Резуна, А.Р.Ивонина и М.Г.Рутц. Последние три работы опубликованы в сборнике “Демографическое развитие Сибири периода феодализма” (77). Следует учесть, что анализ динамики городского населения и его отдельных категорий затруднен узостью круга источников, особенно по первой четверти XIX в. (78). Трудно также сравни-

---

вать изменения, произошедшие в отдельных городах с общероссийскими показателями. Б.Н. Миронов, после изучения статистики пришел к выводу, что “данные о численности городского населения, относящиеся к разным датам, оказались несопоставимыми”. Тем не менее его книга “Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие” ценна наблюдениями о воздействии государственной машины на эволюцию социальных структур города (79). Типичные черты, выделенные Б.Н. Мироновым, помогают лучше понять провинциальную жизнь окраинных городов. Функции органов управления государственной власти в Сибири исследует В.В.Рабцевич. В ее работах учитываются методологические подходы современной урбанистики. Город анализируется в качестве среды социального развития человека, его размещение в пространстве, функции подчинены определенным закономерностям (наличие “единого культурно-экономического информационного поля”, территория центральных мест). Вышеперечисленное воссоздает определенный “фон”, тот контекст действительности, который обуславливал претворение в жизнь законодательных актов и иных управленческих решений (80).

Череда войн в начале века и милитаризация быта в эпоху Николая I делают необходимым изучение роли армии, ее воздействия на урбанизационные процессы. Влияние наполеоновских войн на повседневное существование жителей зауральских городов частично отражено в статьях А.В.Дулова и Б.Ф.Ливчака (81). Взаимоотношения армии и населения зауральских уездных городов Пермской губернии косвенно раскрыты и в книге “Екатеринбург в мундире” (82).

Данные проблемы непосредственно соприкасаются со сферой управления. Понимание того, что решения, принимаемые чиновниками, нередко выходили за рамки их служебных полномочий, были незаконны, преследовали корыстные интересы, в исторической науке пока не наполнилось конкретным содержанием. Чрезмерно мало работ, где бюрократический произвол на местах (особенно в колонизируемых районах) исследовался бы в качестве центральной темы (83).

Продолжая дореволюционные традиции, развивается историография народного образования. Статьи П.Ф.Якунина, А.М.Сафроновой, И.А.Слудковской, В.В.Прокошева, М.П. Малышевой, И.В.Скипиной, Т.А.Калининой, А.А.Пашкова расширили и систематизировали тематику исследований (84). В последнее время появились работы о школе в Южном Зауралье, охватывающие весь досоветский период (85). В этих публикациях детально освещается история просвещения за более чем столетний пе-

---

риод. Работы написаны на основе архивного материала, но предшествующая историография в них почти не используется.

Изучение городской провинциальной культуры феодального периода начиналось сравнительно поздно. Среди литературы выделяются обобщающие труды М.Г.Рабиновича (86). Они полностью охватывают феодальный период и носят описательный характер. Работы иного, регионального масштаба, но также ориентированные на подробный анализ городской культуры, в отечественной историографии отсутствуют. Значимые достижения в познании предшествующей культуры были достигнуты в смежных с историей дисциплинах, например в этнографии (по существу к ним относятся и работы М.Г.Рабиновича). Отдельные работы, в которых анализируется социальная психология сибирского купечества, косвенно затрагивают культуру горожан Зауралья. В первую очередь к ним относятся труды М.М.Громыко (87). В многочисленных работах Н.А.Миненко, посвященных культуре зауральского и сибирского крестьянства, также содержится немало ценной информации и о городской жизни.

Решающий перелом в исследованиях городской культуры Зауралья произошел, по нашему мнению, в середине 90-х гг. Начали выходить в свет очередные тома “Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири” в четырех томах (главные редакторы Д.Я.Резун и Д.М.Терешков), была защищена диссертация Т.В.Копцевой “Духовная культура купечества Зауралья (вторая половина XVIII-середина XIX в.)”, появились статьи М.Ф.Ершова по отдельным проблемам городской культуры Зауралья (88).

В заключение анализа литературы остановимся на отдельных работах по историографии. История изучения городов, в том числе и провинциальных, привлекла пристальное внимание советских историков со второй половины 60-х гг. Значительное место этим вопросам уделял В.Г.Мирзоев в своих книгах по историографии Сибири (89). В 1967 г. вышла монография Ю.Р.Клокмана о социально-экономической истории русских городов, где наряду с анализом причин их возникновения дан обстоятельный разбор предшествующей историографии (90).

Годом ранее появляется примечательная статья П.Г.Рындзюнского “Изучение городов России первой половины XIX в.” (91). Кроме традиционных, здесь прозвучал и ряд новых моментов: показано, что дореволюционная историография чуралась темы городского развития в России, выдвинуто положение о более свободном характере городской экономики. Эти перспективные наработки послужили исходной точкой для последующего развития урбанистики. Обзору исторической литературы о го-

---

родах посвящена статья Б.Н.Миронова “Спорные и малоизученные вопросы русского позднефеодального города в современной советской историографии” (92). Автор критически относится к концепции П.Г.Рындзюнского, выделив в ней слабое звено: юридическое положение городского населения еще не означало его освобождения от гнета феодального государства. По мнению Б.Н.Миронова, существование у поселения определенной функции еще не означает, что его можно автоматически заносить в список городов. Города выделяются только при многофункциональном подходе.

Дискуссии о пути, который прошла историческая урбанистика, о понимании сути города в разные времена и разными исследователями еще далеки от завершения. В силу этого, а также из-за отсутствия крупных работ по истории городов Урала (в состав которого обычно включается и Зауралье), обобщающие историографические обзоры по местному городоведению пока не созданы. В статьях, написанных в разные годы Б.А.Сутыриным, О.Н.Вилковым и Д.Я.Резуном, П.Е.Максимовым, рассматриваются отдельные вопросы или фиксируется общее положение в историографии уральских городов (93). Заметим, что кроме указанного, в историографии истории провинциальных городов также требуются новые подходы. Так, в докторской диссертации Д.Я.Резуна доказано, что авторы историко-географических и иных сочинений о городах Сибири XVIII-XIX в. имели представление об исторических фактах и обладали определенным теоретическим багажом (94). Широта мышления наших предшественников настоятельно требует применения комплексных подходов при изучении историографических проблем. На сегодняшний день в историографических работах, посвященных городам Зауралья, почти не присутствует сравнительный анализ развития исторической науки в местных провинциальных центрах. Одно из немногих исключений - публикация С.В.Горшкова и Н.Н.Попова, в которой тезисно выделены основные центры городоведения Урала и Зауралья (95).

Для современников и исследователей города олицетворяют тайну. Сущность городов неясна, их стены “подвижны”, а функции изменчивы. В подавляющем большинстве случаев интересы жителей урбанистического поселения распространяются и на внегородскую территорию. Нет той сферы человеческой деятельности, которая не могла бы не заинтересовать горожанина. Он вездесущ, он повсюду оставляет следы активности и свидетельства принадлежности к конкретному городу. Со временем свидетельства обретают статус исторических источников, входят в научные труды. Несомненно, что в XXI в. будут осуществлены

комплексные исторические и социокультурные исследования малых городов России, в том числе и городов Зауралья. Соответственно, автор надеется, что данная статья будет небесполезна для исследователей зауральской глубинки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Паллас П.С. Путешествия по разным местам Российского государства. Ч.2. Кн.2. Спб., 1786; Лепехин И. Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 году. Ч.3. Спб., 1814; Фальк И.П. Записки путешествия академика Фалька.-Спб., 1824; Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750) Оренбург., 1896.

2. Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. - Т.3. - М., Л.,1952.

3. Коцебу А. Достопамятный год моей жизни. Воспоминания Августа Коцебу. Ч.1-2, Спб., 1806.

4. Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии.-Ч.1-2. Пермь, 1804. То же. Ч.1-3 Спб., 1811-1813.

5. Баккаревич М. Статистическое обозрение Сибири. - Спб., 1810.

6. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн.1-2. - Спб., 1886. Он же. Письма из Сибири 1826 года. - М., 1828; Он же. Письма к брату И.В. Словцову в Стерлитамак //Московский телеграф. - 1830. -Ч.31. - С.289-313.

7. Тюфяев К.Я. Известия о Ирбитской ярмарке //Журнал МВД.-1829. Ч.1. Кн.1. -С.426-439.

8. Вердеревский Е.В. От Зауралья до Закавказья, юмористические, сентиментальные и практические письма с дороги. -М., 1857. Он же Ирбитская ярмарка //Отечественные записки. - 1849. - Т.65. Отд.4. - С.1-16.

9. Гагеймстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. В 3 ч. Спб., 1854...Ч.11.

10. Ильин В. Краткие статистические описания окружных городов Тобольской губернии; Он же. Статистические сведения по Тобольской губернии; Он же. О торжках и ярмарках в городах и округах Тобольской губернии //Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. - Тобольск, 1864. - С.77-130; 335-400; 401-438.

11. Городские поселения в Российской империи. - Спб., Т.3.-1863 (Пермская губ.); Т.Ч.1. (Тобольская губ.), Ч.2. - С.42, 58 (Дополнения по Ирбиту и Шадринску).

12. Завалишин И. Описание Западной Сибири. В 2 т. М., Т.1.,1862, Т.2, 1865.

13. Кожин Заметки о Шадринском уезде Пермской губернии

члена-корреспондента Пермского губернского статистического комитета Ивана Кожина // Журнал МВД 1855. Ч.15. Отд.5. - С.1-4; Третьяков А. Шадринский уезд Пермской губернии в сельскохозяйственном отношении // Журнал МГИ.-1852. Т.65. Ч.2 № 10. - С.179-226; Успенский Т. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда // Пермский сборник. Кн.1 М., 1859 Отд.IV.- С.1-42; Серафимов А. Записка о Шадринском уезде Пермской губернии // Оттиск из Учен. зап. изданных имп. Казанским ун-том. Кн.4. 1858; Он же. Ивановская ярмарка в Шадринском уезде // П.Г.В. часть неоф. № 26. - С.336-339, №27. - С.348-349; Абрамов Н.А.Слобода Царево городище до переименования ее городом Курганом Тобольской губернии // Вестник РГО.-1854.- Ч.9. Кн.3. Отд. 2. - С.93-104; Он же. Туринский Николаевский женский монастырь // Т.Г.В. - 1865. № 45. - С.289-290; Зырянов А.Н. Промыслы в Шадринском уезде Пермской губернии// Труды ВЭО 1868. Т.3. Вып. 2 и 3; 1869. Т.1. Вып.5. - Тип. тов-ва "Общественная польза. Отд. оттиск; Он же. Крестьянское движение в Шадринском уезде Пермской губернии в 1843 году // Календарь Пермской губернии на 1885 год. - Пермь, 1884. - С.59-159. Он же.Заметка о мнимосерном ключе близ города Шадринска / Пермские губ. Ведомости. Часть неоф. 1862. - 10. - С.174.

14. Макарий. Записка о городе Шадринске // Вестник РГО. - 853. Ч.3. Кн.5. Отд.8. - С.1-8; Он же. Описание города Верхотурья. - Спб., 1854;

А (рхимандрит) П (алладий) (Пьянков) Обзорение Пермского раскола, так называемого "старообрядства" - СПб., 1863; Сулоцкий А. Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобольской епархии. - СПб., 1864.

15. Плотников Г.С. Описание мужского Далматовского Успенского общежительного третьеклассного монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря (Екатеринбургской епархии, Пермской губернии). 4-е изд-е. - Екатеринбург, 1906 (Репринт. изд-е без выходных данных); Кривошеков А. Далматовский монастырь как опыт русского владычества и православия // Вестник Оренбургского учебного округа. - 1914. № 5-7.

16. Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. - Екатеринбург, 1902.

17. Пермский сборник. Повременное издание. М., Кн. 1. 1859, Кн. 2. 1860.

18. Эйгер Н. Сведения об учреждении Ирбитской ярмарки и развитие в ней торговли // Пермский сборник // Кн. 2. Кн. 3. - С.1-17; Хитров А. К истории Ирбита и Ирбитской ярмарки. -

---

Ирбит, 1872.

19. Фирсов Н. Открытие народных училищ в Пермской губернии // Пермский сборник... Кн. 1. Отд. 1. - С.143-184; Иконников В.И. Пятидесятилетие Ирбитского Уездного Училища (1820-1870) Историческая записка. - Тюмень, 1871; Шишонко В. Описание начальных народных училищ в уездах Екатеринбургском, Ирбитском, Шадринском и Камышловском Пермской губернии. - Екатеринбург, 1878; Он же. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. - Екатеринбург, 1879; Удинцев С.А. Очерк развития народного образования в Ирбитском уезде Пермской губернии. - Ирбит, 1892; Попов В.Е. Шадринское уездное училище (1812-1881 г.г.) - Екатеринбург, 1898.

20. Дмитриев-Мамонов А. Материалы по истории народного просвещения в Западной Сибири // Т.Г.В. - 1884. -№ 20-24, 26-30.

21. Семенов П. Географо-статистический словарь Российской империи.-СПб., Т.1.-1863; Т.4.-1873; Т.5.-1885; Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. - В 8-ми вып. - Пермь, 1873-1887.

22. Голубев П.А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Составленные по очеркам, ежегодникам и специальным изданиям разных министерств. - Пермь, 1904; Красноперов Е.И. Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права царем-освободителем Императором Александром II. Историко-статистический очерк. - Пермь, 1886.

23. Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. СПб, 1885; Он же. Сочинения Т.1. СПб., 1871; Чукмалдин Н. Мои воспоминания. В 2 ч.-СПб. Ч.1.-1899; М., Ч.2. 1902; Он же. О Ирбитской ярмарке в 1863 году // Т.Г.В. - Часть неоф.1863. № 19. - С.150-154; Он же. О сельских ярмарках Западной Сибири // Т.Г.В. Часть неоф. - 1863. -№ 31.-С.242-246; Потанин Г.Н. Из записной книжки Сибирика // Литературное наследство Сибири. Т.7. - Новосибирск, 1986.-С.206-238.

24. Дмитриев А. Очерки из экономической истории Верхотурья в связи с общим положением Сибири. - Тобольск, 1896; Топоров П. Трехсотлетие Верхотурья. - Пермь, 1897.

25. Бирюков В.П. Из истории фарфоро-фаянсового дела в Приисетьи // Исетско-Пышминский край. - Шадринск, 1930; Он же. Природа и население Шадринского округа Уральской области. - Шадринск, 1926; Он же. Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор. - Свердловск, 1953. Полнее об исторических трудах В.П. Бирюкова см.: Пундани В.В. Исторические изыскания В.П. Бирюкова // Земля Курганская: прошлое и настоя-

---

щее. Краев. сб. Вып.7. В.П.Бирюков - ученый, писатель, краевед. - Курган, 1994. - С.11-17.

26. Шагинян М. Ушковская плотина // Нижний Тагил. - Свердловск, 1945.-С.38-41; Урал в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. Свердловск, 1945.

27. Кабо Р.М. Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии (XVII- первая половина XIX вв.). - М.,1949; Иофа Л.Е. Города Урала. Ч.1. Феодалный период. - М. - Л., 1951.

28. Иофа Л.Е. Указ. Соч. С.4-6; 73-75.

29. Там же. С.14-15.

30. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII - начале XVIII в. - М., Л., 1946; Он же. Очерки по истории земледелия Сибири. - М., 1956; Он же. Вопросы аграрной истории России. - М., 1974 и др.

31. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI-начале XVIII в. - М., 1972.

32. Устюгов Н.В. Основные черты русской колонизации Южного Зауралья в XVIII в.// Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1961. С.67-74; Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала: Вторая половина XVIII - первая половина XIX в. М., 1984; Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII вв. - В 2 ч. Челябинск, 1966-1969. Ч.1. Заселение территории русскими 1966; Ч.2. Экономика и положение крестьян; Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII-начале XIX в. - Омск, 1973; Меншиков В.В., Павлуцких Г.Г., Никитин В.А. Заселение Южного Зауралья в XVII-XIX вв. - Курган, 1992. В обобщенном виде взгляды трех последних авторов также изложены в: История Курганской области (с древнейших времен до 1861 года) Т.1. - Курган, 1995.

33. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. - М., 1967; Он же. Очерки социально-экономического развития Сибири в конце XVI- начале XVIII в. - Новосибирск, 1990; Кондрашенков А.А. Указ.соч.; Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. - Новосибирск 1969; Пундани В.В. Государственная деревня Западной Сибири во второй половине XVIII - первой половине XIX в. Учеб.пособие по спецкурсу. -Челябинск, 1984; Меншиков В.В., Павлуцких Г.Г., Никитин В.А. Освоение Южного Зауралья в XVII-XIX вв. - Курган, 1993.

34. Манькова И.Л. Монастыри Восточного Урала в XVII - первой четверти XVIII в. Социально-экономическое развитие: Автореф. дисс. к. и. н. Екатеринбург, 1993; Нечаева М.Ю. Монастыри в системе регуляции общественной и хозяйственной жиз-

---

ни Урало-Сибирского региона (1721-1764 гг.) Автореф. дисс. к.и.н. Екатеринбург, 1994; Александров В.А. Начало Ирбитской ярмарки // История СССР.-1974.-№6.-С.35-57.

35. Сутырин Б.А. К истории Ирбитской ярмарки второй четверти XIX в.// Уральский археографический ежегодник за 1973 год. - Свердловск, 1975.-С.21-26.

36. Яровой Г.В. Рынок и товарное обращение на Урале в до-реформенный период // Вопросы аграрной истории Урала. - Свердловск, 1975.-С.42-67.

У автора неверно подсчитан рост оборотов Ирбитской ярмарки. Критика его выкладок осуществлена: Ершов М.Ф. Уездные города Зауралья в конце XVIII - начале 60-х гг. XIX в дисс. к.и.н. Курган, 1995. - С.106-109.

37. Бойко В.Н. Герштейн Я.Л. Ирбит.-Свердловск, 1959; Герштейн Я.Л., Смирных А.И. Ирбит.-Свердловск, 1981; Новоселов А.Н., Смирных А.И. Туринск. - Свердловск, 1990; Мокеев В.М. Шадринск. Путеводитель-Челябинск, 1975; Он же. Шадринск (Путеводитель-справочник). - Челябинск, 1986.

38. Кондрашенков А.А. Основание города Шадринска; Он же. Курганская слобода в XVIII веке; Лапин Н.А.Слобода Царево Городище в XVII столетии// Учен. зап. Курганского гос. пед. ин-та, посв. 300-летию основания городов Кургана и Шадринска (1662-1962 гг.). Вып. 4. - Курган, 1962. - С.3-22, 23-38, 39-58.

39. Очерки истории Курганской области. - Челябинск, 1968.

40. История Урала. В 2 т. Первобытнообщинный строй. Период феодализма. - Пермь, 1963; История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т.2. Сибирь в составе феодальной России. - Л.,1968; История Сибири. Учеб. пособие. - Томск, 1987; История Урала с древнейших времен до 1861 г. - М., 1989.

41. Горюшкин Л.М.,Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI- начало XX в.) Новосибирск, 1984. - С.89.

42. История Урала с древнейших времен до 1861 г. Разд. "Историография истории Урала эпохи феодализма". С.27-47.

43. Емельянов Н.Ф. Город Курган, 1782-1917: Соц.-экон. история. -Курган, 1992; Антропов И.Я. Были Ирбита. - Ирбит, 1992; Очерки истории Шадринска. К 50-летию Курганской области. - Шадринск, 1993.

44. Емельянов Н.Ф. Город Томск в феодальную эпоху. - Томск, 1984; Курилов В.Н., Люцидарская А.А. Новая книга по истории сибирского города // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI-первой половины XIX в. - Новосибирск, 1987. - С.258-275; Курилов В.Н. Монография Н.Ф. Емельянова "Город Курган (1782-1917 гг.): социально-экономическая исто-

---

рия” // Земля Курганская: прошлое и настоящее : Краевед. сб. Вып.5. - Курган, 1993. С.146-152.

45. Васильева А.М. Забытый Курган. - Курган, 1997; История Курганской области (Города Южного Зауралья в досоветский период). Т.3. - Курган, 1997.

46. Миненко Н.А., Федоров С.В. Город на Исети: страницы Шадринской летописи. К 335-летию Шадринска и 100-летию Шадринского государственного драматического театра. - Шадринск, 1997; Шадринская летопись (1649-1916 гг.) Вып. 1. /Автор- составитель М.Ф. Ершов. - Шадринск, 1997.

47. Борисов С.Б. Культурная оппозиция Шадринска и Кургана: опыт исторической компаративистики // Культура Зауралья: исторический опыт и уроки развития. - Курган, 1997. - С.249-254; Ершов М.Ф. Шадринск: опыт периодизации истории дореволюционной культуры // Там же. С.41-47; Он же. Шадринск: опыт периодизации социокультурной истории // Шадринский альманах. Литературно-краеведческое издание. Вып.1. (1997) / Сост. и отв. ред. С.Б. Борисов. -Шадринск, 1997. - С.4-15.

48. Культурное наследие российской провинции: История и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Тез. докл. и сообщ. Всеросс. научно-практ.конф. - Екатеринбург, 1998; Верхотурский край в истории России.-Екатеринбург, 1997; Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края: (К 400-летию Верхотурья). - Екатеринбург, 1998.

49. О неразработанности истории Верхотурья первой половины XIX в. свидетельствуют публикации: Ершов М.Ф. Уездный городок: Верхотурье в конце XVIII - середине XIX века // Очерки истории города Верхотурья и Верхотурского края... -С.130-142; Корчагин П.А. История Верхотурья. Краткий библиографический указатель // Верхотурский край в истории России... С.151-157. Первая публикация представляет беглый обзор истории города; библиографический список из второй публикации далеко не полон.

50. История Камышлова частично освещена: Ершов М.Ф. Камышлов и его торговля в первой половине XIX в. // Урал в прошлом и настоящем. Мат. научн. конф. Ч.1. -Екатеринбург. С.236-238.

51. Бирюков В.П. Природа и население Шадринского округа Уральской области. - Шадринск, 1926; Краткий обзор Курганского округа Уральской области. В естественно-экономическом и административном отношении. - Курган, 1925.

52. Помус М.И. Западная Сибирь (Экономико-географическая характеристика) М., 1956; Комар И.В. Урал. Экономико-географическая характеристика. - М., 1959; Советский Союз.

Географическое описание в 22 т. Т. "Урал". - М., 1968; Урал и Приуралье. - М., 1968г.

53. Перцик Е.Н. Город в Сибири: Проблемы, опыт, поиск, решения. - М., 1980.

54. Анимица Е.Г. Города Среднего Урала: Прошлое, настоящее, будущее. - Свердловск, 1983.

55. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М. - Л. Т.1.-1946; Т.2. 1958.

56. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. -М., 1958.-С.30-33.

57. Яцунский В.К. Основные этапы генезиса капитализма в России // Он же Социально-экономическая история России XVIII-XIX вв. Избр. труды. -М.,1973. С.71-115 (Впервые статья опубликована в журн. "История СССР".- 1958.-№5); Рындзюнский П.Г. Мелкая промышленность, ремесло и мелкотоварное производство; Рожкова М.К. Торговля // Очерки экономической истории России первой половины XIX века. - М., 1959. - С.62-117; 246-275; Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII - начале XIX вв. - М., 1960; Рожкова М.К. Экономические связи России со средней Азией.40-60-е годы XIX века. - М., 1963.

58. Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. - Новосибирск.,1965.

59. Горовой Ф.С. Развитие негорнозаводской промышленности, городов и торгово-экономических связей в предреформенной Пермской губернии // Из истории края / Учен. зап. Пермского гос. ун-та. Т.108. - Пермь, 1964. - С.7-35.

60. Сметанин С.И. Разложение сословной и формирование классовой структуры городского населения России (1800-1861 гг.) // Исторические записки. - М., 1978. Т.102. С.153-182.

61. Терещенко Е.И. К вопросу о неzemледельческих промыслах государственных крестьян Южного Зауралья в первой половине XIX в. // Из истории Южного Зауралья в первой половине XIX в. // Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып. 8. Челябинск, 1974. - С.3-19; Она же. Рыночные отношения государственных крестьян и купеческий торг Южного Урала и Зауралья в первой половине XIX в. // Аграрный рынок в его историческом развитии. XXIII сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. -М., 1991. - С.180-183; Яровой Г.В. Рынок и товарное обращение на Урале; Он же. Негорнозаводская промышленность Пермской губернии и крестьянские промыслы в дореформенный период // Вопросы истории Урала. Сб. 13. - Свердловск, 1975. С.39-67.

62. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. - Новосибирск,

1982; Рабочий класс Сибири в досоветский период. - Новосибирск, 1982.

63. Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII - первой половине XIX в. - Л., 1981.

64. Шпалтаков В.П. Сибирская купеческая фирма Поповых в первой половине XIX в. // Из истории буржуазии в Сибири. - Томск, 1982; Он же. Городская ярмарочная торговля в Западной Сибири в первой половине XIX в.; Емельянов Н.Ф. Торговля города Кургана при феодализме // Обменные операции городов Сибири периода феодализма. Сб. научн. ст. - Новосибирск, 1990. - С.28-43, 43-62; Пундани В.В. Связи государственных крестьян с рынком // Вопросы аграрной истории Урала и Зауралья (XVII-XX вв.). Свердловск, 1990. С.19-33; Он же. Государственная деревня в аграрном рынке Урала // Аграрный рынок в историческом развитии. Екатеринбург, 1996. С. 116-124; Ершов М.Ф. Торговля и сфера обслуживания города Шадринска в первой половине XIX в. // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып. 3. - С.67-70; Он же. Шадринск в 1838 году по сведениям местной городской думы // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып. 5. -С.21-25; Он же. Эволюция ярмарочной торговли Сибирского Зауралья в первой половине XIX в. // Предпринимательство в Сибири. Мат. науч. конф. -Барнаул, 1994. - С.35-39; Он же. К вопросу о причинах устойчивости Ирбитской ярмарки // Вопросы историографии, истории и археологии (Посвящается 60-летию исторического факультета Омского педагогического университета). - Омск, 1996. С.59-61; Битюков А.Г. Шадринские купцы Хохловы // Шадринская провинция: Материалы второй региональной краеведческой конференции. - Шадринск, 1998. С.76-79; Он же. Шадринская старина. 1998. Краеведческий альманах. - Шадринск, 1998. -С.24-32; Колбин К.К. Имущественное положение шадринского купечества в конце XVIII - первой трети XIX века // Шадринская провинция... С.64-67; Гилев А.В. Участие шадринских купцов в винных откупах по Тобольской губернии в 1834 году // В.П. Бирюков - ученый писатель, краевед / Земля Курганская: прошлое и настоящее: Краевед. сб. Вып.7. - Курган, 1994. - С.81-86.

65. Разгон В.Н. Частное предпринимательство на Алтае в XVIII- первой половине XIX вв.// Предпринимательство на Алтае XVIII в.-1920-е годы. - Барнаул, 1993.-С.11-30.

66. Канаки К. Тарская Мозаика // Тарская мозаика (История края в очерках и документах 1594-1917 гг.) - Омск, 1994.-С.46-59.

67. Истомина Э.Г. Водные пути России во второй половине

XVIII-начале XIX века.-М.,1982; Она же. Транспортная сеть Урала в последней четверти XVIII - первой половине XIX в. // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблемы взаимодействия; Лебедева А.А. О зимнем гужевом транспорте русских крестьян в XIX - начале XX века // Полевые исследования института этнографии АН СССР, 1975. -М.,1976. - С.11-19; Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. - Новосибирск, 1981; Сутырин Б.А.О некоторых особенностях развития речного транспорта в Камском бассейне в XIX веке // Вопросы истории Урала. - Пермь, 1966. - С.142-148; Он же. Транспорт Урала в период промышленного переворота (1840-1880-е гг.) Из истории речного транспорта Камского бассейна / // Вопросы истории Урала. Промышленный переворот в горнозаводской промышленности Урала XIX в. - Сб.10.-Свердловск, 1970 (Учен.зап. УрГУ Т. 105 Сер. ист. Вып.20). - С.66-93.

68. Рутц М.Г. Торговое предпринимательство в городах Западной Сибири в первой половине XIX в // Предпринимательство в Сибири. С.43.

69. Копылов А.Н. Культура русского населения Сибири в XVII-XVIII вв.-Новосибирск, 1968. Он же. Очерки культурной жизни Сибири XVII- начала XIX в. - Новосибирск, 1974; Барадулин В.А. Уральский букет: Народная роспись горнозаводского Урала. - Свердловск, 1987; Он же. Народные росписи Урала и Приуралья (Крестьянский расписной дом) Л., 1988.

70. Копылов Д.И. Обработывающая промышленность Западной Сибири в XVIII - первой половине XIX вв. Учеб. пособие к спецкурсу для студентов ист. факультетов. - Свердловск, 1973. Он же. Развитие городской и сельской промышленности Сибири в связи с ее колонизацией в XVIII в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII- начало XX в.). - Новосибирск, 1977; Индова Е.И. О российских мануфактурах второй половины XVIII в. // Историческая география России XII- начало XX в. Сб. ст. к 70-летию Л.Г. Бескровного. - М., 1975.

71. Мамсик Т.С. Н.В. Басаргин о промышленности и торговле в Западной Сибири (1851 г.)// Земля Курганская: прошлое и настоящее: "Н.Ф.Емельянову - 60 лет" Краевед. сб. Вып.20. - Курган, 1997. - С.91-127.

72. Копылов Д.И. Судостроение Западной Сибири в XVIII - первой половине XIX в.; Люцидарская А.А. К вопросу о развитии сибирского судостроительного промысла в XVII в. // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. Сб. науч. тр. - Новосибирск, 1978. - С.56-69, 70-87.

73. История Курганской области (с древнейших времен до 1861 года) -Т.1. - Курган, 1995. С.256-272.

---

74. Горловский М.А. Города Урала в первой половине XIX в. // Вопросы экономической истории и экономической географии. - Свердловск, 1964. - С.5-18.

75. Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. - С.55; Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав городского населения Сибири в 40-60-х годах XVIII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII-XIX вв.-Новосибирск, 1968. - С.172-173.

76. Сметанин С.И. Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России (1800-1861 гг.). С.178.

77. Шпалтаков В.П. Динамика численности и структура городского населения Западной Сибири в дореформенный период (1795-1860 гг.) // Проблемы исторической демографии СССР. - Томск, 1982. - С.61-66; Резун Д.Я. Городское население Тобольской губернии на рубеже XIX в., Рутц М.Г. Социальный состав городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в., Ивонин А.Р. Численность и состав городовых казаков Западной Сибири XVIII- первой четверти XIX вв. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Сб. науч. тр. - Новосибирск, 1991. - С.38-47, 91-105, 115-136.

78. Рындзюнский П.Г. Городское население // Очерки экономической истории России первой половины XIX в. - М., 1959. - С.276.

79. Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. - Л., 1990. - С.30.

80. Рабцевич В.В. Управление городами в Сибири последней четверти XVIII - первой половины XIX вв. // Сибирские города XVII - начала XIX вв.- Новосибирск, 1981. - С.155-173; Она же. Сибирский город в дореформенной системе управления. - Новосибирск, 1984; Она же. Сибирский город в дореформенной системе управления (1775-1861). Автореф. дисс. д.и.н. - Свердловск, 1991.

81. Дулов А.В. Сибиряки в Бородинском сражении // Вопросы истории Сибири. Вып. 4. Ч.1. - Иркутск, 1971. - С.78-85; Ливчак Б.Ф. Пожертвования на земское войско (милицию) 1806-1807 гг. в Екатеринбурге // Уральский археографический ежегодник за 1973 год. - Свердловск, 1975. - С.127-132.

82. Земцов В.Н., Ляпин В.А. Екатеринбург в мундире. - Екатеринбург, 1992.

83. Исключением являются: Мамсик Т.С. Новые материалы о пребывании Н.В.Басаргина в Сибири // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып.8. - Курган, 1994. - С.104-

---

115; Миненко Н.А. Отношение государственных крестьян Урала и Западной Сибири к местной бюрократии в первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник (№1). - Екатеринбург, 1994. - С.43-53, Побережников И.В. Мельницы правосудия: материалы судебно-следственного дела чиновника Н.С.Павлова (1842-1846 гг.) // Уральский исторический вестник № 3 (Региональное развитие России). - Екатеринбург, 1996. - С.182-207. (Работы Т.С.Мамсик и И.В.Побережникова являются развернутыми комментариями к публикуемым архивным документам).

84. Якунин П.Ф. О деятельности Н.И. Лобачевского в области народного просвещения // Историко-математические исследования. Вып. 9. - М.,1956. - С.129-144; Сафронова А.М.К истории народных училищ Урала второй половины XVIII в. // Вопросы истории Урала. - Сб.13.-Свердловск, 1975. - С.26-38; Слудковская И.А. Развитие народной школы на Урале в XIX веке. Учеб. пособие. - Пермь, 1976; Прокошев В.В. Распространение грамотности в Пермском крае с древних времен до XIX в. // Из истории народного образования Урала. - Пермь, 1976.-С.3-21; Малышева М.П. Из истории формирования педагогических кадров гражданских школ Западной Сибири // Города Сибири (Эпоха феодализма и капитализма).- Новосибирск, 1978. - С.189-211; Она же. Источники по истории просвещения Западной Сибири в конце XVIII - начале XIX в.// Источниковедение и историография городов Сибири конца ХУІ - первой половины XIX века. - Новосибирск, 1987. - С.119-147; Скипина И.В. Церковное образование в Тобольской губернии в первой половине XIX в. // Религия и церковь в Сибири. Тез. мат. науч.конф. - Тюмень, 1990. - С.37-43; Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII - первая половина XIX в.): Учебное пособие - Пермь, 1992. Она же. Приказ общественного призрения и развитие народного образования в Пермской губернии (80-е гг. XVIII - начало XIX в.) // Историко-культурное наследие городов и заводских поселений Урала. Межвуз. сб. науч. тр. - Пермь, 1995.-С.55-69; Пашков А.А. Из истории Шадринского малого народного училища // Шадринская старина. 1998. Краеведческий альманах. - С.125-127.

85. Михашенко А.Л. Общеобразовательная школа Южного Зауралья (досоветский период). Учеб. пособие для студентов педвузов. - Курган, 1993; Немирова О.Г., Новикова Е.В., Уткина А.В. Курганская школа в XIX - начале XX века. - Курган, 1993.

86. Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. - М.,1978; Он же. Очерки материальной культуры русского феодального города. - М.,1988.

---

87. Громыко М.М. Сибирские купцы Корнильевы // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер.общ. наук. - 1972. - №6. Вып.2; Она же. Социально-экономические аспекты изучения непривилегированных сословий феодальной Сибири // История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. - М.,1977. - С.197-236; Она же. Верхотурские купцы Походяшины // Вопросы истории Сибири до советского периода (Бахрушинские чтения, 1969). - Новосибирск, 1973. - С.137-149.

88. Копцева Т.В. Духовная культура купечества Зауралья (вторая половина XVIII - середина XIX в.). дисс. к.и.н. Екатеринбург, 1998; Ершов М.Ф. Культура позднефеодальной ярмарки в Зауралье // Шадринская старина. 1993. Краеведческий альманах. - Шадринск, 1993. - С.23-29; Он же. Специфика культурного развития Зауралья в период позднего феодализма // Шадринская провинция. Мат. регион. краевед. конф. - Шадринск, 1993. - С.26-31; Он же. Источники о мире вещей состоятельных горожан Зауралья в конце 50-х - начале 60-х гг. XIX в. // Земля Курганская : прошлое и настоящее: Краевед. сб. Вып.8. - Курган, 1994. - С.101-104; Он же. О культурной специфике городов позднефеодального Зауралья // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тез. доклад. Ч.11. Челябинск, 1995. - С.169-172. Он же. Рукописные издания И.М.Первушина как исторический источник // Итоги и задачи регионального краеведения. Мат. Всеросс. конф. по ист. краевед. Ч.1. - Курган, 1997. С.45-50.

89. Мирзоев В.Г. Историография Сибири: первая половина XIX века. - Кемерово, 1965; Он же. Историография Сибири (домарксистский период). - М., 1970.

90. Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. - М., 1967.

91. Рындзюнский П.Г. Изучение городов России первой половины XIX в. // Города феодальной России. Сб.ст. памяти Н.В. Устюгова. - М., 1966. - С.65-66.

92. Миронов Б.Н. Спорные и малоизученные вопросы истории русского позднефеодального города в современной советской историографии // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып.7. (Генезис и развитие феодализма в России). - Л., 1983. -С.165-187.

93. Сутырин Б.А. История городов Урала в XVIII-XIX вв. в советской исторической литературе // Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917-1967:Мат. 3-й научн. сессии вузов Урал. экон. района (ист. науки). Вып.1. История СССР. - Свердловск, 1967-С.55-58; Вилков О.Н., Резун Д.Я. К истории изучения Ирбита // Сибирские города XVII - начала XX века.-Новосибирск,

---

1981. - С.11-34; Максимов П.Е. Некоторые проблемы историографии городов Среднего Урала второй половины XVIII - первой половины XIX вв. в последнее десятилетие // 11 Всесоюзная конференция по историческому краеведению. Апр., 1989. Тез. докл. и сообщ. Пенза, 1989. - С.99-100.

94. Резун Д.Я. История городов Сибири в отечественной русской историографии XVIII-XIX вв. Дисс. д.и.н. - Новосибирск, 1990.

95. Горшков С.В., Попов Н.Н. Современная историография городов Урала и Зауралья // Культурное наследие российской провинции: История и современность. К 400-летию г. Верхотурье. - С. 181-184.

Д. А. Кошкарлов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX-XX ВЕКОВ

Историческая наука, неоднократно переживая переломные этапы своего развития, постоянно стремилась найти новые подходы к познанию исторического прошлого, разработать нетрадиционную методологию исследования, осветить все аспекты исторического процесса. Кризисное состояние современной отечественной науки во многом обусловлено утратой доверия к прежним методологическим подходам. Социологический подход, господствовавший в советской историографии, не только не давал целостной картины исторического прошлого, но подчас и просто искажал ее. Необходимость как общей переориентации в целом исследовательского мышления, так и изменения ракурса изучения социальной истории и методов ее постижения, признается абсолютным большинством российских историков.

Цель исторической науки - понимание эволюции общества как процесса взаимодействия трех определяющих его структур - социальной организации, экономической структуры и культуры. При этом одним из основополагающих принципов, которым должен руководствоваться каждый историк, является учет не только "видимой реальности", но и субъективных представлений людей прошлого о мире и о себе. Еще в начале 20 века русский историк Л.П.Карсавин подчеркивал: "История не сводима к росту капитала, ренты, цен. Если мы за цифрой не воспринимаем, хотя бы смутно, человека, цифра - бесполезна" (1). Анализ всех

аспектов социальной истории, следовательно, должен отразить в себе и господствовавшие в ту или иную эпоху социально-психологические установки.

Именно в таком ключе необходимо рассматривать перспективы развития микросоциальных исследований, то есть исторических исследований в рамках локальных социальных общностей - региона, церковного прихода или села.

Как отечественная, так и зарубежная гуманитарная мысль обладает богатыми традициями и опытом, обращение к которым может показать новые пути для развития исторической науки. Примером этого может служить развивающееся в рамках отечественной историографии историко-антропологическое направление. Оно представлено такими именами как А.Я.Гуревич, Ю. А.Бессмертный, М.М.Бахтин, Б.Ф.Поршнев, М.М.Громыко и ряд других.

Историко-антропологическая традиция, в рамках которой получила свое развитие историческая психология, имеет многовековую историю. Так, еще в сочинениях Геродота и Фукидида можно найти немало суждений о психических особенностях, нравах и складе мышления целых народов и племен. Но основополагающее влияние все-таки оказала историко-философская мысль 19 века.

Анализируя развитие гуманитарного знания, можно выделить несколько своеобразных “волн”, которые, в конечном счете, привели к “коперниканскому перевороту” в историографии (2). В Европе и России развивались научные школы, ставившие своей целью изучение материальной культуры и духовно-психологической жизни народов. Событийно-биографическая и политико-правовая история становилась скорее фоном, внешним выражением, более глубинных процессов. Обращение совершенно к жизни человека в ту или иную эпоху являло собой совершенно новый подход к исследованию исторического прошлого.

Но этот поворот в гуманитарном знании был подготовлен не только логикой развития самой исторической науки. Во многом он осуществлялся на ее “границах”, благодаря синтезу методологических подходов разных наук - этнографии и социологии, философии и лингвистики, психологии и географии. Таким образом, историко-антропологическое направление в историографии развивалось не просто на стыке наук, но и на пересечении двух традиций человекознания: гуманитарной и естественнонаучной.

Начало “первой волны” было возведено в 1850-1860-е годы теоретическими манифестами и историческими исследованиями А. С. Хомякова, Н.И.Костомарова, Н.Я.Данилевского - в России; Я.Буркхардта, М.Лазаруса, Г.Штейнталя - в Германии;

Ж.Мишле - во Франции. Факты, собранные не только исторической наукой, но и этнографией, языкознанием, археологией, все настойчивее подталкивали к пониманию того, что разные эпохи и цивилизации характеризуются определенной спецификой мышления людей, восприятия ими окружающего мира и себя в нем.

Новое направление в отечественной историографии во многом берет свои истоки в исторической традиции славянофилов, которые разрабатывали программу изучения народной культуры. Так, русский философ и историк А.С.Хомяков (1804-1860) подчеркивал, что для понимания сущности исторического процесса необходимо учитывать специфику национальной психологии, “строй умственной жизни” народов в разные эпохи. Правда он считал, что характер народа в целом не познаваем для науки - “ускользает от математического циркуля и от анатомического резца” науки; его “можно лишь угадывать, чувствовать, глубоко сознавать”(3).

Идеи славянофилов о необходимости обращения прежде всего к проблемам культуры, духовной жизни народа нашли воплощение в трудах Н. И. Костомарова (1817-1885). В одной из работ он писал: “Учение о необходимости историку русскому иметь на первом плане народ, а не государство, развито отчасти школой славянофилов” (4). Еще в начале 1860-х годов им были разработаны новые методологические подходы к изучению прошлого, которые были реализованы лишь некоторыми историческими школами в 20 веке. В основу исторической науки, по его мнению, должно быть положено изучение социально-исторической психологии народа, социальных слоев и групп: “Все для историка важно более или менее, смотря по тому, насколько служит к уразумению психологии прошедшего” (5). При этом, по его мнению, необходимо учитывать региональную специфику, которая проявляется, в частности, и в характерных особенностях психологического склада людей. Костомаров призывал обращать внимание в первую очередь не на “поверхностную сторону” истории — на политические события, биографии “великих людей” или эволюцию государственных институтов, — а на то, как в ней отражался тип мышления и восприятия действительности человеком той или иной эпохи. Следовательно, согласно его концепции, “знать о существовании какого-нибудь учреждения в известную эпоху еще недостаточно, и такое знание, взятое само по себе как факт, может привести к ошибкам, если мы не знаем, как народ в свое время понимал то или другое учреждение. Нельзя судить о благосостоянии экономического быта народа, не зная, как народ понимал или понимает довольство или

недостаток” (6).

По-новому он подходил и к проблеме работы с историческими источниками: не бездумная компиляция текстов, а глубокий анализ, дающий представление о “совокупности людских понятий и взглядов, побуждениях, руководивших людскими деяниями, предрассудках, их связывавших, стремлениях, физиономии их обществ” (7). Значимость этого подхода заключается в том, что западноевропейская историография еще и в начале 20 века руководствовалась принципом “Тексты, тексты и ничего кроме текстов!” (Ф. де Куланж), тогда как уже в середине 19 века Костомаров понимал методологическую ограниченность этого тезиса.

К сожалению, многие работы Костомарова, который является одним из основоположников отечественной историко-антропологической традиции, были незаслуженно забыты. И те методологические подходы, которые он разработал еще в 1860-е годы, пришлось “открывать” заново через 50-100 лет. Но приоритет здесь уже во многом принадлежал западноевропейской исторической науке.

Заметным явлением в развитии историко-философской мысли стал труд Н.Я.Данилевского “Россия и Европа”. Разрабатывая цивилизационную концепцию истории (теория “культурно-исторических типов”), особое внимание он уделял анализу психологических особенностей разных народов. Подобно немецкому философу и лингвисту В.Гумбольдту, Данилевский подчеркивал тесную связь между языком и “формой национальной духовной жизни” (8). Специфика “культурно-исторического типа”, представлявшего собой совокупность социокультурных, природно-географических и социально-экономических факторов, определялась, по его мнению, особенностями “психологического строя” народов.

Таким образом, уже в середине 19 века в рамках отечественной исторической науки начали разрабатываться принципы историко-антропологического подхода к изучению прошлого народов.

В гуманитарной мысли Западной Европы в 1850-1860 годы формируются два основных методологических подхода – социологический и культурно-антропологический. Первый уделял основное внимание анализу глобальных социально-исторических тенденций. Второй - микросоциален; основная его цель – реконструкция системы взглядов, поведенческих стереотипов, категорий культуры, господствующих в данном сообществе (9).

Становление антропологического подхода в европейской историографии связано с именем швейцарского историка Я.Бурк-

---

хардта (1818-1897). В его классической работе - “Культура Возрождения в Италии” - интерес к повседневной жизни людей прошлого сочетался с обращением к политической истории, социальная история оказывалась неразрывно связанной с исторической психологией (10). При этом Бурхардта интересовала, прежде всего, не столько история государства и церкви, сколько проблема специфики религиозного сознания человека эпохи Возрождения и его представлений о своем месте в обществе и в мире в целом.

Во французской исторической науке становление нового направления связано с работами Ж.Мишле (1798-1874). Обращаясь к истории народа, он ставил перед собой цель - раскрыть особенности его психологии, выявить “народный дух” в языке, фольклоре и искусстве.

В Германии получила распространение концепция “народной психологии”. Сторонники ее спланировались вокруг журнала “Психология народов и языковедение”, который издавали ученые-языковеды М.Лазарус и Г.Штейнталь. Познание исторического прошлого, по их мнению, возможно только при оформлении новой науки - “психология народов” - находящейся на стыке гуманитарной и естественнонаучной традиций. Развивая идеи В.Гумбольдта и Г.Гердера, они, во многом, предопределили развитие семиотики - науки, которая в частности на основе анализа языковых конструкций реконструирует стереотипы мышления людей прошлого.

Социологический подход наиболее ярко представлен в работах К.Маркса. Выдвигая на первый план экономические отношения в качестве базисных, он рассматривал социальную психологию как одну из важнейших подсистем надстройки. В исторических исследованиях он обращал внимание, прежде всего на классовую психологию. Выделяя условия существования общественных классов, Маркс подчеркивал следующие: общность деятельности, способов мышления, образа жизни, осознание своего единства и отличия собственных интересов от интересов других социальных классов (11).

Таким образом, уже в рамках “первой волны” разрабатывались методологические принципы и теоретические проблемы, проводились конкретно-исторические исследования, которые заложили основы историко-антропологического направления в историографии.

Дальнейшее развитие нового направления в исторической науке связано с оформлением “второй волны”, которая охватила 1880-1920-е годы.

В отечественной историографии эта тенденция связана с на-

учной деятельностью В.О.Ключевского и представителей Петербургской школы медиевистики, работы которых во многом повлияли на дальнейшее развитие историко-антропологического подхода в целом.

Вплоть до 1880-х годов господствующие позиции в отечественной исторической науке занимала политико-правовая научная школа. Работы Н.И.Костомарова и славянофилов не нашли широкого отклика в среде историков. Ситуация изменилась лишь после появления работ В.О.Ключевского (1841-1911). К сожалению, он не оставил специальных теоретических трудов, но как отмечал еще его ученик П.Н.Милюков – методология Ключевского лучше всего изложена в его конкретных исторических работах (12). В советской историографии подчеркивалась эклектичность его методологии только на том основании, что он разрабатывал и воплощал в исследованиях “теорию взаимодействия факторов”, которая своеобразие исторического прошлого объясняла спецификой взаимодействия трех основных факторов – человеческой личности, общества и природы. Но именно это положение важно для регионалистики, которая призвана более конкретно выявлять степень взаимообусловленности природно-географических условий и социальной истории.

В работах о “Смутном времени” начала 17 века Ключевский поднимал проблемы психо-эмоционального состояния общества в кризисные периоды. Он, например, выделял следующие черты “смутного сознания”: потеря ориентиров, конформизм, эмоциональный стресс, страх и агрессивность. Психологическое состояние общества, по его мнению, накладывало свой отпечаток и на материальную культуру. В частности, в одежде предпочтение отдавалось черным и белым тонам, глухому покрою платья (13).

В целом же, в научном творчестве Ключевского нашли сочетание лучшие достижения традиционной историографии и новые методологические подходы.

К началу 20 века в отечественной историографии сложилась Петербургская школа медиевистики, которую возглавил профессор Петербургского университета И.М.Гревс. Наиболее яркими представителями школы были Л.П.Карсавин, П.М.Бицилли, О.А.Добиаш-Рождественская, Г. П. Федотов. Их научное творчество отличалось стремлением к реконструкции целостной картины культуры той или иной эпохи. Эта цель достигалась в рамках культурно-антропологического подхода. Русский историк Л.П.Карсавин (1882-1952) неоднократно подчеркивал приоритетность развития исторической психологии, призванной раскрыть специфику духовного мира человека прошлых эпох. Во многом его идеи были сходны с теми методологическими принципами,

---

которые еще в середине 19 века разрабатывал Н.И.Костомаров. Он также считал, что изъятые из исторического контекста материальные предметы по своей сути мертвы. Они приобретают исторический смысл и научную ценность лишь, когда историк сумеет “объять материал категориями социально-психических, а чисто материальные предметы станут выражать, символизировать непрерывное развитие некоторого качественания” (14). При этом Карсавин отмечал важность “тотального” изучения исторического прошлого — исследование человеческого бытия в органическом единстве всех сфер его жизни.

Методология исторического исследования определяла и методы работы с источниками. В процессе познания прошлого, по определению Карсавина, “участвуют две психологии” - психология познающего (историка) и изучаемого им исторического субъекта (индивида) или прежде всего в категориях сознания, ценностных представлений людей прошлых эпох (15).

Научные труды Л.П.Карсавина, П.М.Бицилли и других представителей Петербургской школы медиевистики оказали влияние на дальнейшее развитие историко-антропологического направления в историографии, не потеряв своего научного значения и на современном этапе. По сути дела они были одними из тех, кто как М.Блок и Л.Февр во Франции, стояли у истоков “Новой исторической науки”.

Новая “волна” в становлении историко-антропологического подхода в западноевропейской гуманитарной мысли связана с появлением научных школ, акцентирующих свое внимание на “человеческом факторе”. В рамках социологии в этом направлении действовала французская социологическая школа Э.Дюркгейма, в антропологии — Л. Леви Брюль и М.Мосс, в языкознании — Ф. де Соссюр, заложивший основы семиотики, в исторической науке — немецкая школа “культурно-исторического синтеза” К.Ламп्रेхта, работы И.Хейзинги и А.Берра.

Основополагающее влияние на дальнейшее становление исторической психологии как науки в Европе оказали работы представителей французской социологической школы во главе с Э.Дюркгеймом (1858-1917). Придерживаясь ставшей уже традиционной точки зрения, что в основе таких социокультурных общностей как народ или цивилизация лежит особый тип мышления, он главное внимание уделял анализу структуры и механизма функционирования категориального аппарата человеческого сознания. Дюркгейм подчеркивал социальную обусловленность “коллективных представлений”, которыми и определяется поведение человека (16).

В целом, работы Дюркгейма и его учеников в области соци-

альной психологии по сути дела стали программой и теоретической базой нового направления в исторической науке, что фактически и предопределило появление такого феномена как историческая школа “Анналов”, а в дальнейшем и “Новой исторической науки”.

“Третья волна” пришлось на конец 1920-х – начало 1950-х годов. Идеи социальной обусловленности культурно-исторических феноменов, возможности на их основе реконструировать психологию людей той или иной эпохи, идеи о качественном многообразии конкретных исторических и этнических форм мышления, присутствовали практически во всех направлениях научной мысли, касавшихся социально-исторических, культурологических или философско-антропологических проблем.

Новый этап развития в отечественной гуманитарной мысли был связан с появлением ряда концепций и научных школ – культурно-исторической концепции Л.С.Выготского, теории “карнавальной народной культуры” М.М.Бахтина, структурно-семиотической школы В.Я.Проппа.

Выготский понимал под культурой систему знаковых понятий, присущих человеческой психике. Социальность и знаковость последней выводилась, прежде всего, из социального опыта и общественной деятельности. Согласно концепции Выготского, изменение типа мышления в ходе исторического развития свидетельствует не о физиологических изменениях мозга, а об изменении структуры и механизмов функционирования психики. Круг охваченных проблем и методологические подходы, им развивавшиеся, позволяют нам считать его основоположником исторической психологии в советской науке.

Новаторские подходы к анализу историко-культурологических проблем отличали работы М.М.Бахтина (1895-1975). Наиболее яркое воплощение бахтинская методология нашла в труде “Творчество Франсуа Рабле” (17). Созданная еще в 1940-е годы, эта работа была опубликована лишь через два десятилетия, принесла всемирную славу ее автору. Бахтин исследовал природу “карнавального смеха”, присущего народной культуре Средневековья, его функциональное назначение в системе мировосприятия человека той эпохи. Обращаясь к глубинным пластам человеческого сознания, огромному фонду человеческих представлений, не сводимых к теориям и идеологиям, он вскрыл иной, неизведанный уровень исторической реальности, на котором, зачастую, и следует искать ответы на многие вопросы, связанные с объяснением исторического процесса вообще. Тем самым он отчасти предвосхитил то направление в разработке истории и теории народной культуры, которое вскоре – и не без его вли-

---

яния – получило развитие как на Западе, в рамках школы “Анналов” (Ж. Ле Гофф, Ж.-К. Шмитт, Э. Леруа Ладюри), так и в отечественной историографии (18).

Одной из первых попыток в советской исторической науке создания культурно-исторического исследования стала работа Б.А.Романова “Люди и нравы Древней Руси” (19). Попытка тем более примечательная, что была предпринята для уяснения механизма действия социально-экономических процессов. Автор подчеркивал важность раскрытия в ходе исторического исследования не только проблемы - как жили люди той или иной эпохи, но и - как они представляли себе эту жизнь. Опираясь на традиции отечественной дореволюционной науки, Б.А.Романов стремился воссоздать целостную картину исторического прошлого, включая в нее и систему представлений людей средневековой Руси.

Таким образом, в отечественной науке в 1930-1940-е годы, даже, несмотря на давление и преследование со стороны идеологической цензуры, историко-антропологическое направление нашло свое воплощение в трудах ряда крупных ученых.

Приоритет в разработке нового подхода в рамках европейской научной мысли принадлежал французской исторической школе, которая была представлена такими именами как М.Блок и Л.Февр (основатели исторической школы “Анналы”), И.Мейерсон (“школа исторической психологии”).

Само понятие “историческая психология” впервые ввел в научный оборот И.Мейерсон. Задачи новой науки – “исторической психологии” – должны, по его мнению, заключаться в раскрытии специфики генезиса и развития социальной психологии человека на основе изучения продуктов общественно-исторической эволюции - языка, религии, материальной культуры, социальных институтов - и установлении закономерностей развития и регресса отдельных психических функций (20).

В 1929 году французские историки М.Блок и Л.Февр основали журнал “Анналы социальной истории”, вокруг которого сплотилось новое поколение историков, предложившее нетрадиционные подходы к “ремеслу историка”. Одна из основных целей их исследовательской деятельности заключалась в раскрытии “человеческого содержания истории”.

И Блок, и Февр начинали научную деятельность как историки-регионалисты, что дало им возможность всесторонне проанализировать конкретно-исторический материал и выйти на новый уровень в осмыслении прошлого Европы. Именно представители школы “Анналов” в рамках региональной истории применяли новые методологические подходы, которые можно обо-

---

значить как историко-антропологические. Февр подчеркивал, что “историческое деяние не уменьшается в рамках “местного” и “национального”, а стремится к общечеловеческому, оказывается способным к распространению и расширению” (21).

Как для Февра, так и для Блока было характерно пристальное внимание к исторической психологии. Каждый из них пришел к этому своим путем. Блок, как специалист по аграрной истории Средневековья, никогда не замыкался в собственно экономической проблематике, понимая, что исследование социальных и экономических институтов невозможно без анализа духовной жизни людей, присущих им “манер думать и чувствовать” (22). Л. Февр, отдавая в своих работах приоритет истории культуры, расценивал материальные факторы (богатство, труд и т. п.) преимущественно как “психологические феномены”, как “факты верований и убеждений”. Подходы, которые разрабатывали основоположники “Анналов”, во многом сходны с идеями, выдвигавшимися еще в середине 19 века русским историком Н.И.Костомаровым.

Борьба “анналистов” против традиционной историографии отразила всю глубину пропасти, лежащей между ними. Так, например, Февр писал в рецензии на многотомный труд “История России”, вышедший во Франции под редакцией Ш.Сеньобоса и П.Милюкова: “...Перед нами Россия. Я не видел ее собственными глазами, специально не занимался ее изучением, и все же полагаю, что Россия, необъятная Россия, помещицья и мужицкая, феодальная и православная, традиционная и революционная, - это нечто огромное и могучее. А когда я открываю “Историю России”, передо мной мельтешат придурковатые цари, взяточники-министры, попугай-чиновники, бесконечные указы и приказы. Где же сильная, самобытная и глубокая жизнь этой страны; жизнь леса и степи; приливы и отливы непоседливого населения; трудовые навыки крестьян и роль леса в русской жизни; помещицье землевладение и образ жизни знати; большие русские ярмарки; неспешное формирование того, что мы называем буржуазией. Осознание всем этим людом России как некоего единства — какие именно образы и какого порядка при этом возникают? Этнические? Территориальные? Политические? Роль православной веры в жизни русской общности, в формировании отдельных личностей; лингвистические проблемы, региональные противоречия и их причины — да мало ли еще чего? Обо всем этом, что является для меня подлинной историей России, не говорится почти ничего” (23). Статья Февра представляла собой яркий, эмоциональный памфлет против событийной “картинной истории”, не воссоздающей, а подчас и просто иска-

---

жающей историческое прошлое. Не события сами по себе, а тот духовный “багаж”, которым располагали люди изучаемой эпохи, по его мнению, должен стать объектом исторического исследования. Поэтому центральной проблемой для школы “Анналов” стала история ментальностей, то есть неосознанных представлений, социально-психологических установок, формирующих особую “картину мира” в сознании людей.

Введенное в научный оборот Л.Леви-Брюлем, понятие “ментальность” в исторической науке утвердилось с появлением монографии русского историка П.М.Бицилли “Элементы средневековой культуры” (24).

Научная традиция, у истоков которой стояли М.Блок и Л.Февр, придала новый импульс в развитии историко-антропологического направления в мировой историографии.

Новая “волна” пришлась на 1960-1980-е годы. Третье и четвертое поколения “анналистов” не только продолжили традиции “школы”, но и привнесли ряд новаций в фонд методологии исторических исследований. Научное влияние “Анналов” распространилось уже не только на европейскую, но и на мировую историографию, что положило начало формированию такому течению как “Новая историческая наука”. Наиболее ярким и новаторским направлением в рамках “новой историографии” и по сей день остается история ментальностей.

Возникший в 1960-е годы под влиянием этнологии интерес в среде французских историков к проблемам “народной культуры” положил начало новой “волне”. Изучение аграрной истории и традиционной крестьянской культуры проходило в рамках региональной истории. Интерес к последней был обусловлен не только стремлением выяснить специфику развития народной культуры, но и влиянием традиций французской географической школы. В этом смысле показательна эволюция таких крупных историков как Ж.Дюби и Э. Леруа Ладюри. Составив себе имя в качестве специалистов по аграрной и социальной истории, они обратились затем к истории ментальностей.

Примером нового подхода может служить исследование Э.Леруа Ладюри “Монтайю” (1975). Всесторонне проанализировав архивные документы, он составил целостную картину жизни крестьян одного из поселений на рубеже 13-14 веков. Но даже в рамках этого микролокального исследования историк смог осветить такие аспекты жизни людей того времени, которые обычно ускользают от взора исследователей, как брак, секс, любовь, отношение к труду и собственности, восприятие смерти и детства, представления о времени и пространстве. Ему удалось создать яркую картину традиций и быта, религиозного сознания и

психологии простого народа (25).

Историко-этнографический подход, получивший развитие в рамках истории ментальностей, не приводил к замыканию поднимаемых проблем в границах региональной истории. Наоборот, именно среди историков, занимающихся проблемами исторической психологии на локальном уровне, заметно стремление реконструировать картину исторического прошлого во всей ее полноте.

В отечественной гуманитарной мысли в 1960-1980-е годы оформился целый ряд научных школ, уделявших значительное внимание историко-психологической проблематике. В это время получила признание теория М.М.Бахтина, обрела научное влияние тартуско-московская семиотическая школа; в рамках медиэвистики, во многом, благодаря влиянию традиций школы “Анналов” развивалась история ментальностей. Общей для них была тенденция деидеологизации истории, перемещение интереса с идеологических систем на мировоззрение и мировосприятие человека изучаемой эпохи. В рамках традиционной историографии развивалось историко-этнографическое направление, наиболее ярко представленное работами по истории Сибири.

Развитие историко-этнографического направления в отечественной историографии связано с такими именами как М.М.Громыко, Н.А.Миненко, Н.Н.Покровский, И.В.Побережников. Руководствуясь традиционным для советской науки марксистским подходом, они отдавали приоритет изучению духовной и материальной культуры, идеологии крестьянства Урала и Сибири 18-19 веков.

В этом историческом направлении можно выделить два основных подхода к исследованию общественного сознания – культурологический и социально-исторический. Первый характеризуется пристальным вниманием к так называемому “холодному обществу” – крестьянской общине, с присущими ей специфическими социокультурными характеристиками, подверженной крайне медленным изменениям, что зачастую создает впечатление о ее сверхустойчивости. Так в трудах М.М.Громыко и Н.А.Миненко воссоздаются традиционная крестьянская обрядность, этические нормы поведения, представления о браке, семье и труде, господствовавшие в среде западносибирского крестьянства (26).

Центральной категорией в рамках второго подхода является “идеология” - система политико-правовых и религиозных представлений крестьянства. Он нашел воплощение в работах Н.Н.Покровского, И.В.Побережникова (27).

Теоретическое осмысление проблем исторической психологии

получило развитие в 1960-е годы. Ставилась задача комплексного исследования всех уровней общественного сознания — “не только идеологии, но и таких явлений, как обычаи, традиции, представления, вкусы, интересы, настроения, - урвня, который может быть назван социальной психологией” (28). Важность изучения социальных настроений, эмоциональной сферы сознания человека той или иной эпохи подчеркивал Б.Ф.Поршнев, считая, что именно они “перекидывают мост от истории состояний к истории событий” (29).

Ряд работ М.М.Громыко, вышедшие в 1970-1980-е годы, были посвящены традиционной духовной культуре западносибирского крестьянства (30). Основываясь на широком комплексе источников, автор раскрывает многие аспекты трудового и досугового поведения сельского населения, что неизбежно создавало выход и на проблемы специфики психологии крестьянства 18-19 веков. Громыко подчеркивала, что его смысловая знаковость проявлялась не только во время празднеств, но и в ходе обыденной жизни. Анализируя праздничную обрядность, она основывалась на бахтинской концепции “карнавальной смеховой культуры”.

Проблемам социокультурного своеобразия западносибирского крестьянства посвящены работы Н.А.Миненко (31). Большое внимание в них уделяется семейным отношениям, традициям воспитания и взаимоотношениям между поколениями в крестьянской среде. Нашли отражение и некоторые представления людей 18-19 века о смерти и потустороннем мире, которые реконструируются как по обрядам, так и по легендам и преданиям. Правда, автор акцентирует основное внимание не на психологической, а на обрядовой стороне поведения.

В целом культурологическое направление в историографии Сибири и Урала сыграло большую роль в воссоздании нормативно-обрядовой стороны духовной жизни крестьянства. Но при этом задача реконструкции системы представлений — “картины мира”, присущей сознанию человека изучаемой эпохи, - решена не была. Различные же ее элементы — праздничное мироощущение, нормы морали, религиозное сознание, представления о труде — остаются вне системного единства.

Социально-исторический подход к анализу общественного сознания разрабатывался в рамках изучения истории социальных волнений на Урале и в Сибири. Видное место среди работ этого направления принадлежит монографии Н.Н.Покровского “Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в 18 веке” (32). Автор проанализировал не только весь спектр социальных настроений, господствовавших в среде староверов,

---

но и проследил взаимосвязь религиозных и политико-правовых представлений.

Центральной категорией в исследованиях этого направления является идеологическая система, под которой понимается “мировоззренческий комплекс, включающий морально-этические, социально-политические и религиозные взгляды, в определенной мере систематизированные и теоретически осмысленные” (33).

В советской исторической науке сложилось несколько подходов к вопросу о наличии или отсутствии у русского крестьянства в 18-19 века разработанной идеологии. Так, например, Б.Г.Литвак, обращавшийся к проблемам социальной психологии, подчеркивал, что нельзя вести речь о наличии в этот период хоть какой-либо теоретически осмысленной идеологической системы. Можно говорить лишь о наличии комплекса элементарных представлений, которые характеризовали скорее психологию, а не идеологию крестьянства (34).

Во многом сходные позиции занимают историки ментальностей, акцентирующих внимание не на теориях и учениях, а на “картине мира”, на основании которой и формируются теории и учения.

Другой подход, который нашел признание у многих отечественных историков, основывался на том, что крестьяне действительно не обладали разработанной теорией, в которой бы воплотились их представления об идеальном устройстве общества и путях его достижения, их классовые интересы. Но при этом подчеркивалось, что они не были совершенно безыдейными, обладая своеобразной “идеологией” - комплексом идей и стремлений, присущих каждому социальному классу. При этом Покровский отмечал, что интенсивность идеологического протеста крестьян не следует путать с уровнем осознанности ими своих социально-политических интересов и целей (35).

Результаты исследований в рамках историко-этнографического направления нашли отражение в таких фундаментальных трудах как “Крестьянство Сибири в эпоху феодализма”, “История крестьянства в Европе”, “Традиционная культура русского крестьянства Урала 18-19 веков” (36).

Вместе с тем еще очень слабо изучена духовная жизнь купечества, горожан, не нашла освещение и проблема социальной психологии маргинальных слоев населения. Практически без внимания оставлены такие аспекты сознания и духовной жизни людей прошлых эпох как восприятие времени и пространства, динамика социокультурных взаимоотношений сельского мира и родов.

Проблемы исторической психологии нашли отражение и в работах южно-зауральской краеведческой школы. Так, во многом опираясь на концепцию М.М.Бахтина, шадринский историк М.Ф.Ершов проанализировал особенности мировосприятия участников ярмарочной торговли. Автор акцентировал внимание на эмоционально-психологической обусловленности поведения посетителей ярмарки, которая оказывалась не только местом торговли, но и своеобразным полем психологических взаимодействий продавцов и покупателей (37).

Как историографическая сторона проблемы, так и конкретно-историческая характеристика факторов, оказывавших непосредственное влияние на складывание тех или иных черт социальной психологии крестьянства Западной Сибири в эпоху феодализма, нашли свое воплощение в статье В.В.Пундани (38). Это, по сути дела, одна из первых попыток обобщения и развития достижений историко-этнографического направления в анализе проблематики исторической психологии.

Во многом, опираясь на традиции “школы Н. Н. Покровского”, О.Н.Савицкая исследует историю становления и развития старообрядческого движения в Южном Зауралье. Распространение в среде староверов хилиастических и эсхатологических настроений, фанатичная приверженность “истинной вере”, практика массовых самосожжений — все эти явления имеют прямой выход на проблемы исторической психологии.

В обобщающем коллективном труде “История Курганской области” нашел отражение большой по объему материал, характеризующий материальную и духовную культуру населения Южного Зауралья (39). Правда, акцент сделан в основном на описание традиций и обрядов крестьянства, а не на их характеристике с точки зрения подходов исторической антропологии.

Таким образом, понимание того, что изучение исторического прошлого невозможно без анализа и реконструкции субъективных представлений, господствующих в обществе в ту или иную эпоху, было характерно уже для некоторых историков 19 века. Но только в 20 веке этот подход нашел широкое признание, в том числе и в отечественной историографии. Особенно ярко эта тенденция проявилась в рамках региональной истории. И в этом смысле показательна эволюция целого ряда крупных ученых от исследования экономической истории к проблемам культуры и социальной психологии. Тезис французского историка Ж. Ле Гоффа о том, что “конец 20 века — время складывания новой методологии истории”, лишь подчеркивает общемировую направленность этого процесса (40).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ястребицкая А.Л. Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991. С. 89.
2. Гуревич А.Я. “Новая историческая наука” во Франции: достижения и трудности // История и историки. 1981. М., 1985. С. 105.
3. Хомяков А.С. Сочинения. Т. 1. Работы по историософии. М., 1994. С. 55.
4. Костомаров Н. И. Земские соборы. Исторические монографии и исследования. М., 1995. С. 429.
5. Там же. С. 425.
6. Там же. С. 302.
7. Там же. С. 426.
8. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 91.
9. Берк П. Антропология итальянского Возрождения // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1993. С. 272.
10. Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М., 1996.
11. Маркс К. Соч., 2-е изд. Т. 7. С. 17, 26-27.
12. Ключевский В.О. О русской истории. М., 1993. С. 6.
13. Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 294-295, 331, 363.
14. Ястребицкая А. Л. Указ. соч. С. 89.
15. Карсавин Л.П. Введение в историю // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 106.
16. Дюркгейм Э. Социология и теория познания // Хрестоматия по истории психологии. М., 1980. С. 218, 223.
17. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1966.
18. Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М., 1989. Вып. 1. С. 77-78.
19. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки 11-13 веков. Л., 1966.
20. Мухина Е. Н. Историческая психология в системе наук о культуре // Культура и социальная жизнь общества. М., 1981. С. 59.
21. Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 99.
22. Гуревич А.Я. “Добротное ремесло” (Первая биография Марка Блока) // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991. С. 77.
23. Февр Л. Указ. соч. С. 65.
24. Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. М.,

1995.

25. Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 83-84.

26. Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян 19 века. Новосибирск, 1986; Миненко Н.А. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни в 18 – первую половину 19 веков. Новосибирск, 1989; Миненко Н. А., Рабцевич В.В. Любовь и семья у крестьян в старину: Урал и Сибирь в 18-19 веках. Челябинск, 1997.

27. Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в 18 веке. Новосибирск, 1974; Побережников И.В. Массовые выступления крестьян Западной Сибири в 18 веке. Новосибирск, 1989; Он же. Общественно-политические взгляды русских крестьян Сибири в период позднего феодализма. Новосибирск, 1989.

28. Громыко М. М. Некоторые вопросы общественного сознания в изучении досоветской Сибири // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971. С. 121.

29. Поршнева Б.Ф. Принципы социально-этнической психологии. М., 1964. С. 3.

30. Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян 19 века. Новосибирск, 1986; Она же. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (18 – первой половины 19 вв.). Новосибирск, 1975; Она же. Культура русского крестьянства 18-19 веков как предмет исторического исследования // История СССР. 1987. № 3. С. 39-60.

31. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (18 – первая половина 19 века). М., 1979; Она же Культура русских крестьян Зауралья. 18 – первая половина 19 веков. М., 1991.

32. Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в 18 веке. Новосибирск, 1974.

33. Побережников И. В. Общественно-политические взгляды русских крестьян... С. 3.

34. Литвак Б.Г. О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины 19 века // История и психология. М., 1971. С. 199-214.

35. Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 387.

36. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982; История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 3. С. 530-546; Традиционная культура русского крестьянства Урала 18-19 веков. Екатеринбург, 1996.

37. Ершов М.Ф. Культура позднефеодальной ярмарки в Зауралье // Шадринская старина. 1993. Краеведческий сборник.

Шадринск, 1993. С. 26.

38. Пундани В.В. Крестьянин Зауралья в феодальную эпоху // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краеведческий сборник. Вып. 20. Курган, 1997. С.57-73.

39. История Курганской области (с древнейших времен до 1861 года). Т. 1. Курган, 1995; История Курганской области (1861-1917 гг.) Т. 2. Курган, 1996.

40. Ле Гофф Жак. С небес на землю // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991. С. 24.

Е.В. Турушев

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (60-е гг. XIX в. - начало XX в.)

Настоящее исследование посвящено анализу того, как в исторической литературе нашло отражение развитие промышленности Южного Зауралья в 60-е гг. XIX в. - начале XX в.

Интерес к теме промышленного развития Южного Зауралья обусловлен тем, что данный регион имеет, прежде всего, аграрную направленность экономики. Промышленность же, как на протяжении длительного периода считалось в исторической науке, находилась на положении придатка сельского хозяйства и по уровню развития была близка к ремеслу. Однако, при более глубоком изучении зауральской промышленности возникает мнение о том, что промышленность Южного Зауралья, несмотря на анахроничность некоторых отраслей производства, в большинстве своем, имела достаточно прогрессивный характер и Южное Зауралье, в целом, в период капитализма, было одним из индустриально развитых регионов Зауралья в целом.

Далее рассмотрим, как процессы развития зауральской промышленности в 60-е гг. XIX в. - начале XX в. нашли отражение в исторической литературе. А также попытаемся выявить какие-либо особенности в развитии зауральской промышленности, если таковые существовали, и попытаемся проследить, как они были отражены в исторических исследованиях.

Но в первую очередь определим хронологические рамки, относительно которых велись исторические исследования в области промышленного развития Южного Зауралья.

Хронологическими рамками определим период с 60-х гг. XIX

в. до начала XXв. Это период, когда после реформ 60-х гг. XIX в. Россия вступила на капиталистический путь развития. Однако, еще до 60-х гг. XIX в. в России существовали определенные предпосылки для создания крупных капиталистических предприятий: значительная масса людей, лишенных имущества и средств производства, наличие крупных денежных средств в стране. Наблюдались явления продажи и найма рабочей силы, процесса отделения производителя от средств производства (1). Но, по мнению некоторых исследователей, в ряде регионов страны, в том числе и в Сибири, процесс капитализации производства начался лишь в 70-80-х гг. XIX в. Поэтому, на наш взгляд, верным будет считать именно 60-е гг. XIX в. началом промышленного капитализма в России. Промышленный капитализм, как стадия экономического развития России, был пройден к концу первого десятилетия XXв., когда в экономике страны начали наблюдаться явления, присущие более высокому уровню, чем просто капиталистические отношения.

Интерес к этому периоду объясняется также тем, что в связи с объективными условиями в промышленном производстве практически по всей стране, в том числе и в Зауралье, наблюдается переход от мануфактурных форм производства к фабричным. Идет процесс концентрации производства, растут объемы производства, окончательно укрепляется социальный статус наемных рабочих, происходит переход от ручного труда к механизированному.

Эти процессы нашли естественное отражение в развитии промышленности Южного Зауралья. Однако, особенности данного региона наложили достаточно серьезный отпечаток на развитие промышленного производства Южного Зауралья.

Исторических работ, темой исследования которых непосредственно является зауральская промышленность в 60-е гг. XIX в. - начале XX в., как таковых нет. Но в литературе, посвященной исследованию различных аспектов экономики Южного Зауралья, содержатся материалы в виде отдельных статей, разделов, очерков и т.п., рассматривающие те или иные аспекты развития промышленности Южного Зауралья в период 60-х гг. XIX в. - начала XX в. И именно на этих, пускай небольших по объему исследованиях попытаемся проследить эволюцию исторических взглядов на развитие зауральской промышленности в период капитализма.

Историографию истории промышленности Южного Зауралья 60-х гг. XIX в. - начала XX в. можно разделить на 2 периода. Первый период - это исследования, которые проводились до 1917г. Работы этого времени не являются чисто историческими иссле-

---

дованиями и носят больше описательный, чем исследовательский характер. Это объясняется несколькими причинами: во-первых, это цели, стоявшие перед авторами, большинство из которых не были профессиональными историками. Исследования проводились с целью реальной оценки возможностей промышленного потенциала региона, сырьевой базы и т.д. Накопление исторических знаний шло за счет разрозненных усилий специалистов различных отраслей науки. Сложно также говорить о каком-либо научно-теоретическом уровне исследований того времени.

И, во-вторых, это то, что исследования проводились практически в то же время, какое было объектом изысканий. Достаточно сложно конструктивно оценивать то или иное событие, современником которого является исследователь.

Одним из таких исследований являются “Материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генерального штаба”, составленные подполковником Генерального штаба Х.Мозелем и посвященные анализу экономического состояния Пермской губернии (2). Данное издание не является историческим исследованием, однако, в начале раздела “Промышленность мануфактурная” содержится исторический экскурс в развитие промышленности Пермской губернии (в состав которой в период 60-х гг. XIX в. - начале XX в. входил в Шадринский уезд). В частности отмечено, что в 40-60-е гг. XIX в. увеличение объемов промышленного производства шло в основном не за счет увеличения числа фабрик и заводов, а за счет расширения производства на уже существующих. Приведены статистические материалы, из которых следует, что наибольшее число фабрик и заводов занимались обработкой продукции земледелия, за ними следовали предприятия по обработке продукции животноводства (3). Следовательно, подавляющее число предприятий занималось переработкой продукции сельского хозяйства, т.е. обрабатывающая отрасль промышленности, так же как и в Сибири в целом, была доминирующей.

Далее в цифровом отношении достаточно подробно рассмотрены все отрасли производства в их производственных характеристиках: количество рабочих, производственный процесс, объемы производства и стоимость произведенной продукции (4).

Вся промышленность Пермской губернии автором делится на городскую и находящуюся в уездах (т.е. сельскую), эта общесибирская закономерность подтверждается также тем фактом, что в уездах сосредоточено подавляющее большинство промышленных заведений (5).

Подобного рода изданием является “Сборник Пермского Зем-

ства”, изданный в 1892г., и в котором содержится статья А.Кунгурцева “Веревоочный промысел Шадринского уезда дер. Шляпниковой” (6). В данном очерке проведено исследование одного из промыслов Шадринского уезда на примере одной из деревень, отмечено, что этот промысел появился как в этой деревне, так и в Шадринском уезде благодаря новоселам, приехавшим из Пермской же губернии Кунгурского и Оханского уездов. Далее достаточно подробно описан производственный процесс, который состоял из нескольких этапов, приведен также перечень производимой продукции, ее сбыт, доходность промысла, производительность труда. Из этих аспектов производства автор делает вывод о том, что это был типичный мелкий промысел, производственной единицей которого, в основном, была крестьянская семья (7).

Следующим изданием, в котором содержится информация о зауральской промышленности, является “Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа и г.Кургана Тобольской губернии”, изданный в 1895г (8). Несмотря на столь многообещающее название, основное внимание в обзоре уделено сельскому хозяйству Курганского округа. Относительно промышленной и промысловой деятельности местного населения приведены лишь отправочные статистические данные, на основе которых представляется возможным рассмотреть лишь общие направления в развитии местной промышленности и промыслов (9).

Сведения о промышленности г. Кургана также достаточно скудны. Приведен перечень курганских заводов, объемы производства на них, указаны также основные направления производства (10).

В 1896г. был издан “Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии” (11). Это издание также не является историческим исследованием, однако представляет интерес в силу того, что в очерке изложена сущность кустарной формы производства и условия, в которых находится кустарная промышленность. Исследованы основные отличия кустарной и капиталистической форм производства. Помимо этого проведено исследование различных сторон процесса производства: наем рабочей силы, размер заработной платы, технология производства, продолжительность рабочего года, расходы производства, сбыт и т.д. (12). Историческая ценность этого очерка состоит в том, что уже в конце XIX в. был проведен анализ существующих форм производства, выделены его две основные формы, описаны основные их отличия.

В 1913 г. был опубликован очерк санитарного врача Р.А.Его-

ровской “Пимокатный промысел в Шадринском уезде Пермской губернии” (13). Профессиональная принадлежность автора говорит о том, что исследование проводилось с целью выяснения уровня санитарных условий данного промысла. Но, несмотря на это, в данном издании содержатся достаточно интересные сведения о пимокатстве в Шадринском уезде. В частности, отмечено, что к моменту исследования, пимокатство в Шадринском уезде имело более чем 50-летнюю историю и началось здесь в связи с появлением в Шадринском уезде идущих на отход кустарей из Вятской и Костромской губерний (14).

Также в очерке содержится информация о том, что пимокатство было в Шадринском уезде не единственным развитым промыслом. Достаточное развитие здесь также получили следующие промыслы: чеботарный, корзиночный, кожевенный, сапожный.

Далее подробно рассмотрена технология валяния пимов, описано производственное помещение — “малуха”. Отмечены крайне неблагоприятные условия валяния пимов (15).

Таким образом, в дореволюционный период изучения южно-зауральской промышленности в 60-е гг. XIX в. - начала XX в., историческая наука не приступила к обобщению знаний по этой теме. Это нашло выражение в том, что не было издано исследований по данной теме, а работы, в которых так или иначе затронута тема промышленности Южного Зауралья, носят описательный, иллюстративный характер. Но, несмотря на это, был накоплен достаточно обширный фактический материал, не потерявший значения и сегодня.

В послереволюционный период в отечественной исторической науке, в связи с переходом на новую методологическую основу, существенно изменилась тематика исследований. Определяющее значение приобрели работы по социально-экономической истории (16). Однако это не повлияло на появление исследований относительно промышленности Южного Зауралья в 60-е гг. XIX в. - начале XX в. Не послужил толчком к исследованию Зауральской промышленности и активный подъем краеведческого движения в Зауралье в 20-е гг. XX в.

Из работ того периода можно выделить “Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественно-историческом, культурно-экономическом и административном отношении”, изданный в 1925 г. (17). Зауральской промышленности посвящен 4 раздел “Обзора”. В этом разделе, как и в издании в целом, рассмотрена промышленность Курганского округа в первые годы Советской власти. Однако в “Обзоре” содержится экскурс в историю промышленности Зауралья в период капита-

---

лизма. В частности, приведены сведения о состоянии Курганской промышленности в 1913 и 1914 годах, а именно эти годы явились как бы итоговыми в развитии промышленности за период с 60-х гг. XIX в. до начала XX в. В издании развивается утверждение о том, что всю промышленность Курганского уезда можно разделить на городскую и сельскую с преобладанием в валовом производстве сельской промышленности. Это утверждение базируется на приведенном статистическом материале, из которого также видно, что, несмотря на меньшее число, городские предприятия были более мощными, чем сельские, как по количеству рабочих, так и по объему производства (18).

Далее отмечено, что во всей промышленности первое место принадлежало промышленности, обрабатывающей растительные продукты сельского хозяйства. Затем приведены следующие характеристики промышленности Курганского уезда: обеспеченность сырьем, рынок рабочей силы, сбыт произведенной продукции (19). Из приведенных характеристик можно сделать вывод о том, что местная промышленность занималась в основном переработкой сельскохозяйственного сырья, не испытывала затруднений с рабочими, число которых пополнялось за счет крестьян, производимая продукция потреблялась как местным рынком, так и за пределами уезда. Далее в изучении промышленного развития Южного Зауралья в период капитализма наступил большой перерыв, обусловленный тем, что все внимание исследователей сосредоточилось на таких аспектах истории Зауралья, как появление русских первопроходцев в Сибири, процесс ее заселения, и ряде других.

Этот перерыв был закончен в конце 50-х гг. XX в., когда начали публиковаться “Ученые записки КГПИ”. Всего в течение 1958-1961 гг. было издано шесть выпусков “Ученых записок”, но только во 2-м выпуске, опубликованном в 1959г., содержится исследование Прусса В.В. “Развитие капитализма в Южном Зауралье в конце XIX - начале XX века”, в котором затронута проблема промышленного развития этого региона (20).

В начале статьи отмечено, что развитие капитализма в Южном Зауралье обусловлено некоторыми особенностями, среди которых автор выделяет отдаленность Южного Зауралья от центров экономической жизни страны, что, в свою очередь, обрекало Южное Зауралье на экономическую отсталость, а также то, что Южное Зауралье, как и вся Сибирь, в составе царской России находилось на положении колонии в экономическом смысле. Это положение, по мнению автора, нашло выражение в том, что в конце XIX в. в Южном Зауралье отсутствовала крупная промышленность, а сельскохозяйственная деятельность местного

населения дополнялась лишь кустарными промыслами и слабо развитой мелкой промышленностью по переработке продуктов земледелия и животноводства (21).

Рост товарно-денежных отношений в зауральской деревне автор связывает с развитием кустарных промыслов. Достаточно подробно описана районная специализация кустарного производства, из которой видно, что основными направлениями кустарного производства было производство сельскохозяйственных орудий (сох, борон, молотилок и т.д.), а также кожевенный, пимокатный, шерстобитный и некоторые другие промыслы (22).

Поворотным пунктом в развитии капиталистических отношений в Южном Зауралье выделяется постройка Транссибирской железнодорожной магистрали, после которой Сибирь и в том числе Южное Зауралье стали неразрывной составной частью всероссийского рынка и начали втягиваться в мировой рынок. Это положение автор связывает как с возросшим после постройки железной дороги экспортом зауральского хлеба и масла, так и с импортом сельскохозяйственных машин и оборудования для маслодельных заводов (23).

Рассмотрена дальнейшая эволюция зауральской промышленности, которая выразилась в увеличении числа производств, появлении новых отраслей, проникновение в зауральскую промышленность иностранного капитала (24).

Однако, все эти сдвиги, по мнению автора, мало изменили общую картину экономики края. Южное Зауралье по-прежнему оставалось отсталым аграрным районом со слаборазвитой, преимущественно мелкой промышленностью, занимавшейся, главным образом, переработкой сельскохозяйственных продуктов.

Затем в исследовании промышленного развития Южного Зауралья вновь наступил длительный перерыв, вызванный тем, что основное внимание историков было обращено к аграрной истории этого региона.

Отрывочные сведения о зауральской промышленности содержатся в изданиях конца 60-х годов XX в. “Очерки истории Курганской области” и “300 лет Кургану” (25). Вопросы промышленного развития Южного Зауралья в период капитализма в этих работах отражены слабо, приведен небольшой фактический материал, на основе которого сделан вывод о том, что в промышленности Южного Зауралья преобладали мелкие предприятия, занимавшиеся переработкой сельскохозяйственных продуктов.

И только в начале 90-х годов начался качественно новый этап в развитии изучения как истории Южного Зауралья в целом, так и истории южно-зауральской промышленности в частности.

Именно в эти годы наблюдается крупный подъем краеведческого движения, центром которого стала кафедра истории России Курганского государственного университета и Курганское областное общество краеведов. Подобный подъем краеведческой работы, как уже отмечалось, наблюдался в 20-е годы. Однако, современное краеведение отличается тем, что более значительную роль в развитии региональной истории играют профессиональные ученые-историки. Этот процесс нашел выражение в появлении значительного числа научных работ по истории Южного Зауралья, в которых содержится достаточно значительный объем исследований по развитию зауральской промышленности в 60-е годы XIX в. - начале XX в.

В 1992 г. была издана книга Н.Ф.Емельянова “Город Курган, 1782-1917: Социально-экономическая история” (26). Для нас эта книга представляет интерес в том плане, что она является практически единственным научным трудом по истории г. Кургана. А именно г. Курган был промышленным центром Южного Зауралья, в городе были сосредоточены наиболее развитые предприятия как по объемам производства, так и по числу рабочих.

Рассмотрение курганской промышленности в период капитализма начинается с утверждения о том, что только во второй половине XIX в. промышленность начинает играть в Кургане заметную роль. Также отмечено, что в это время происходят изменения в структуре промышленности города: отдельные производства начинают увеличиваться, в производстве начинает применяться современная техника, растет количество рабочих на одном производстве (27).

Приведен сословный анализ владельцев различных производств, из которого видно, что заводы в основном принадлежали купцам.

Затем рассмотрена специализация курганской промышленности, отмечено, что курганские предприятия в основном занимались переработкой сельскохозяйственной продукции. Самыми крупными в начале XX в. как по числу рабочих, так и по стоимости произведенной продукции выделены следующие заводы: винокуренный, мукомольные и пивоваренный (28).

Особо в развитии промышленности города подчеркнуто влияние строительства Сибирской железной дороги. С этим фактом автор связывает не только резкое увеличение населения города, но и то, что железная дорога повлияла на все стороны экономической жизни города, поднялась значимость местной промышленности, расширилась торговля, появился свой рабочий класс. Со строительством железной дороги промышленное производство окончательно заняло в городе ведущие позиции. Это утвер-

---

ждение автор обосновывает тем, что только за 1894-1899гг. объемы производства на городских предприятиях выросли почти в 3 раза (29).

Подводя итоги промышленному развитию Кургана в период капитализма, автор отмечает, что к началу XX в. в городе резко выросло промышленное производство, по промышленному развитию Курган занял одно из ведущих мест во всей Западной Сибири (30).

Исследования промышленности Южного Зауралья содержатся в краеведческих сборниках “Земля курганская: прошлое и настоящее”.

Во втором издании краеведческого сборника опубликована статья Андреевой И.А. “Развитие промышленности Зауралья при капитализме” (31).

Рассмотрение зауральской промышленности в данном исследовании ведется исходя из положения о том, что в конце XIX - начале XX века Россия вступила в новую фазу своего развития - империалистический капитализм.

Отмечено, что в начале XX в. в Курганском округе созрели все необходимые условия для промышленного переворота, среди которых выделены: увеличение числа мануфактур с полным разделением труда, концентрация огромного капитала в руках буржуа, наличие свободных рабочих рук (32). Данное утверждение автора, на наш взгляд, можно подвергнуть сомнению. О капиталистическом промышленном перевороте, который в начале XX в. происходил в России, т.е. переход от мануфактуры к фабрике, в Южном Зауралье можно говорить лишь в отношении отдельных предприятий. Промышленный переворот, который происходил в Южном Зауралье в целом, был переходом лишь к мануфактурному производству.

Далее проведен анализ производства и производительных сил почти всех отраслей производства Южного Зауралья. Сделан вывод о том, что всю зауральскую промышленность по характеру производства можно разделить на городскую и сельскую. Городская промышленность, несмотря на меньшее количество предприятий, превосходило сельскую как по технологии производства, так и по числу рабочих на одном производстве (33).

В заключении сделан вывод о том, что к началу XX в. в Южном Зауралье наблюдаются все признаки империалистического капитализма. Данный вывод также можно оспорить. Империалистический капитализм подразумевает собой господство в промышленности крупного машинного производства. В Южном Зауралье, о чем, кстати, говорит сама автор в начале статьи, преобладающей формой производства была мануфактура. То

есть говорить о существовании устойчивых признаков империализма в промышленности Южного Зауралья в начале XX в. нельзя.

Следующим исследованием зауральской промышленности, опубликованном в сборнике “Земля Курганская: прошлое и настоящее” является статья В.Г.Савельева “О характере промышленных предприятий Курганского округа в середине XIX в.” (34).

Задачей данного исследования автор видит рассмотрение особенностей развития промышленности Южного Зауралья в середине XIX в., главной из которых выделена та, что все промышленные предприятия в Курганском округе были частными и удовлетворяли, прежде всего, потребности местного рынка.

Рассмотрен процесс сращивания торгового и промышленного капитала. Отмечено, что схожий процесс происходил и в европейской России, в подтверждение этого положения приведены статистические материалы, из которых видно, что в середине XIX в. наибольшее число промысловых свидетельств выдавалось купеческому сословию, купцам же принадлежало наибольшее число предприятий (35).

Далее приведена характеристика среднестатистического зауральского предприятия, из которого видно, что подавляющее число промышленных предприятий в Южном Зауралье представляли собой небольшие заведения, с 2-3 наемными рабочими и с почти полной механизацией производства (36).

Затем автором выделены основные противоречия в развитии промышленности курганского округа, среди которых названы концентрация производства и в то же время полное отсутствие его механизации и необходимой квалификации у рабочих.

В заключении делается вывод о том, что в середине XIX в. мануфактура остается определяющим типом промышленного предприятия в курганском округе, что не дает оснований говорить об изменении способа производства и о развитии механизированных форм промышленности в Южном Зауралье.

В том же выпуске сборника “Земля Курганская: прошлое и настоящее” опубликована статья В.А.Никитина “Ремесло в Южном Зауралье во второй половине XIX в.” (38). Рассмотрение ремесла в Южном Зауралье начинается с определения географического положения этого региона, которое обусловило сельскохозяйственную направленность его экономики. Это положение, по мнению автора, определило специализацию крестьянского ремесла, базой которого являлось сельское хозяйство (39).

Выделены основные направления ремесленного производства, рассмотрена районная специализация крестьянской промышлен-

---

ности. Приведен достаточно обширный (для такого рода исследования) статистический материал, из которого следует, что ремесло в Южном Зауралье к концу XIX в. достигло достаточно высокого развития, а продукция ремесленного производства была известна не только в Южном Зауралье, но и в Западной Сибири (40).

Особо следует отметить 10-й выпуск сборника “Земля Курганская: прошлое и настоящее”, опубликованный под названием “Капитализм Зауралья в XIX - начале XX в.” (41). В этом сборнике содержится три исследования, в которых в большей или меньшей степени затронуты проблемы промышленного развития Зауралья в период капитализма.

Первый раздел сборника “Развитие капитализма на Южном Урале и в Западной Сибири (XIX - начало XX в.)”, (автор - Карпов О.Ю.) затрагивает различные аспекты промышленного развития этого региона.

В начале рассмотрения промышленности Зауралья отмечено, что в местной обрабатывающей промышленности представлены все стадии развития капитализма. Основу обрабатывающей промышленности Зауралья составляла крестьянская промышленность, перерабатывающая животное и растительное сырье. Далее рассмотрена районная специализация зауральской промышленности, выделены основные центры наиболее развитых производств. Определены географические и исторические особенности развития промышленности Зауралья (исследователь в основном повторил ранее известные). (42). Приведен основной список товаров, ввозимых и вывозимых из Зауралья. Далее описаны основные направления производства промышленности, обрабатывающей сельскохозяйственное сырье, приведен статистический материал, на основе которого автор делает вывод о том, что, несмотря на дальнейшее развитие зауральской промышленности в период капитализма, этот регион в начале XX в. остается аграрным районом, с преобладающей мелкой промышленностью, занимавшейся главным образом переработкой сельскохозяйственных продуктов (43).

Третий раздел сборника “Обрабатывающая промышленность Курганского округа в конце XIX - начале XX в.”, автором которого является Андреева Н.А., рассматривает эволюцию обрабатывающей промышленности Курганского округа в период капитализма.

Вначале автором рассмотрены условия для развития обрабатывающей отрасли промышленности в Курганском округе. Отмечено, что для развития этого вида производства в данном регионе имелись все необходимые причины: развитое сельское

хозяйство, являющееся сырьевой базой этой отрасли производства, географическое положение, наличие рынка рабочей силы (44).

Далее приведена общая характеристика этой отрасли промышленности. Отмечены основные направления производства, рассмотрены следующие характеристики обрабатывающей отрасли: технология производства, количество рабочих, объем производимой продукции в денежном исчислении. На основе этих данных сделан вывод о том, что некоторые отрасли обрабатывающей промышленности в Курганском округе имели достаточно высокое развитие и играли в экономике региона заметную роль (45).

Затем в более подробном изложении рассмотрены наиболее развитые отрасли обрабатывающей промышленности Курганского округа: мукомольная, винокуренная, кожевенная, маслодельная, салотопенная. Относительно каждой названной отрасли дана подробная производственная характеристика, включающая в себя: количественный состав производства, уровень технической оснащенности, среднее число рабочих на одном предприятии, продолжительность рабочего дня, заработная плата, условия труда, ассортимент выпускаемой продукции, обеспеченность сырьем и местами сбыта готовой продукции, прослежена история отдельных предприятий. Подводя итоги рассмотрению наиболее развитых отраслей производства в Курганском округе, автор считает, что мукомольная и винокуренная отрасли достигли в округе наиболее высокого развития из всех производств, в этих отраслях уже к концу XIX в. был совершен переход от мануфактуры к фабрике. Кожевенная, маслодельная и салотопенная отрасли, несмотря на высокую степень распространения в Курганском округе, по своему техническому уровню находились на ступень ниже и носили более кустарный характер (46).

В заключении отмечено, что в конце XIX-начале XX в. зауральская обрабатывающая промышленность развивалась неравномерно. Отдельные отрасли производства (мукомольное, винокуренное, пивоваренное) перешли к механизированному труду и носили фабричный характер производства. Остальные же отрасли и к концу первого десятилетия XX в. оставались на стадии мануфактуры и мелкого товарного производства (47).

Следующим исследованием, опубликованном в данном сборнике, является работа Серова Д.В. "Союз Сибирских маслодельных артелей". В данном исследовании рассмотрены практически все аспекты развития маслодельной промышленности в Зауралье, определены причины эволюции этого производства в регионе, прослежено становление и дальнейшее развитие масло-

---

деля, которое к началу XX в. достигло таких размеров, что образованный в 1907г. Союз Сибирских Маслодельных Артелей успешно выдерживал конкуренцию с известными западными фирмами (48).

Отмечена позитивная роль кооперативного движения, зародившаяся именно в маслоделии, для экономики не только Южного Зауралья, но и Сибири в целом. Далее в подробном изложении рассмотрена история деятельности Союза, приведен обширный статистический материал о деятельности Союза.

В заключении автор отмечает, что деятельность Союза имела для экономики Сибири большое значение, которое выразилось в том, что в производство были вовлечены сотни тысяч крестьянских хозяйств, увеличено поголовье скота и его продуктивность, выросла сибирская промышленность, поддерживаемая союзом, Россия вышла на второе место в мире по производству масла (49).

История маслодельной промышленности затронута также в коллективной монографии “Крестьянский социализм в Зауралье при капитализме” (авторы: Н.Ф.Емельянов, И.Н.Пережогина, О.Г.Семенова) (50).

В монографии отмечены предпосылки зарождения маслоделия в Южном Зауралье, в качестве повода для бурного роста маслодельных производств в регионе отмечено строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, после которого южно-зауральское масло стало известно и в европейской России и за рубежом. Также отмечено, что маслоделие было достаточно прибыльным делом, и это положение обусловило “масляную лихорадку”, когда заводы появлялись сотнями. В то же время это привело к тому, что в погоне за прибылью, заводчики не обращали внимание на качество масла и не думали об усовершенствовании технологии (51).

В монографии проанализирована география распространения зауральского масла. Масло наиболее высшего качества экспортировалось за рубеж - в Англию, Данию, Германию, Австрию, Турцию, и вывозилось в европейскую Россию. И именно распространение зауральского масла в центральной России, по мнению авторов, было одним из главных составляющих втягивания Южного Зауралья во всероссийский, а затем, и в мировой рынок. Этот процесс, несомненно, способствовал проникновению в Южное Зауралье форм как торговли, так и производства, присутствующих развитому капитализму (52).

Проблемы промышленного развития Южного Зауралья в период капитализма нашли отражение во втором томе обобщающего труда по истории Южного Зауралья - “История Курган-

---

ской области”(53).

Развитию южно-зауральской промышленности в этой работе посвящены два параграфа. В первом разделе тома “Южное Зауралье во второй половине XIX в.” (автор В.А. Никитин) промышленность рассмотрена в параграфе “Крестьянские промыслы и ремесло”, основное внимание уделено рассмотрению состояния крестьянских промыслов в Южном Зауралье в период зарождения и дальнейшего генезиса капитализма.

Отмечено, что в Южном Зауралье базой развития товарного крестьянского ремесла являлось сельское хозяйство, и крестьянская промышленность специализировалась на обработке животного и растительного сырья (54).

Далее рассмотрено развитие крестьянских ремесел в связи с географической специализацией сельского хозяйства. Приведены производственные характеристики крестьянской промышленности: количество производств и его доходность, технология, количество занятых в производстве и т.д.

Развитие крестьянской промышленности в конце XIX - начале XX в., по мнению автора, сделало дальнейшие шаги вперед и стало необходимым средством обеспечения сельского хозяйства различными товарами. Такие отрасли производства, как маслоделие, винокурение, стекольное производство, достигли промышленного уровня, остальные же заведения находились в стадии промысловых (55).

Во втором разделе тома “Южное Зауралье в конце XIX - начале XX в.” развитию промышленности посвящен второй параграф “Промыслы и промышленность” (автор П.А.Свищев).

В начале параграфа рассмотрены причины зарождения крестьянской промышленности в Южном Зауралье, среди которых выделены: недостаточная доходность сельского хозяйства, та или иная зависимость крестьян от погодных условий и. т.п. Затем дано понятие крестьянского промысла, под которым автор понимает мелкую крестьянскую обрабатывающую промышленность на домануфактурной стадии развития (56).

Далее анализируется развитие крестьянской промышленности Южного Зауралья в конце XIX - начале XX в., прослежена районная специализация производственных отраслей, размера кустарного производства, качества изготовленных изделий. Из приведенных характеристик делается вывод о том, что в целом производство носило рутинный характер, однако, перечень производимой продукции был достаточно широк, и среди изделий кустарей встречались предметы достаточно высокого качества (57).

Затем описано производство в ряде отраслей, производствен-

ные помещения, условия труда. Условия труда во многих кустарных производствах были не просто неблагоприятными, а вредными для здоровья, производство в целом было примитивным и антисанитарным (58).

Рассмотрена дальнейшая эволюция крестьянской промышленности, ее связь и влияние на зауральский рынок, прослежена причина бурного развития промыслов в начале XX в.

В заключении выделены основные характерные черты сельской промышленности в Южном Зауралье в конце XIX - начале XX в., отмечены ее особенности - сочетание различных по уровню форм производства от домашней промышленности до фабрики (59).

Курганской промышленности в период капитализма посвящен достаточно большой раздел книги А.М.Васильевой "Забытый Курган" (60).

В начале раздела о промышленном развитии города говорится о том, что о Курганской промышленности как таковой можно говорить лишь после построения Транссибирской железнодорожной магистрали.

Далее рассмотрен количественный и отраслевой состав курганских предприятий.

Затем более подробно рассмотрены наиболее развитые отрасли Курганской промышленности: салотопенная, мельничная, картофелепаточная, винокуренная, кожевенная. Указаны: объем и характер производства, прибыльность производства, количество рабочих, условия труда. Качество изготавливаемой продукции, сбыт готовой продукции, также указаны владельцы отдельных производств, прослежена история некоторых заводов (61).

Далее приведено подробное описание наиболее крупных в начале XX в. курганских предприятий: турбиностроительного завода, винного казенного склада, склада-холодильника "Унион", свинобойни Брюля и Тегерсена, завода Сорокина, жестяно-лудильного завода. В целом это были достаточно крупные промышленные предприятия, на которых в среднем трудилось около 200 рабочих, производящих продукцию, которая была конкурентоспособной и пользовавшейся спросом не только по всей Сибири, но и в Европейской России (62).

Подъем краеведческого движения, в наши дни связанный с деятельностью Областного общества краеведов и ученых-историков КГУ, наблюдается не только в Кургане, но и в Шадринске и связан с исследовательской деятельностью историков Шадринского государственного педагогического института и "Движения за культурное возрождение". Их научные изыскания публикуются в ежегодном краеведческом альманахе "Шадринская

старина”, который издается с 1993 г.

В опубликованных альманахах проблемы развития местной промышленности затронуты в двух изданиях. В альманахе за 1994г. опубликована статья В.П.Пузырева “Фабриканы Бутаковы” (63). Данная публикация не является исследованием промышленности, а посвящена истории семьи шадринских фабрикантов Бутаковых. Однако в ней содержатся упоминания о промышленной деятельности этой семьи. В частности, прослежена история ткацко-прядельной фабрики Бутаковых, начиная с ее построения в 1910 г. до 1941 г., когда в помещении фабрики был размещен эвакуированный из Москвы автоагрегатный завод, который существует и сейчас (64).

В альманахе “Шадринская старина”, изданном в 1995, опубликована статья Н.М.Бажиной “Шадринцы на Сибирско-Уральской выставке 1887 г.” (65) Данное исследование также не является исследованием промышленности, а рассматривает прошедшую в 1887г. в Екатеринбурге Сибирско-Уральскую выставку. Хотя эта статья не касается конкретно промышленного производства, в ней содержатся сведения об изделиях шадринской промышленности, которые были представлены на выставке 1887 г. Проанализированный материал дает основания для следующих выводов. Историю изучения промышленности Южного Зауралья в 60-е гг. XIX в. - начале XX в. можно разделить на два больших, качественно отличающихся друг от друга периода, границью между которыми является 1917г.

Среди достижений дореволюционной исторической науки относительно исследования южно-зауральской промышленности периода капитализма следует отметить помимо накопления обширного фактического материала также первые попытки его анализа и обобщения. Однако специального труда о развитии промышленности Южного Зауралья в пореформенный период до 1917г. написано не было.

Затем в исследовании промышленности Южного Зауралья в 60-е гг. XIX - начале XX в. наступил большой перерыв, связанный с объективными причинами российской истории.

В 50-х - начале 60-х годов наблюдается подъем в изучении истории Южного Зауралья. Однако тема промышленности не была в то время затронута исследователями.

И только в начале 90-х гг., после длительного перерыва в изучении истории данного региона, историки приступили к написанию обобщающего труда по истории Южного Зауралья, и тема промышленного развития края стала привлекать внимание исследователей. Исследовательские работы этого времени поднялись на качественно новый уровень, иллюстративное опи-

---

сание тех или иных аспектов истории региона уступило место обобщению накопленных знаний.

Но, несмотря на подъем краеведческого движения в наши дни, специальный труд по истории южно-зауральской промышленности периода капитализма также не написано.

В опубликованных работах по истории промышленного развития Южного Зауралья в пореформенный период отчетливо прослеживается круг проблем, интересовавший исследователей этого вопроса. Среди них можно выделить следующие: количественный состав предприятий, основные направления производства, обеспеченность сырьем и рынки сбыта, технический уровень оснащенности производств, количество рабочих, условия труда и размеры заработной платы, история отдельных заводов или производств, влияние зауральской промышленности на экономику региона.

Таким образом, историографический анализ вопроса о развитии промышленности Южного Зауралья в 60-е гг. XIX - начале XX в. свидетельствует об определенных достижениях в его разработке. Однако выявлены существенные пробелы в исследовании отдельных отраслей промышленности, качественных изменений в этой сфере экономики, в выявлении уровня развития промышленности данного региона в период капитализма. По существу не раскрыты до сих пор следующие проблемы: время промышленного переворота в Южном Зауралье, его влияние на промышленное производство региона, взаимосвязь отдельных производств в промышленности Южного Зауралья и ряд других.

В итоге становится очевидной необходимость специального изучения всего комплекса вопросов, связанных с темой промышленного развития Южного Зауралья в пореформенный период, создание обобщающего труда по этой теме.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андреева И.А. Обработывающая промышленность Курганского округа в конце XIX - начале XX в.// Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краеведческий сборник, выпуск 10. - Курган, 1995.

2. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. Часть II. Составил подполковник Генерального штаба Х. Мозель. - СПб., 1864.

3. Там же. С. 114.

4. Там же. С.115-161.

5. Там же. С. 120.

6. Сборник Пермского Земства, 1892г. № № 3, 4. - Пермь:

Типография губернской земской управы, 1892.

7. Там же. С. 83-85.

8. Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа и г. Кургана Тобольской губернии. - Курган: типография Н.Г. Зикеева, 1895.

9. Там же. С.32-36.

10. Там же. С.46 Приложения.

11. Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии. - Пермь: Типография Губернской земской Управы, 1896.

12. Там же. С. 14.

13. Пимокатный промысел в Шадринском уезде Пермской губернии. Сан. врача Р. А. Егоровской. - СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1913.

14. Там же. С. 3.

15. Там же. С. 7-29.

16. Меншиков В.В. Основные проблемы историографии истории феодального Зауралья // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краеведческий сборник, вып.20. -Курган, 1997. - С.40.

17. Краткий обзор Курганского округа Уральской области. В естественно-историческом, культурно-экономическом и административном отношении. - Курган: Издание Округной Плановой Комиссии, 1925.

18. Там же. С.211.

19. Краткий обзор Курганского округа Уральской области. В естественно-историческом, культурно-экономическом и административном отношении. - Курган: Издание Округной Плановой Комиссии, 1925. С.217-218.

20. Прусс В.В. Развитие капитализма в Южном Зауралье в конце XIX - начале XX в. // Ученые записки КГПИ. Вып.2. - Курган, 1959.

21. Прусс В.В. Развитие капитализма в Южном Зауралье в конце XIX - начале XX в. // Ученые записки КГПИ. Вып.2. - Курган, 1959. - С. 177-178.

22. Там же. С. 186.

23. Там же. С. 193.

24. Там же. С. 197.

25. Очерки истории Курганской области. - Челябинск, 1968. 300 лет Кургану (1662-1962гг.): Краткий исторический очерк. - Курган, 1962.

26. Емельянов Н.Ф. Город Курган, 1782-1917: Социально-экономическая история. - Курган, 1992.

27. Там же. С.97.

-
28. Там же. С. 104.
  29. Там же. С. 106.
  30. Там же. С.110.
  31. Андреева И.А. Развитие промышленности Зауралья при капитализме// Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краеведческий сборник, вып. 3. - Курган, 1991.
  32. Там же. С.49.
  33. Там же. С.50-51.
  34. Савельев В.Г. О характере промышленных предприятий Курганского округа в середине XIX в.// Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краеведческий сборник, вып. 5. -Курган, 1993.
  35. Там же. С.28.
  36. Там же. С.29.
  37. Там же. С.31.
  38. Никитин В.А. Ремесло в Южном Зауралье во второй половине XIX в.// Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краеведческий сборник, вып.5. - Курган, 1993.
  39. Там же. С. 78.
  40. Там же. С. 78-81.
  41. Капитализм Зауралья в XIX - начале XX в. // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краеведческий сборник, вып. 10. - Курган, 1995.
  42. Там же. С. 13-14.
  43. Там же. С.22-25.
  44. Там же. С.56-59.
  45. Там же. С.59-60.
  46. Там же. С. 60-72.
  47. Там же. С. 76.
  48. Там же.
  49. Там же. С.91-16.
  50. Емельянов Н.Ф., Пережогина И.Н., Семенова О.Г. Крестьянский социализм в Зауралье при капитализме. - Курган, 1994.
  51. Там же. С. 112-116.
  52. Там же. С. 137.
  53. История Курганской области (1861-1917гг.). Том 2. - Курган, 1996.
  54. Там же. С.80.
  55. Там же. С.84-86.
  56. Там же. С.134.
  57. Там же. С.136-141.
  58. Там же. С.140-141.
  59. Там же. С. 151.

-
60. Васильева А.М.. Забытый Курган. - Курган, 1997.
61. Там же. С. 153, 154-167.
62. Там же. С. 167-189.
63. Пузырев В.П. Фабриканты Бутаковы. // Шадринская старина. Краеведческий альманах. - Шадринск, 1994.
64. Там же. С. 75-80.
65. Бажина Н.М. Шадринцы на Сибирско-Уральской выставке 1887 г. // Шадринская старина. Краеведческий альманах. - Шадринск, 1995.

В.Д.Пузанов

ВХОЖДЕНИЕ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В СОСТАВ РОССИИ

В исторической литературе вопрос присоединения Южного Зауралья к России подменялся зачастую вопросом русского заселения территории края, что приводило нередко к непониманию ряда важных проблем его истории, особенно периода конца XVI - начала XVII веков (1). Так, например, ряд историков отмечает как парадокс тот факт, что продвижение зоны русской колонизации на юг в XVII веке по Пышме, Исети, Миассу и Тоболу 'не сопровождалось организацией крупных походов правительственных войск, захватом уже занятых территорий и целенаправленным сгоном населения, а борьба со стороны русских носила чаще оборонительный характер (2). На самом деле более всего удивительным и был бы тот факт, если бы русские воеводы начали организацию походов против своих ясачных людей.

Начало распространения русской власти на татарские юрты Южного Зауралья может быть отнесено к осени 1581 года, когда после двух битв под Чувашским мысом и бегства Кучума из Искера 26 октября в столицу вступили казаки Ермака. Этот факт привёл к перемене военно-политической ситуации во всей Западной Сибири. Вскоре к русским пришли ещё недавно воевавшие с ними отряды татарских и остяжских князей, живших по Иртышу и Тоболу. В конце 1582 года в Москву прибыло посольство Ивана Кольца с грамотой о взятии Сибирского ханства, где Ермак писал, что покори́л под царевою руку многих живущих иноземцев татар, остяжков и вогулов, "чтобы быть им под твоею царевою рукой до века, пока мест Бог изволит вселенной стояти и ясак давати тебе, великому государю, всегда и во все лета, безпереводно" (По Есиповской летописи) (3).

Военно-политическая обстановка Западной Сибири оставалась достаточно сложной. Кучум, кочуя в степи от Ишима до Тобола, на территории Южного Зауралья боролся с русскими за власть над ясачными татарами. Часть татар ушла с ним в степь. Б. О. Долгих определяет их численность примерно в тысячу человек (4). Главным образом это были наиболее привилегированные группы татар, живущих около Искера. Можно ли в этих условиях считать, что территория Южного Зауралья стала российской уже после похода Ермака.

Ответ на этот вопрос неожиданно находится в русских дипломатических документах. Это наказ февраля 1586 года (который вслед за Н.М. Карамзиным историки неправильно называют то указом, то грамотой Фёдора Иоанновича) приставам Е. Ржевскому и Г. Васильчикову, отправленными для встречи польского посла М. Гарабурды. Зная интерес западных соседей России к её восточным делам, приставам были даны подробные инструкции как и что отвечать о Сибири, которая фигурировала здесь в качестве “искони вечной вотчины государей наших”, взятой впервые ещё Иваном III. Иван IV, по мысли авторов наказа, лишь восстановил русскую власть, послав в Сибирь волжских казаков. Декларировалось, что “на Сибирское царство и на Конду Большую, и Конду Меньшую, и на Туру реку, и на Иртыш-реку, и на Иргизское государство, и на Пегие колмаки, и на Обь великую реку, и на все городки на обские на девяносто и на четыре города с году на год имати на государя по пять тысяч сороков соболей, по десять тысяч лисиц чёрных, да по пятьсот тысяч белки большие, сибирские и илецкие” (5). Илецкая белка - это ясак татар из Илецкого леса (Илет Карагая) - одного из главных промысловых угодий Южного Зауралья. Из документов начала XVII века известно, что охотились в нём, главным образом, татары Китайской волости. Самым интересным в документе является время его написания - не позднее февраля 1586 года. Время, когда казаки после разгрома отряда Ермака в августе 1585 года оставили столицу Сибири и зимовали в устье Иртыша вместе с отрядом И. Мансурова (6). Реальную власть над Сибирским царством оспаривали в это время шейбанид Алей и захвативший Кашлык тайбугин Сейдяк. России удалось вернуть себе контроль над частью Сибири лишь летом 1586 года с прибытием на реку Тура отряда В. Сукина и Ивана Мясного, а окончательно взять Кашлык только в 1588 году, когда во время ястребиной охоты были захвачены в плен Сейдяк и Карача.

Таким образом, наказ февраля 1586 года не фиксирует современное ему положение Сибири, а выдаёт за неё ситуацию времён Ермака. Гипотеза, что Южное Зауралье стало владени-

---

ем России ещё в период 1581-1585 годов, находит подтверждение. Однако первое присоединение Южного Зауралья к России не стало окончательным, будучи осложнённым попытками вернуть власть двумя татарскими династиями. Потребовался второй поход В. Сукина и И. Мясного. Они не повторили походы Ермака к Кашлыку, когда Кучум, отступив на юг, смог отрезать казаков от ясачных людей и продовольствия. Русские сами, основав в 1586 году на старинной караванной дороге из Средней Азии в Поволжье Тюмень, предоставили на 2 года Шейбанидам и Тайбугинам сражаться между собой за Кашлык, вернули контроль над промысловыми южными юртами. Тюменские воеводы обложили данью татар по Пышме, Тавде, Туре, Тоболу и Исети уже в 1586 году. Г.Ф. Миллер замечает, что это событие происходило без особых затруднений, почему устные предания и летописи мало говорят о нём: “У татар не было собственных начальников, которые могли бы защитить их от русских. Живя осёдло в своих юртах, они имели свои земли и занимались земледелием и скотоводством и должны были бы всего этого лишиться, если бы не подчинились русским” (7).

Дальнейшие события показывают, что большинство ясачных и служилых татар осталось лояльными по отношению к подданству России, чем вызвало гнев бывшего хозяина. В 1590 году Кучум в июне разграбил несколько татарских деревень около Тобольска, убив несколько татар. В следующий набег на волости по Иртышу, источники зафиксировали убийство им “многих людей” и ещё большего грабежа. “Это было его мстью тем татарам, которые не признавали его своим государем, а подчинились русским” (8). В ответ Тобольский воевода князь Кольцов-Масальский со служивыми людьми и большим числом живущих недалеко от города татар, вышел 8 июля 1591 года на поиски Кучума и разбил его на Ишиме, взяв в плен царевича и двух жён. Впрочем, ни русские, ни татары не знали, что это лишь начало долгих изнурительных набегов Кучума, потом и его детей, потом его внуков на ясачные волости и города. Набегов, серьёзно изменивших общее положение как в Южном Зауралье, так и в Сибири в целом. Теперь целесообразно подробно рассмотреть вопрос какие административные единицы охватывали Южное Зауралье в первый период его существования как части русской Сибири. Первоначально все владения Сибири - местность по Пышме, Исети, Тавде и Тоболу почти до устья входили в состав Тюменского уезда (9). По мере усиления власти России в регионе усложнялось управлением Сибирью. В 1590 году Тобольск вышел из-под ведения Тюмени, вскоре став главным городом Сибирского царства и заменив в этом качестве

разрушившийся в нескольких километрах от него Кашлык. Этим актом была, в известной степени, восстановлена структура управления Сибирью времён последних Тайбугинов и Кучума, сместившаяся к началу XVI века на северо-восток. В дальнейшем с построением городов, как военно-административных центров, позволяющих контролировать приписанную к ним ясачную территорию, продолжалось выделение уездов из единого массива русской Сибири. В 1600 году к вновь построенному на стратегически важной дороге Верхотурье - Тюмень городу Туринску были приписаны группы тюменских татар - образовался Туринский уезд. В конце XVI - начале XVII века сформировалась территория Верхотурского уезда. Эти уезды захватывали часть северо-западных земель Южного Зауралья. Однако самым крупным уездом, охватывающим большую его часть, оставался Тюменский уезд. В указанных трёх уездах и жило большинство местного татарского населения, эксплуатировавшего богатство края и платящего ясак. Впрочем, последнее не исключало дачи центральной русской административной Сибири зауральских земель служивым тюменским, тобольским татарам и даже один раз служивому “бухаретину” Абдышу Сейдяшеву.

Также и границы уездов не оставались неизменными, а перекраивались исходя из потребностей текущего момента, точнее факта осознания его администрацией. Территории уездов делились на волости, в свою очередь подразделявшиеся на юрты. Число юртов могло увеличиваться или уменьшаться (бегство в степь, увод в плен). Изменялось и количество волостей в уезде (отрезались к другому или выделялся новый из уже существующего). Всего в Тюменском уезде к середине XVII века зафиксированы Кынырский городок, Иленский городок, Искинская, Каскаринская, Шикчинская, Пышминская и Исетская, Бачкырская и Терсяцкая волости. Из них 5 последних волостей находились на территории Южного Зауралья. Кроме этих 7 групп здесь также жили “сырянцы” или “зырянцы”. Но с приходом русских они ушли в степи и стали вместе с табынцами главной опорой Кучумовичей. Б.О. Долгих предполагает, что до ухода они занимали места между верховьями Пышмы и Катайском (10). Общая численность плательщиков ясака Тюменского уезда составляла в среднем на протяжении XVII века около 300 человек, то убывая в период набегов и восстаний, то вновь наращиваясь в мирное время. Так число 293 ясачных татар в 1630 году сократилось до 278 в 1631 году и до 230 - в 1645 году. Затем начался устойчивый рост до 264 человек в 1660 году, а после побега от Кучумовичей боем группы татар до 311 человек в 1662, но мощное антирусское восстание и его подавление вновь сократило

численность татар до 263 человек. К 1682 году их стало 324 человека, но новое восстание сократило численность до 256 человек в 1690 году. В 1705 году началось очередное башкирское восстание, приведшее к значительным потерям всех групп населения. На юге уезда была выделена территория для промысла служивых юртовских татар, численностью в 108 плательщиков ясак. Необходимо учитывать, что общая численность татарского населения была примерно в 4 раза больше числа плательщиков ясак. К концу XVII века в Тюменском уезде жило всего 497 плательщиков ясак (всего 1980 человек) татарского населения (11).

Границы татарских волостей (в Южном Зауралье) могут быть приблизительно восстановлены по актам XVII века, собранным Г.Ф. Миллером. По верховьям и среднему течению Исети жили тюрко-язычные племена терсяков, бачкырцев и сырянцев. Пустующая территория сырянцев стала первоначально местом промысла для соседних татарских групп, затем местом особенно интенсивной колонизации русских. Терсяцкая волость находилась, согласно реконструкции Б.О. Долгих, по Исети в районе впадения в Исеть речки Терсюк. Бачкырская (или Башкирская) волость располагалась по реке Исети и прилегающих озёрах Устюше (современное Атяж) - Бехтемирковы юрты, Аксаргула (возможно Сараткул) - Баишевы юрты (1633 - 22 юрты) (12). Таким образом, волость начиналась между Исетью и Пышмой в бассейне реки Беяковка и озера Атяж (13). Вместе с бачкырцами эту волость осваивали и татары из лежащей на Нице Кынырской волости. Часть населения этих волостей покинула их в 1595 году, когда с Тюмени бежало 50 служивых татар с жёнами и детьми. По пути они захватили с собой 30 ясачных татар бачкырцев и кынырцев. Русский отряд, посланный вернуть бежавших, нашёл их на острове по Исети. Татары отказались возвращаться, мотивировав свои действия слухами, будто воеводы хотят истребить 12 знатных татарских семей, а остальных заставить пахать пашню (14). В 1615 году бежала в степь группа терсяков. Сырянцы ушли к Кучумовичам всем племенем (около 150 трудоспособных мужчин - всего 600 человек). Шикчинская и Каскаринская волости начинались в районе самой Тюмени и далее тянулись далеко на юг. В них, соответственно с центральным положением в уезде располагались крупные группы служивых татар. Затем из этой волости территория служивых татар была отделена от земель плательщиков ясак. Район данной волости захватывал северные и северо-восточные районы Зауралья. С. В. Бахрушин смог восстановить по сведениям биографии главы тюменских юртовских татар Майтмаса Ачекматова. Впервые он фигурирует в русских документах в группе

татарских князей - вместе с Кашкарой- главой Каскаринской волости, с которыми сражался Ермак на Тоболе у устья Туры. Однако в обстановке феодальной войны в Сибирском царстве Майтмас Ачекматов сразу переходит на сторону русских в момент построения Тюмени в 1586 году и обложения ясаком территории по Исети и Тоболу. С этого года по 1618 Майтмас и занимает должность главы тюменских служилых татар. Майтмасу принадлежали земли по Тоболу ниже Исетского устья (15). Известно, что Кашкара вместе с ним ездил за беглыми бачкырцами и кынырцами на Исеть в 1596 году и были ограблены там. Так на примере отдельных князей можно проследить процесс инкорпорирования этноса Сибирских татар в сложную полиэтничную систему Русского государства. Показательно, что это сложное явление происходит в период жизни одного поколения, которое успевает и сражаться с русскими и послужить им. Исетско-Пышменная волость растянулась с Пышмы до низовьев Исети. Ремезов отмечает здесь, в частности, юрты Сенгульские, Летние, Бешкильские, Тенишевы. Верхотурский уезд захватывал западную часть Южного Зауралья в районе верховий Исети. По Исети, Чусовой и Уфе жили тюрко-язычные группы терсяков, Верхотурского уезда, родственные Тюменским терсякам. Между данными группами имели место тесные связи. Так, например, в 1603 году терсяки Верхотурского уезда вместе с татарами Бачкырской волости Тюменского уезда промышляли в бассейне Тобола - на притоке Уя Тогузаке. В 1630 году “верхние терсяки” с Чусовой бежали в Тюменский уезд к соплеменникам. В период 1641, 1646 и 1648 годов часть татар Верхотурского уезда отошла под ведение Уфимского уезда. Несколько ранее - до 1629 года к Уфимскому уезду отошла и Китайская волость по Исети, став его последней территорией на востоке. Г.Ф. Миллер сообщает о борьбе между администрацией Сибири и Уфимского уезда за земли по Исети. Он отмечает, что Китайская волость раньше “не причислялась к башкирским волостям”, как в современное ему положение, а жители её назывались китайскими татарами. Сложен вопрос этнической принадлежности вышеуказанных групп. Остаётся открытой проблема происхождения терсяков. То ли это тюркское племя, то ли тюркизированные потомки угро-язычного населения Приуралья. Невьяснен до конца и процесс выделения башкир из общей тюркской массы XVII-XVIII веках. Ещё Миллер считал “зырянцев” и терсяков Сибирскими татарами, а башкир в Тюменском уезде считал перебежчиками из Уфимского уезда. Однако сейчас и зырянцы, и терсяки, и катаяцы считаются башкирами.

Процесс вхождения территории Южного Зауралья в состав

России существенно не отличался от аналогичных процессов на территории всего Сибирского царства, частью которого являлось Южное Зауралье наряду с другими группами татар. Тюрко-язычное население Южного Зауралья принесло присягу Ермаку - о чём свидетельствует грамота февраля 1586 года, написанная до прибытия отряда Сукина и Мясного в Сибирь. Наряду с другими группами аборигенов в Сибири, татары Южного Зауралья подтвердили присягу и стали платить ясак воеводам в Тюмень с лета 1586 года - о чём единогласно свидетельствуют работавшие с грамотами конца XVI - XVII веков Г.Ф. Миллер и И.Е. Фишер, подтверждая, что после 1586 года “в кратное время реки Тура, Пышма, Исеть, Тавда и сам Тобол стали частью Тюменского уезда” (16). В качестве территории русских уездов земли Зауралья подвергались административной перекройке, соприкасались с русским населением, с вторжением Южных кочевников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Очерки истории Курганской области. Челябинск, 1968. С.3
2. Казаки Урала и Сибири в XVII-XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 39
3. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Сургут, 1993.
4. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, С. 62.
5. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI- начале XVII века. М., 1972. С. 49.
6. История Сибири. Т. 2, Л., 1968, С. 30.
7. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.-Л., 1937. С.274.
8. Там же. С.278.
9. Там же. С.274.
10. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, С.43.
11. Там же. С.47.
12. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.-Л., 1937. С.357.
13. Там же. С.407.
14. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2, М.-Л., 1941. С.12.
15. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3 ч. 2. М., 1955. С.168.
16. Фишер И.Е. Сибирская история. СПб., 1774. С.169.

Г.Г.Павлуцких, А.П.Желнова

**ТОПОГРАФО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ,
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ
КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.**

*РАЗДЕЛ 1. Краткий исторический обзор проведения
топографо-статистических исследований*

В истории комплексного изучения отдельных районов особое место должно уделяться всестороннему изучению источников.

Данное исследование посвящено изучению комплекса топографических и статистических источников по истории Южного Зауралья в период с 1782 по 1861 гг. Эти хронологические рамки не являются необычными для Зауралья. Нижняя граница соответствует административно-территориальному делению времени Екатерины II, после которого Южное Зауралье было разделено между тремя губерниями: Пермской, Тобольской и Оренбургской, причем на исследуемой нами территории находилось лишь два уездных города: Курган и Шадринск. В результате этого количество источников по территориям не совпадает ни по количеству, ни по качеству, ни по составу документов.

Изучение Сибири методом анкетирования началось еще в 1724 г. по распоряжению Петра I. В 1734 г. в Санкт-Петербург пришли ответы на вопросы Татищева В.Н. В 1734-1742 гг. были разосланы “вопросные пункты для сочинения ведомостей” о городах и уездах Сибири Г.Ф. Миллером. В 1759 г. была разослана анкета М.В. Ломоносова. Необходимость отвечать на запросы центра заставляет местных чиновников собирать материалы более тщательно и быть в курсе всех изменений, чтобы в любой момент можно было подготовить затребованный отчет, в котором часто стояли вопросы по истории, экономике, географии и населению уезда.

После получения ряда удачных топографо-статистических обзоров в Центральной России в 1784 г. Сенат утвердил анкету для составления подобных описаний по всей стране в целом и с 1784 г. начинается составление описаний уездов и губерний с учетом их нового территориального деления. Позднее подобные анкеты рассылало Вольное экономическое общество, Императорское Русское Географическое общество, определенные материалы собирали Министерство государственных имуществ, во-

---

енные ведомства, сельскохозяйственные общества и др.

Работа по созданию вышеназванных описаний по анкетам 1784 г. началась почти сразу, но часть из них сгорела в 1788 г. в Тобольске, в результате чего составление описания Тобольского наместничества задержалось до 1790 г. Ныне оно хранится в Российском Государственном военно-историческом архиве. Немного раньше было составлено и “Описание Пермского наместничества”, хранящееся там же. Нам эти документы интересны тем, что в них содержатся описания Курганского и Шадринского уездов.

Эти описания были опубликованы Колесниковым А.Д. — Курганского уезда в книге “Описание Тобольского наместничества” и Кондрашенковым А.А. — Шадринского уезда в приложении к первой части работы “Крестьяне Зауралья в X VII-XVIII веках” (1).

Рядом с этими описаниями следует поставить “Объяснение о Куртамышском дистрикте”, составленное в 1781 г. секунд-майором Чернаковым, хранящееся в РГАДА. Целиком оно нигде не опубликовано, но упоминание о нем с небольшими выдержками встречается в монографии Тарасова Ю.М. и работах Павлуцких Г.Г.(2).

Дальнейшим развитием подобных исследований стали: “Краткое историческое топографическое описание городов Тобольской губернии с показанием в оных жителей по исчислению учиненному по первое сентября 1801 года”, а в 1804 г. по программе Вольного экономического общества пермский историк и краевед Попов Н.С. выпускает двухтомное издание “Хозяйственное описание Пермской губернии”. В этом труде содержатся энциклопедические знания хозяйственной жизни края, в том числе и Шадринского уезда. Причем это работа неоднократно переиздавалась (3).

К подобным работам можно отнести статью Черняховского, опубликованную в Журнале Министерства Внутренних дел: “Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии”. Через несколько лет в этом же издании вышла статья А. Третьякова “Шадринский уезд Пермской губернии в сельскохозяйственном отношении”. В 1859 году вышел в свет “Пермский сборник” со статьей Шадринского священника Т.Успенского “Очерк юго-западной половины Шадринского уезда”. Полнее информацию об этом можно найти в работе Пундани В.В. (4).

Среди неопубликованных источников представляют серьезный интерес “Экономические примечания по Шадринскому уезду”, составленные после VIII ревизии и находящиеся в РГАДА (5).

Одним из последних, наиболее обобщающих источников являются “Записки о Шадринском уезде Пермской губернии”, опубликованные А. Серафимовым в “Ученых записках”, издаваемых Казанским университетом. Записка составлена по общему плану. Часть из вышеперечисленного уже опубликована или готовится к печати в альманахах “Шадринская старина” (6).

Отдельной группой необходимо выделить “Военно-статистические обозрения” Курганского, Шадринского и Пермского уездов, составленные офицерами генерального штаба, содержащие богатый материал по статистике, динамике численности населения, информации о вероисповедании, ценах, экономике, посевных площадях (7).

В процессе заселения и освоения Южного Зауралья крестьянство оседало на удобных землях, большей частью по берегам рек и озер, распахивая наиболее плодородные почвы, черноземы. Заливные луга использовались как покосы, выгоны, покотины. Леса передавались общинниками и нередко нещадно вырубались. Наличие больших свободных площадей позволяло крестьянам превышать установленную 15-десятинную земельную пропорцию на мужскую душу. Крестьяне вступали во владение землей, официально принадлежащей казне, а позднее контролируемой Министерством государственных имуществ чаще всего “явочным” или “захватным” способом. Система самовольного занятия земли получила распространение еще в XVII в. и продолжала существовать до середины XIX века. Однако уже в 80 годах XVIII в. администрация сделала попытку подчинить государственному регулированию земельные отношения и само землепользование в Сибири. Указом Сената от 13 февраля 1783 г. полагалось установить должности уездных землемеров, в обязанности которых входило составление карт уезда и доставка их в межевую экспедицию губернии (8).

В топографических описаниях, составленных уездными землемерами, имеются данные о природных условиях, географическом положении, численном и этническом составе населения, полезных ископаемых, экономике и топографии. В описании Курганского округа сообщается, что его длина с запада на восток составляет 165 верст, а ширина с севера на юг 168 верст, причем всей земли “с угодьями примерно 21852 кв. верста, а межевания не было” (9).

Эти данные взяты из описания, составленного в 1784 г. и сгоревшего в 1788 г., но по требованию Генерал-губернатора Пермского и Тобольского наместничества Волкова А.А. составленного в 1789 г. заново. В описании Шадринского уезда не содержится даже примерная его площадь, а только данные о ширине

в 84 версты и длине в 145 верст, да подсчитано количество земли под селениями. Материалы по Куртамышскому уезду, составленные в 1781 г. секунд-майором Чернаковым под названием “Объяснения о Куртамышском дистрикте”, не содержат даже этих скудных сведений, поскольку “межевания здесь не было вообще” (10).

Во времена царствования Павла I была сделана попытка впервые осуществить централизованное переселение в Сибирь 10000 человек, которая провалилась. Одной из основных причин несчастий переселенцев было отсутствие сведений и карт сибирских земель. Для избежания подобных ошибок по указанию Александра I с 1804 г. в Сибири начала работать губернская канцелярия по проведению межевания и приведению земель в известность:

- 1) Для находящихся там ныне казенных поселян.
- 2) Для скотоводства и звериной ловли ясашных и кочующих народов.
- 3) Для водворения будущих казенных поселенцев.
- 4) Для всякого рода казенных заведений.

Для выполнения этих указаний на землях Тобольской губернии совместно с землемерами работали и чиновники губернского правления, выяснявшие причины недоимочности крестьянских хозяйств. Однако, по мнению Асоновой А.Ф., работа землемеров и чиновников Тобольской губернии по составлению точной съемки сибирских земель, начатая в 1804 г., свелась в конечном счете к разбирательству земельных тяжб между волостями и селениями.

В ходе работ было обмежевано 222932 дес. земли.

Землемеры решали споры между Курганскими и Оренбургскими крестьянами, проживавшими по разным берегам реки Тобол. Из-за неправильного межевания конфликты между Каминскими и Ялымскими крестьянами продолжались более 40 лет и нередко доводили до кровопролития. Жители станицы Звериноголовской в 1805 г. по решению этой же межевой комиссии увеличили свои владения до 77027 дес., из-за которых также последовали земельные споры. На эти земли претендовали крестьяне – омские, курганские, челябинские.

Спорная земля, побывав у всех претендентов по очереди, в 1840 г. была отрезана в казенную дачу для будущих переселенцев, а крестьяне получили положенные 15-десятинные нормы(11).

Кроме земельных споров в Южном Зауралье межевая комиссия рассматривала вопросы о “вымежеывании” земель, дарованных “Императором за заслуги перед Родиной” или просто за беспорочную службу, таким как отставной капитан Да-

---

выдов, коллежский асессор Деграве и др. В 1809 г. был обмежеван выгон для города Кургана по двухверстной пропорции в присутствии выборных от крестьянства, которые следили за справедливостью межевых работ, соблюдая письменную клятву (12).

Материалы Тобольского губернского управления земледелия и государственных имуществ по Курганскому округу, начиная со дня его основания в 1802 г. по 1915 г., находятся в ГАКО, в фонде 245, 2341 дело, там же хранится 1051 дело Курганско-Ялutorовской поземельно -устроительной партии, созданной в 1811 г. в фонде 166.

Еще 188 дел по землеустроительным работам находится в Шадринском филиале ГАКО, фонды 583 и 6.

В 1822 г. Сперанским был поставлен вопрос о приблизительной съемке наиболее заселенной части Сибири, куда входило и Южное Зауралье, но работы были приостановлены “до того, как позволят приступить к этому финансы” (13).

В 1831 г. вопрос о межевании этих земель вновь был поставлен на повестку дня, чему способствовала организация Министерства государственных имуществ. Сибирский Комитет пришел к выводу, что межевание является важнейшим делом “для Западной Сибири, особенно нужно для наделения крестьянина законною пропорцией земли, для сбережения лесов, для поселения ссыльных и для переселения крестьян из внутренних губерний”(14).

В течение нескольких лет создавались топографические карты уездов Тобольской губернии с указанием границ сел и деревень, а также удобных и неудобных земель для занятий сельским хозяйством или промыслами, затем землемеры приступили к “задаче по приведению в известность окружной черты так, чтобы в каждой волости на каждую душу по VII ревизии было по 15 десятин, а излишнюю землю отрезать в казенное ведомство для наделения крестьян 15 десятинной пропорцией, у коих она не полная”. Была составлена карта “Тобольской губернии Курганского округа участков земель для наделения государственных крестьян-старожилов и на излишние земли переселения из малоземельных губерний”. Кроме того была составлена “Отчетная карта обозрению, произведенному начальником межевания казенных земель в Сибири полковником Будбергом по съемкам 1839-1843 гг., равно и пространство снятого до прибытия его к должности”. Карта Курганского округа составлена на основании годовых съемочных отчетов. Отдельными участками на карте выделены: церковные земли, городской выгон, земли частных владельцев (Антонова, Черкасова, Павлуцкого, Давыдовых, Деграве, Калугина, Блохина, Каллета) и государственные оброч-

---

ные статьи (15).

Генеральное межевание в Курганском округе подготовило большие участки свободных земель для переселенцев из малоземельных губерний, которые начали поступать большими партиями сразу же после обмежевания дач, предназначенных для них. Всего для переселенцев в округе было подготовлено около 40 участков земель с картами и планами. В основном это были земли в южных волостях округа; только в Каменской даче были подготовлены 16 из 17 обмежеванных участков для переселенцев.

Кроме межевых книг и полевых журналов в отчетах землемеров встречаются “Топографо-статистические описания” отдельных волостей, в которых содержатся материалы по составу населения, хозяйственной жизни, состоянию климата, почв, растительного и животного мира, путей сообщения, а в некоторых даже нравов и обычаев жителей. На основании этих первичных документов составлялись уездные отчеты.

Интересны документы с крестьянскими отзывами о результатах межевания. Изучение крестьянских приговоров позволяет оценить результаты межевания с позиций крестьянских общин. Большинство общин соглашались с новыми границами наделов и решением территориальных споров, но встречались и несогласные с изменениями и требовавшие новых пересмотров границ (16).

Поземельные конфликты между местной администрацией и крестьянскими общинами находят отражение в делах по разбору земельных споров. Преобладание этих дел характерно для начального этапа межевания. Эти документы предоставляют возможность ознакомиться с функциями и персоналиями правительственного аппарата и администрации, установить их взаимоотношения и взаимозависимость.

Для следующего этапа в развитии межевания характерны документы по выделению предприимчивым крестьянам сверх положенной нормы земель за счет общин, освоенных своим трудом. В этих делах содержатся сведения о взаимоотношениях внутри общин. Такими примерами могут служить дела по выделению участков под мельницы, салотопни и мыловарни. В массовом количестве эти дела встречаются после 1855 г. Община ставила условие: фиксированная плата за помол, хорошее состояние водоспусков, переправ и содержание территории в чистоте (17).

Важнейшей чертой межевых документов является их содержательность, большая информативность, что делает их незаменимыми при исследовании поземельных отношений в Сибири.

Таким образом, сохранившиеся документы межевых комиссий – полевые журналы, отчеты, присяги, решения крестьянских сходов, прошения, рапорта, карты, схемы, описания и т.д. позволяют исследовать скрытые ранее страницы истории Южного Зауралья.

РАЗДЕЛ 2. Первичные топографо-статистические документы

Поземельные отношения в Южном Зауралье представляли значительный пласт общественной жизни и являются интереснейшим объектом исторического исследования, где наиболее ярко проявляется объективный ход исторического развития. Одним из основных источников по изучению поземельных отношений региона являются межевые документы и полевые журналы.

При исследовании межевых документов Южного Зауралья первой половины XIX в. ярко прослеживаются их основные функции: приведение в порядок земельного кадастра, изучение государством рентабельности использованных земель, фиксация обрабатываемых территорий для законного налогообложения и учета резервов пригодной земли для последующего наделения ею переселенцев, вместе с тем присутствует наличие большого сопутствующего фактического материала. Изучение этих функций в динамике дает возможность отметить, что реестрово-налоговые функции преобладали в начале века, а проблемы обеспечения земель переселенцев в Южном Зауралье начали превалировать в 30-е и 40-е годы XIX в.

В межевых документах 30-х и 40-х годов прослеживаются следующие тенденции:

1. Стремление государства ввести подушный надел в пятнадцатидесятичную пропорцию.

2. Выделение сверхнормативных земель в отдельные дачи для переселенцев, и в связи с этим настойчивое сопротивление крестьянских общин, отстаивающих перспективу своего развития в экстенсивных формах хозяйствования. Межевые документы позволяют проследить успехи обеих сторон в деле защиты своих интересов. С одной стороны, государственные землеустроительные органы планомерно и настойчиво проводят выделение земельных участков для семей переселенцев не отдельными наделами, а целыми массивами, достигающими по площади нескольких тысяч десятин, а с другой стороны, шло выделение общинами земли предприимчивым крестьянам сверх положенной пятнадцатидесятичной пропорции. К таким землям относились вновь осваиваемые земли на неудобях, требующие определенного вло-

---

жения труда или капитала.

Поземельные конфликты между местной администрацией и крестьянскими общинами находят отражение прежде всего в делах по разбору земельных споров. Характерной чертой взаимных претензий является широкий их диапазон, от конфликтов между личностями до споров между собой общин, расположенных на границах волостей, уездов и губерний. Изучение таких документов дает богатый материал по проблеме классовой борьбы, ее формам и методам. Есть возможность ознакомиться с функциями и персоналиями правительственного аппарата и администрации, регулировавшими поземельные отношения; установить сложные взаимоотношения общин и администрации; кроме того, они представляют возможность изучить определенное количество поземельных сделок, оформленных документально, несмотря на их запрещающие властями распоряжения.

Межевые документы могут служить интересным и достоверным источником по изучению состава населения на территориях, подлежащих межеванию, поскольку при исчислении наделов использовались материалы последней ревизии и фактического наличия населения. Кроме того, приводились данные об окультуренных землях за разные периоды. Исходя из них, можно сделать выводы об экономическом положении и перспективах развития крестьянства Южного Зауралья.

Межевые документы дают точные данные о количестве лесных площадей и их сокращении.

В 1783 г. правительство спланировало обмежевать земли Курганского округа. Целью межевых работ в Зауралье в дореформенный период являлось приведение “крестьянских земельных наделов в порядок, полагая по 15 десятин на ревизскую душу” и изъятие излишних земель в колонизационный фонд, кроме того, предусматривалось создание дополнительного резерва казенно-оброчных статей.

Межевание земель Южного Зауралья началось с “Высочайшего повеления о приступе к нарезке крестьянских наделов” от 6 ноября 1831 г. Согласно этому постановлению планировалось формирование волостных фондов, из которых на 1 ревизскую душу старожилов предусматривался надел в 15 десятин, а на излишних землях планировалась организация переселенческих деревень. В 1832 г. начался такой отвод земель крестьянам 9 волостей Курганского округа. Основанием для отвода земель послужили данные 7 ревизии. Излишние земли после наделов удобной земли по 15 десятин на ревизскую душу переходили в резерв казенного ведомства. С 1839 г. крестьянский надел в Тобольской губернии был увеличен до 18,75 десятин на д.м.п. Тог-

---

да же начались планомерные съемки земель Сибирским межеванием в Курганском округе от границы Оренбургской губернии до реки Тобол, с юга на север округа. Межевые комиссии подтверждали верховное право собственника : устранялась череполосица, выделялись земли для переселенцев, а с 1844 г. излишки вымежевывались в оброчные статьи, с 1848 г. из крестьянских владений отрезались леса и передавались в казну. Даже такое межевание проводилось очень медленно и было закончено лишь к середине XIX в. Нередко земли Курганского округа приобретались новыми владельцами с учетом интересов государства – собственника. Рента за пользование наделами становилась единой.

Таким образом, в исследуемый период государству удалось основательно реализовать свои права собственника. Из некогда свободно захваченных земель предполагалось выделить для государственных крестьян-переселенцев 400967 дес., из них 395706 дес. удобной для занятий сельским хозяйством, для водворения 500 семейств бедных дворян – 41270 дес., из них 40000 дес. удобной, 35607 дес. было выделено в казенно-оброчные статьи, 129210 дес. в лесные дачи казенного ведомства и 112 дес. для “государственных преступников”. У крестьян - старожилов Курганского округа оставалось 1253014 дес., из них удобной 819078 дес. на 42814 д.м.п., что составило на 1 д.м.п. по 29,3 дес., а из них по 19,1 дес. удобной земли на д.м.п. (18).

Таким образом, в ходе межевания угодий округа 32,6 % их были распределены непосредственно государством, остальные остались в ведении общин, которые сами осуществляли передел лесов, сенокосов, хмелевочников, пастбищ, выгонов и покотин. Пахотные земли практически не подлежали переделу по двум причинам: во-первых, потому что “излишество земель позволяло до сего времени (до 50-х годов XIX в.) каждому пользоваться по произволу, а их доброта всегда была достаточна, в отличие от сенокосов и лесов, которых не хватало”, а переделы утверждали видимость справедливости, во-вторых, потому как, “несмотря на избыток, споры о земле не редкость, потому что всякий дорожит расчищенной землею и не охотно принимается за новую”.

Останавливаясь на первичных топографо-статистических описаниях, необходимо привести план, по которому они были составлены; причем под общей “шапкой” топографо-статистического описания уточняется хозяйственное описание волости. Оно включает в себе:

- 1) Границы волости, площадь, население.
- 2) Населенные пункты с местоположением и перечислением достопримечательностей (количество домов, лавок, церквей, за-

---

пасных магазинов и т. д.)

3) Местоположение волости, запасы леса, воды, качество почвы.

4) Свойства почвы, удобство для хлебопашества, ее площадь.

5) Сенокосы, выгоны, степи (местоположение, качество).

6) Сводка земельных угодий по характеру их использования.

7) Сведения о лесах.

8) Сведения о реках и озерах.

9) Неудоби (солонцы, пески).

10) Дороги.

11) Вододействующие заведения.

12) Бечевники.

13) Мосты и паромы.

14) Виды земледельческой промышленности (урожайность, сроки посевов, сенокосы).

15) Огородничество.

16) Скотоводство (породы, качество скота, объем стада, цены на продукты переработки).

17) Птицеводство.

18) Звериная ловля.

19) Рыбная ловля.

20) Другие промыслы.

21) Торговля.

22) Характеристика населения.

Следует отметить, что не во всех описаниях рассмотрены полностью эти пункты, более того, были случаи составления заготовок описания соседних волостей с оставлением места для внесения конкретных данных. Очевидно, это связано с тем, что свойства почв, лесов, сенокосов и подобного были схожи. Основная часть этих дел хранится в 245 фонде ГАКО; перечислим наиболее интересные из них :

1) Каминская волость. Д.580.

2) Марайская волость. Д.860.

3) Романовская волость. Д.779.

4) Лебяжьевская волость. Д.608, 619.

5) Тебелянская и Усть-Суерская волости. Д.734.

6) Чимеевская волость. Д.778.

7) Иковская волость. Д.1019.

8) Указ Тобольской казенной палаты отправлению действий землемера Завьялова, Могильного(?), Иванова по межеванию земель Курганского округа. Д.1034. и т. д.

Поскольку объемы этих дел превышают 3000 листов, то мы дадим краткое представление о Курганском округе на основе их комплексного анализа согласно планам.

Территория Курганского округа в исследуемый период граничила со следующими административными единицами: Ялуторовским и Ишимским уездами Тобольской губернии, Челябинским уездом Оренбургской губернии и Шадринским уездом Пермской губернии.

Данный раздел опирается на материалы межевания Курганского округа. Поскольку подобных документов по Шадринскому уезду у нас не обнаружено, мы остановимся на первых.

Население по 8-й ревизии насчитывало 42814 д.м.п. старожилов и 25456 д.м.п. переселенцев. К 1851 г. оно составляло 78753 д.м.п. и 84256 д.ж.п.

Общая площадь округа составляла 2126432 десятины (19).

Эта территория делилась на 25 волостей. Общее количество населенных пунктов превышало 400, но точно сколько сказать нельзя, так как процесс заселения и освоения продолжался, на месте пустынных земель появлялись выселки, хутора, старые заимки превращались в деревни, а некоторые, напротив, исчезали. Границы округа были уже устоявшимися. От казахских степей их ограждали земли Сибирского казачьего войска, которое гарантировало спокойную хозяйственную жизнь русским крестьянам на своей территории и поддерживало их при необходимости выезда в степь.

Следующими в нашем плане стоят природно-климатические условия, которые мы рассмотрим в общем.

На первом месте по важности в хозяйственной жизни крестьян, конечно, стояла река Тобол, которую можно назвать становой жилой Южного Зауралья. В Курганском округе течение Тобола извилисто и неправильно, по прямой от входа до выхода из округа 150 верст, по течению 275 верст. Ширина Тобола в начале XIX в. составляла от 30 до 80 саженей, глубина редко превышала 2 сажени. Справа в Тобол впадают: Суерь, Уятка, Черная, Каменка, Глядянка, Нижняя и Верхняя Алабуга и Ялым. Слева в Тобол впадают Уй, Убаган, Куртамыш, Юргамыш, Ик, Мендерка и главный его приток – Исеть с Миассом. Река Исеть берет свое начало возле Екатеринбурга в озере Исетском и пробегает до впадения в Тобол (в 22 версты выше Ялуторовска) 750 верст. Берега Исети так же как и Тобола густо заселены. Берега Исети густо покрыты ольхой, осиной, смородиной, реже вишней и бояркой, богаты и хмелем. На песчаных надпойменных террасах росли сосновые леса, но они в результате хозяйственной деятельности человека по большей части были вырублены.

Истинным богатством зауральских рек были заливные и пойменные луга и рыбные ловли. Самыми рыбными местами считались среднее течение Исети, а позднее верховья Тобола. В тихих

заводях рек, в старицах, в многочисленных озерах водились караси всех оттенков : золотистые, серебристые, темные, там же попадались щука, окунь, налим, лещ, язь, чебак, линь, судак. В XIX в. в Тоболе можно было встретить осетра и нельму, причем последняя заходила и в Исеть (20).

Практически все берега озер в Зауралье зарастают камышом и тростником, который местные крестьяне использовали в засушливые года для корма скоту, примешивали в глину для постройки саманных домов, крыли крыши.

Пашни и леса всегда были взаимосвязаны, поскольку исторически сложившаяся деятельность человека была направлена на истребление лесов и распахиwanie освобожденных земель под пашни.

До середины XIX в. крестьяне в Зауралье практически не применяли удобрений для пахотных земель, поскольку наличие свободных площадей позволяло забрасывать или оставлять в залежи истощенные поля и распахиывать новые целинные или высвободившиеся в результате сведения лесов земли. Среди всех почв более 45% приходится на плодородные черноземы. Лучшие из них выщелочные, они содержали от 6 до 9% перегноя, а толщина их достигала 12 вершков, по большей части эти земли находятся на севере Южного Зауралья. Солонцеватые черноземы, на которые приходится большая часть пахотных земель, содержали меньшее количество перегноя от - 3 до 6 вершков. “Вообще поля нельзя назвать тощими, но однако ж они требуют много влаги, а особливо в сухие годы. От неправильности хозяйства земли не обрабатываются с должной рачительностью, а потому во многих местах видны сорные травы: рыжик, в изобилии полынь, василек и другие: в дополнение этого по рыхлости верхнего слоя во время ветров и засух, кои здесь можно сказать господствующие, особливо юго-западные, которые дуют здесь очень часто, поднимая высохшие части земли, вместе с зерном уносят их в бесплодные места” (21).

Между лесами по малым рекам “грунт земли суглинистый, имеющий в составе своем иловатые части”. Эти земли, а также земли, лежащие “на болотах и высохших озерных местах, имеют в верхнем слое своем переплетенные между собой корни растений, перемешанных с глиной и частью песка” (местные крестьяне называли такие почвы “тундрой”) (22).

Эти земли более использовались как сенокосы, выгоны, покотины: больше всего сена давали заливные луга.

Наименее плодородными или “неудобями” являются солонцовые земли. “Вообще же солонцы могут быть употреблены в пастбища, а при принятии агрономических мер под поля” - так

отзывались о солонцах специалисты полтора века назад (23).

Крестьяне Курганского округа, жившие по правому берегу Тобола имели сосновые леса только вдоль берегового увала. Эти леса защищали их поля от южных степных ветров, но это не оберегало их от варварской вырубки. В южных районах Зауралья и так-то не богатых лесом вырубались на дрова целые березовые колки. В северных районах, хотя и более богатых лесом, тоже шло его хищническое истребление, лес не только использовали для собственных нужд, но и продавали.

Таким образом, географический фактор, если и не был детерминирующим в хозяйственной деятельности человека в Южном Зауралье, тем не менее оказывал значительное влияние на производственную специализацию региона.

Теперь мы рассмотрим хозяйственную жизнь зауральских крестьян, опираясь исключительно на материалы топографо-статистических описаний.

Сельское хозяйство. “Хлебопашество, хотя есть главная ветвь промышленности в быту крестьянском, особливо в Сибирских губерниях, но оно в Иковской даче не развито, так как бы ему следовало быть, ибо поля мало обрабатываются с тщательностью, не во временные посевы, а особливо поздняя жатва, часто губит хлеба на корню. Большая часть крестьян Иковской дачи нерадивы к хлебопашеству, а особливо крестьяне села Иковского исключая 8-ю долю против всего числа душ, коих можно называть земледельцами, а остальные занимаются меною лошадей и разною мелкою незначительною торговлей. От неправильности обработки земли, с точностью количества зернового хлеба на одно хозяйство определить невозможно, ибо один семьянин с большим числом ревизских душ засеивает менее, противу того, который имеет менее ревизских душ, так что иногда одно семейство засеивает от 3 до 5 дес., а другое — от 10 до 15 и более, через таковой и неправильный и несоразмерный итог, настоящие результаты получить невозможно.

Землю крестьяне распахивают сохами под названием колесенок, они более были в употреблении, боронование земли преимущественно производится боронами с железными зубьями.

Посевы озимых хлебов начинаются с августа и продолжают по октябрь, ярового — с апреля по июнь месяц.

Жатва хлеба как озимого, так и ярового начинается с июля и продолжается до октября, а иногда и по ноябрь месяц.

Из хлебов в Иковской даче засеивают: пшеницу, рожь, ячмень, ярицу, овес и просо. Урожайность озимых сам-шесть, а ярового сам-четверть, а проса сам-6-10 средним числом.

Уборка хлеба проводится после жатвы, весь хлеб по жатве,

складенный в суслоны, свозится в кучи, называемые кладями, огораживается городьбою, называемую остожьями, а в зимнее время хлеб привозится домой, сушится в овинах, а потом молотится цепями-молотилами.

Хлеба бывает достаточно, так что многие имеют в запасе, но крестьяне села Иковского многие покупают хлеб через нерадеющие к хлебопашеству.

Система принятого севооборота по многоземелию залежная. На ней поля засеваются постоянно от 3,4,5 лет средним числом, а потом оставляются для отдыха под залежи. Пашня готовится простыми средствами:

1) Вымягчая поле земледельческими орудиями летом настоящего года два раза, через что поля заготавливаются к будущей весне, они называются парами.

2) Приготавливают землю и весною, во время самого сева яровых хлебов. Пахотные орудия: сохи и бороны. Первые двух родов — рогаля и колесянки, а последние — с железными зубьями (24).

Крестьяне Марайской волости из хлебов засевают: рожь, ярицу, пшеницу, овес, ячмень, малую часть гречи, просо, горох, а преимущественно сеют пшеницу.

Семян высаживается на одну десятину и в среднем снимают урожай:

Ржи 1 четверть; сам - 6

Пшеницы 1,5 четверти; сам - 5

Овса 3 четверти; сам - 4.

Ячменя 0,5 четверти - —

Гороху 6 четвериков; сам - 14

Проса 1 четверик; сам - 25

Гречи 1 четверик; сам - 16 (25).

Луговоеводство также не достигает надлежащей ценности, хотя сенокосы, лежащие по долине по обеим сторонам реки Тобол, пойменные и довольно хорошие, но и они иногда вымокают от излишней заливной воды из реки Тобол, особливо в лощинах, а по степным и возвышенным местам выгорают. Но еще большим вредом луговоеводу служит позднее сенокосение, которое начинается с 17 июля, а иногда и позднее, от дурной распорядительности их ближайших сельских начальств, ибо мешает ежегодный раздел сенокосных мест по душам, при осмотре и разделе сенокосов много вытаптывается травы и через это же теряется самое лучшее время косьбы. Вообще с лугов снимается сена средним числом с пойменных и степных от 30 до 70 пудов, с десятины, а с болотистых - до 150 пудов, на них растут травы — пырей, вострец, камышек, белая осока, визиль и др. (26).

Огородничество.

Оно не развито. Хотя крестьяне имеют огороды, но оные только для домашних потребностей. На сделанных грядах из конского помета сеют картофель, свеклу, капусту, морковь, редьку, огурцы, арбузы, тыкву — все это в незначительном количестве (27).

Скотоводство.

Главное у жителей дачи Иковской волости с деревнями составляет : лошади, коровы, овцы, частью козы и свиньи. Лошадь как главное необходимое животное в быту хозяйства, преимущественно разводятся у крестьян, и многие из домохозяйств имеют 5, 10, 15, 30 и до 50 штук; коровы после лошадей составляют также принадлежность крестьян, так, что иногда бедный домохозяин имеет до 3 штук, а средний до 15, а богатые и семейные до 30 штук. Овцы хотя необходимое животное в быту хозяйства, но не все крестьяне разводят их, а особливо села Иковского, не только овец, но и коров содержат в малом количестве, и можно полагать четвертая часть жителей держат их, а три части вовсе не имеют”.

В Романовской волости, так же, как и в Иковской “породы лошадей здесь есть смесь киргизских с русскими, и частью встречаются чисто киргизские, вообще они цветом гнедые, рыжие, ростом средние, телом крепкие, любят свободу, жилищем им служат степи, они годны к верховой езде, а особливо чисто киргизские породы, все они способны для перевоза значительных тяжестей, собою они не очень массивные, не видные.

Коровы же среднего роста, цвета более рыжеватые, в доении средней доброты, молоко по большей части бывает густое, но горькое, а особливо когда поспеет полынь, как майская так и простая, обыкновенная и чернобыльник, коей они более питаются. Даже и мясо их не имеет такого вкуса, как мясо холмогорской, украинской и киргизских скотин, хотя животные довольно видны собою, тучные. Вообще они откармливаются после выпуска их на пастбища; особенно же рачительного ухода за ними домохозяева не имеют.

Излишние лошади, при случае покупателей продаются, а особливо на ярмарках: Дмитриевской в Кургане и Ивановской Белозерской, средняя цена лошади от 25 рублей ассигнациями.

Все вообще лошади до поздней осени ходят на свободе, исключая только тех, кои требуются для домашней потребности, они ходят в поскотине. К зиме вообще все табуны загоняются домохозяевами в особые для них устроенные дворы или пригоны, при каждом доме имеющиеся, они открыты, и редко защищают от вьюг и снегов; во время летнее, а особливо в осеннее,

---

когда поскотины или городьбы сельские отворяются, тогда на свободе они переходят из одной волости в другую, а через беспечность и нерадение домохозяев, многие из лошадей, а даже и целые табуны теряются безвозвратно, этому много способствуют сами же крестьяне — соседи, неблагонадежные, которые этим промыслом и живут.

Относительно же пользы коров, то главное — масло, получаемое от них и продается на ярмарках по цене безмен (2,5 фунта) 80 коп. медью, средним числом со всякой коровы получается в год масла около пуда.

Мясо же скотское, коровье и бычье, продается на рынках средним числом по 8 коп. за фунт медью.

Польза же от козлов: мясо и шкура, первое употребляется в пищу хозяевами, а шкуры продаются выделанными от 70 копеек до рубля серебром. Сало, как козлиное, так и бычье, коровье и баранье употребляется на свечи, цена свечей сделанного из него 30 коп. медью за фунт. Ценность же выделанных овчин 50 коп. сер. Здесь свирепствуют часто повальные скотские болезни от непостоянной температуры воздуха и частого быстрого перехода от холода к теплу и от тепла к холоду... Пропавшую скотину зарывают неглубоко, а иногда просто бросают, от чего заражается и гибнет остальной скот» (28).

В Марайской волости крестьяне “держат в домашнем быту: лошадей, коров, коз, овец и малую часть свиней. Внешние признаки скота: а именно — лошадей, цветом рыжие, бурые, гнедые, белые и частью вороные, росту среднего, вообще они степные, любят свободу, натуры по большей части горячей, по бегу быстрые и способные к перевозке тяжестей.

Коровы шерсть имеют не очень мягкую, разного цвета, из них главный красный и бурый, последний есть смешанный. Скот росту среднего. Овцы цвету черного, частью красные, шерсть имеют не очень мягкую и твердую. Шерсть употребляется на грубые крестьянские изделия и овчины на крестьянские шубы.

Свиньи цвету бело-желтого, роста очень малого.

Рогатый скот, как-то быки имеют мясо от 5 до 7 пудов. Коровы молочности средней.

Для сбережения домашних животных крестьяне устраивают теплые стаи, а весной и осенью нанимают для пастьбы пастухов, которые и пасут от ранней весны и до поздней осени.

Лошади же по большей части ходят на свободе табунами, а потому потеря оных случается весьма часто.

Скот употребляют как на домашние потребности, так и на продажу для оплаты государственных податей и др. повинностей и сборов для нужд хозяйских.

В волости Марайской считается лошадей 3268, коров 4644, коз 898, свиней 659, овец 4644.

Болезни бывают ощутительны на рогатый скот, в особенности чума скотская, она случается около июля месяца и действует непродолжительно, иногда случается опять, что в течение двух недель бывает истреблен весь скот, и к спасению не знают никаких средств (29).

Птицеводство.

Крестьяне... держат кур, некоторые уток, гусей, индеек, но собственно для домашних потребностей (30).

Крестьянская промышленность.

Главный предмет промышленности у крестьян хлебопашество и частично скотоводство. Хлеб продается на рынке в Кургане по самой умеренной цене. Ныне по неурожайным годам сбыта оно не было. Масла получается от коров в волости Маррайской от 200 до 300 пудов (31).

Главная промышленность у жителей дачи Романовской волости состоит в хлебопашестве и скотоводстве: через продажу хлебов и скота, жители уплачивают казенные подати и все мирские повинности и содержат свое семейство со всем домопроизводством, независимо от сего малая часть из жителей занимается плотничеством, кузнечным мастерством и печничеством, первых найдется не в каждом селении, а последних почти в каждом. Рыбной ловлей занимаются жители, живущие преимущественно по берегам реки Тобол, для чего употребляются снасти: невода, мережи, сети, котцы, самоловы и уды— трата денег на обзаведение этими снарядами ежегодно весьма незначительная, ибо жители готовят оные из собственных изделий. Ловля рыбы бывает более весною: но преимущественно осенью до замерзания реки, собственно для пропитания своих семейств, а не для продажи, а если иногда случается продажа, то в своих селениях по той же волости, но весьма редко сбывают и в другие соседние волости. Так же некоторые из жителей весною, осенью и зимою занимаются звериною и птичьей ловлею. Зайцев, волков и изредка коз диких стреляют осенью и зимою. Волков больше во время глубокого снега. Из птиц стреляют осенью и зимою диких гусей, казарок, уток, тетеревов, рябчиков, куропаток. Из зверей сбывают большое количество зайцев, каждая штука стоит от 3 до 4 копеек серебром; а волков и коз диких ловят и убивают весьма редко, хорошая волчья шкура стоит более 3-4 рублей серебром, а худшая 2 рубля. Птиц употребляют для пропитания только своего семейства, но вообще сказать, что жители Романовской волости мало занимаются звериною ловлею и охотою на птиц, и то не все, а малая часть, от коих извлекают весьма малую пользу с рассуждения финансов, а потому эти промыслы не обращают на себя никакого внимания. Впрочем кроме сих занятий, жители, имеющие у себя достаточно лошадей, зимою нанимаются везти купеческие товары из городов Курга-

---

на и Петропавловска в Тюмень, Ялуторовск, Тобольск, Шадринск и Киргизскую степь, получая за пуд тяжести от 15 до 20 копеек серебром, полагая на один воз от 20 до 25 пудов, ценность же за пуд тяжести зависит от расстояния до мест доставки.

Жители, живущие по почтовым дорогам и большим проселочным, возят по прогонам вольных повозок из города Кургана в Тобольск и Ялуторовск, получая на версту и лошадь от 1,5 до 2 копеек серебром, цена прогона зависит от тяжести повозки.

Женщины занимаются тканием холстов, различного достоинства сукон, первые сбываются в большом количестве на главных ярмарках города Кургана, волостей Иковской и Белозерской, а последние употребляются на домашние крестьянские одежды, - самый лучший холст ценою 9 копеек серебром за аршин.

И еще несколько цифр по торговле салом и кожами в Марайской волости: сала от туши одного быка было до 2,5 пудов, а всего в целой волости можно положить до 6000 пудов.

Шкур как бычьих так и овечьих в год до 1500 штук, грив, хвостов и щетины до 40 пудов (32).

Звериная ловля.

В Марайской волости она почти ничтожная, кроме зайцев, и отчасти горностаев, никаких не водятся зверей, а потому и охотников весьма мало.

Иное положение в Иковской волости. Главная ловля в Иковской даче производится зайцами во всех лесистых местах с октября по декабрь месяц, один ловец налавливает от 200 до 400 штук; ловля производится стрельбой, капканами и петлями, последние два рода ловли невыгодные, ибо часто в них попадают собаки охотников. Кроме зайцев в малом количестве ловят: горностаев, барсуков, волков и лисиц, один ловец достает в год от 5 до 10 штук, но не более (33).

Рыбная ловля.

По незначительности рыбы, в озерах Марайской волости, крестьяне более зажиточные, в осеннее время отправляются на рыбалки в Киргиз-Кайсацкую орду, полагая самым большим числом до 60 человек из волости, а иногда и меньше, они по возвращении с оной в декабре, последних числа, потом вторично отправляются на рыбалку и возвращаются в марте месяце.

Рыбы привозят на каждого работника по 40 пудов, прибыль, получаемая от рыбы, простирается на каждого рыболова до 7 рублей серебром, в один путь. Рыбпромышленники эти во время возвращения из-за границы вносят в казну установленную законом пошлину.

Среди крестьян Иковской волости рыбная ловля производится в реке Тобол и в озерах Иковской дачи, но в небольшом количестве, и то для домашнего обихода. Материалы, употребляе-

---

мые для ловли, только неводы, котцы.

Торговля.

В Марайской волости торжки бывают 3 раза в год.

Торгующие наезжают из города Кургана и из соседних деревень смежных волостей, сами же крестьяне здешней волости торговлею не занимаются, исключая одного крестьянина деревни Носковой, который выделывает кожи и продает на помянутых ярмарках или торжках. Товары, привозимые в село Марайское во время торжков курганскими купцами только те, кои необходимо нужные в быту хозяйства, как то: выделанные скотские кожи, косы, серпы, железо и др. Кроме того привозят сукна, ситцы, платки и прочие потребные вещи для женского обихода.

От торжков этих крестьяне прибыли не имеют никакой, но торгующие платят за лавки и балаганы в селе Марайском за все 3 торжка до 20 рублей серебром, и деньги эти поступают в приход церкви. Товаров привозится во все 3 торжка на сумму 5000 рублей серебром (34).

В селе Иковском бывает ярмарка, на нее съезжаются купцы из города Кургана, а иногда из Шадринска и Екатеринбург; ярмарка называется Ивановская, она начинается с 21 июля и продолжается до 25 июля, на ней продают разные шелковые и бумажные материалы, довольно в значительном количестве холста, масла и др. мелкие товары, необходимо-нужные в быту хозяйства, все это составляет на довольно значительную сумму. Плата, собираемая же за места, занимаемые торговцами, простирается от 200 до 300 рублей серебром в целом. Сумма эта поступает на улучшение церкви.

Кроме торговли в селе Иковском, бывает незначительный торжок в день вознесения Христа в деревне Редькиной: товары, привозимые сюда курганскими торговцами, состоят из разной мелочи, потребляемой в быту.

Кроме этого торжка, во время ярмарок, бывающих в городе Кургане с 13 по 19 марта, многие из крестьян деревень Пушкаревой, Варлаковой, Бузанской и Чинеевой, особливо последней, занимаются продажей пельменей, но продажа их незначительная. Крестьяне деревни Редькиной, Русаковой занимаются работой и продажей бочек, ведер и кадочек, также на незначительную сумму (35).

У жителей Романовской волости главную торговлю составляет: хлеб разного рода, скот разной породы, масло, сало и кожа. Первый сбывают в городах Кургане, Тюмени и Шадринске, а иногда на винокуренные заводы; скот продают на местах своего жительства; масло, сало и кожу сбывают на главных ярмарках, имеющих в городе Кургане, волостях Иковской и Белозерской. Закупка нужных материалов для быта домашнего и др. необходимых вещей производится на тех же ярмарках Ялуто-

---

ровского округа в селах Осиновом и Коркином.

Средние цены:

пуд хлеба ржаного зерном 10-12 копеек серебром,

пуд хлеба пшеничного зерном 15-17 коп. сер.,

пуд овса 8-10 коп. сер.,

скот рогатый на ногах от 5 до 7 руб.сер., лошадей продают и покупают от 6 до 35 руб сер. за одну,

овца или баран 90-120 коп. сер.,

пуд сала от 1,5 до 1,8 руб. сер.,

кожа от 2 до 3,5 руб. Кроме сих описанных у жителей никаких товаров, достойных внимания, не имеется (36).

В заключении можно сказать, что изучение первичных документов дает нам возможность составить полное представление о жизни зауральского крестьянства. В основе создания этих документов заложено географическое положение волостей, их природно-климатические условия, наличие водных путей и лесов. Именно эти условия определяли хозяйственное развитие региона. Исходя из комплексного изучения топографо-статистических описаний, мы можем прийти к определенным выводам о развитии региональной специализации и об особенностях, присущих им.

Анализируя данные о земледелии, исходя из общего объема засеваемых площадей, сборов зерна, наличия посевных, товарных и потребляемых запасов, мы можем отметить, что нормы посева по волостям были примерно одинаковые. Ржи высевалось в среднем четверть на десятину, пшеницы - полторы, овса - три четверти, а урожайность по волостям была относительно равной. В северных волостях, в урожайные годы она бывала несколько ниже, чем на юге. Исходя из объемов продаж, зафиксированных в первичных документах и статистических описаниях, мы можем прийти к выводу, что земледелие было самым главным занятием зауральских крестьян, а соотношение цен на зерновые приводит нас к мысли об определенном перепроизводстве или об узости хлебного рынка. Рассматривая данные о системе обработки почвы, мы можем отметить, что за исследуемый период она никаких изменений не претерпела. Трехполье и двухполье практиковалось, но одновременно широко применялась залежная система севооборота. Техника оставалась дедовской, рутинной.

Рассматривая сведения, относящиеся к скотоводству, второй по объему отрасли сельского хозяйства Зауралья, следует выделить два фактора, способствовавших его развитию. Первый - наличие свободных площадей и обилие сенокосных угодий, и второй - соседство с казахскими степями, постоянным источником дешевого скота. Именно этот источник служил страховым полисом от постоянных эпизоотий. Кроме того, следует отметить

неравномерность в обеспечении сенокосными угодьями волостей. Наиболее удобными были заливные и пойменные земли по берегам рек, особенно в пойме Тобола. И тем не менее наличие сенокосных угодий не подразумевало автоматического обеспечения скота кормами на зиму. Причинами этого были и маломощность крестьянских хозяйств, и короткие сроки уборочной страды, и общинные пережитки - все это мешало обеспечению полноценными кормами. Еще одной особенностью скотоводства в Зауралье следует считать его формирующуюся специализацию на производство сала, причем этот промысел становится преобладающим в переработке скота. Этот факт говорит о том, что курганская деревня нашла свою нишу в формировании Российского аграрного рынка. В целом анализ первичных статистических и хозяйственных документов свидетельствует о подъеме скотоводства в исследуемый период.

Крестьянские промыслы зависели: во-первых, от природно-географического фактора, и, во-вторых, от аграрной специализации. Именно поэтому промыслы, связанные с переработкой продуктов скотоводства, были наиболее развиты, но они отнюдь не были единственными. Существовали десятки традиционных и привнесенных промыслов и ремесел, приносявших доход и обеспечивавших поселян всем необходимым. Само собой, что древнейшие промыслы - охота и рыболовство были районированы в северных и притобольных волостях, лесные промыслы также тяготели к этим районам. Жители, не имевшие своих рыболовных угодий, отправлялись на промыслы нередко за пределы волостей, в казахские степи, в верховья Тобола за рыбой, которая всегда пользовалась спросом, особенно во время постов.

Лесные промыслы, связанные с продажей леса, были очень доходны, однако это вело к сокращению лесов и государство старалось ограничить порубки в казенных угодьях.

Зауралье, имея большое количество скота, могло бы стать центром по переработке кож, но отсутствие дубильного сырья и хороших технологий вели к тому, что качество кож было не высоким, а, следовательно, необработанные кожи шли за пределы округа.

Потребность крестьян в пимах, холсте, пеньке, посуде, обуви удовлетворялась на местах, но за пределы уезда практически ничего не вывозилось.

Как бы не было крестьянское хозяйство натуральным и самообеспечивающимся, но необходимость платить налоги, сборы, нужда в стекле и металле, втягивала его в рынок. В рассматриваемый период уже сформировалась четкая торгово-ярмарочная торговля с определенной цикличностью. Это позволяло крестьянину реализовать произведенный продукт в определенное и удобное для него время и приобрести необходимые вещи. Это

же открывало широкие возможности для скупщиков и оптовиков.

С мнением топографа о том, что ярмарки были действительно центром торговли, в отличие от торжков, которые были скорее принадлежностью или составной частью престольных праздников, можно согласиться. Это подтверждается сравнением объемов, наличием определенных специализаций, а также теми последствиями, которые они оказывали на крестьянский бюджет.

Таким образом, топографо-статистические документы позволяют создать полную картину хозяйственной жизни Зауралья за десятилетний период. Такой исторический срез является особо ценным в связи с тем, что он основан на самых точных данных, взятых непосредственно с мест.

Кроме того, необходимо отметить, что межевание выполнило и ту цель, которая была перед ним поставлена — приведение земель в известность. В результате чего крестьяне получили положенную им пропорцию угодий, что вело к сокращению земельных споров между соседями, а государство решило свои фискальные цели: выделило излишки земель в казенно-оброчные дачи и подготовило участки для переселенцев, что позволило увеличить доходность региона. Кроме этого, надо отметить и то, что первичные топографо-статистические документы явились основой для составления уездных и губернских отчетов, а на местах для многих хозяев они стали правовой основой на земельную собственность.

РАЗДЕЛ 3. Топографо-статистические описания Шадринского и Курганского уездов

В период с 1782 по 1861 год было составлено несколько разнообразных описаний, основанных на первичных материалах. К самым ранним следует отнести описания Тобольского и Пермского наместничеств. В отличие от межевых описаний эти данные представляют собой комплексные исследования по уездам.

Выше уже отмечалось, что во второй половине XVIII в. активизируется работа по сбору и обобщению материалов о природных условиях, животном и растительном мире, составе и численности населения, экономике городов и уездов, составляются описания, “учиненные по высочайше изданному плану 1784 года”.

Разосланные по городам Тобольского наместничества анкеты требовали ответов на 16 вопросов о городах и на 20 вопросов об уездах. Присылаемые уездными землемерами описания редактировались в губернской канцелярии. Мы остановимся лишь

на описаниях уездов, поскольку город Курган достаточно рассмотрен в работе Н.Ф. Емельянова “Город Курган”, а материалы по городу Шадринску изучает и публикует М.Ф. Ершов (37).

Для того, чтобы иметь представление о проблемах, интересовавших власти, приведем опросник “О топографическом описании 1790 года”.

“Опросник об уезде”.

1. С какими уездами граничит, на сколько в ширину и длину простирается.

2. Местоположения его вообще: гористое или ровное.

3. Какой материк вообще и плодородие земли, какой хлеб по большей части сеют и каков по примеру урожай бывает.

4. Какими орудиями землю пахут, то есть плугом или сохой, волами или лошадьми, и как и чем землю удобряют, то есть навозом или другим чем, поскольку раз пахут и боронят, в которое время года начинают пахать и сеять и протчия обстоятельства до сего касающиеся означить.

5. Имеют ли жители довольное количество леса как для строения, так и на другие надобности, так же довольными пашенною землею и сенокосными или за излишеством не лежит ли земля в пусте.

6. Озера, их окружность, долгота и широта, реки, в них впадающие, из них истекающие, протоки, соединяющие их с другими озерами или реками и какие рыбы в них находятца.

7. Сколько всех рек и речек в уезде, как и каждая из них называется, где ея вершина, в какую реку впадает и на сколько верст по примеру течение свое простирает.

8. Нет ли таких урочищ, кои знамениты и по каким ни есть историческим происшествиям.

9. Число монастырей и пустыней, кем они построены, нет ли чего в них достойнаго примечания, в каком расстоянии от города и сколько в них монашествующих.

10. Сколько во всем уезде приходов и церковнослужителей и у них детей.

11. Число селений, помещичьих домов и владельцев по уезду вообще, показав особо число слобод, сел и деревень с особо подробным описанием знатнейших из них пригородков, слобод и сел, кои по величине их рукоделию, ремеслу жителей или по каким другим обстоятельствам примечательнее прочих.

12. Сколько в уезде мужеска и женска пола душ по последней ревизии, как вообще, так и порознь, по различным их состояниям.

13. Сколько каких заводов, фабрик и мельниц, пильных и мучных.

14. Сколько какой земли под всеми селениями по межеванию, ежели ж межевания не было, то показать примерно.

---

15. Бывают ли в уезде ярмарки и торги, в которое время, в которых именно селениях, долго ль продолжаютца, сколь велико стечение бывает народа и какие по большей части товары.

16. В чем по большей части упрощаются жители, какие имеют промыслы, ремесла, куда трудов своих проиращения и вещи отвозят, не отходят ли по пашпортам для промыслов и работ своих в другия города и для каких работ.

17. Нет ли в уезде отменных каких деревьев, не употребляют ли жителями и какие травы в лекарства или краски, не водятся ли какие особливые звери, птицы, пресмыкающиеся гады и насекомые.

18. Не имеют ли жители уезда вообще в житии своем странных каких обычаев, нет ли чего особливого в их нравах, повериях, обрядах, образа жития и обхождения, не обносятца ли между ими какие предания, относящиеся к древним происшествиям, бытиям, не имеют ли какой отмены в покрое своего платья, в построении своих домов, в исправлении своего домоводства.

19. О заводах металных и минералных, кому принадлежат, когда и кем построены, откуда доставляют руду и все нужное для заводского содержания, сколько по сложности выплавливаетца или вывариваетца металлов и минералов, куда и как их отвозят.

20. Нет ли где мрамора или других камней, каменных или земляных угольев, торфу и протчаго.

Следующим использованным нами документом стало “Краткое историческое топографическое описание городов Тобольской губернии с показанием в оной жителей по исчислению, учиненному по 1 сентября 1801 г.” Однако его малая информативность позволила нам включить его материалы в “Описания”. Ниже мы приводим наиболее интересные данные из описаний Курганского и Шадринского уездов с последующим анализом.

Приводимые документы находятся в Российском Государственном Военно-историческом архиве, в фонде ВУА, дело 18920 (Топографическое описание Пермского наместничества о городе Шадринске и его уезде (лл. 111-116)) и дело 19107 (Топографическое описание Тобольского наместничества. О городе Кургане и о Курганской округе (лл. 80, 87-90)). Ранее эти документы были выборочно опубликованы (Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII веках. Челябинск, Ч. 1. 1966. ; Колесников А.Д. Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982.), но тираж первой книги составил всего 1000 экземпляров, а второй 2150, в результате чего сопоставить эти документы стало довольно трудно и поэтому мы считаем нужным воспроизвести их заново, тем более, что в подобном виде они ранее не приводились.

Шадринский уезд

1. Граничит Пермского наместничества с Долматовским и Камышловским, Тобольским наместничествами, с Ялуторовским и Тюменским Уфимского наместничества с Челябинским и уездами простирается в длину на 145 и в ширину на 84 версты.

2. По большей части низкое и ровное место.

3. По всей округе земля имеетца по большей части черная и хлебородная, хлеб большею частию сеют рожь, а местами по недороду ржи одну ярицу, яровую пшеницу, овес, а по части ячмень и полбу, урожай против посеvu в трое и более бывает.

4. Пашню пашут сохою и лошадыми, а ближнюю к селениям удобряют из домов своих навозом, а дальнюю пашню по выпашке, когда уже не станет родить хлеб, оную паханием за удовольствием земель покидают до тех пор, покуда на ней будет расти трава, называемая пырей, довольно годная к продовольствию лошадей, коя и расти по выпашке не ранее начинается как через двадцать и более годов, а потом урожай бывает по прежнему как и по новой земле, а на удобряемой навозом земле пашню производят наперво, начинают ежели новую землю весною и оную спашут и сборонят и прееет она до сенокосного времени, а тогда паки перепашут оную, к будущему году засевают озимым

Курганский уезд

1. Уезд сей граничит Тобольского наместничества с северную сторону с Ялуторовским, с восточную Ишимским, с западную Уфимского наместничества с Челябинским и Пермского с Шадринским уездами, а с полуденную сторону пограничная линия с киргис-кайсаками. В ширину от полуденной стороны к северу-168, в длину от запада к востоку- 165 верст.

2. Во всей округе местоположение вообще ровное и безкаменное, болших гор и оврагов не имеется.

3. Отчасти земля черная, а местами пещаная, иловатая, солонцоватая. Хлеб сеют озимовой, рожь: яровой, ярицу, пшеницу, ячмень, овес, полбу, гречу, горох, семена льяное и конопляное, сверх того и репу. Урожай бывает в теплые и дождевые лета хорошей, а в студеные и засушливые посредственной.

4. Землю ничем не удобряют, пашут сохами и железными сошниками на лошадах под озимовой хлеб перепашивают по дважды, первой раз июня с первых чисел, а в другой раз июня же в последних и июля первых числах; сеют тот озимовой хлеб августа первого и боронят по четыре и по пяти раз, а заложную твердую землю и более каковую паханную землю оставляют и под яровой хлеб для посеvu будущего лета, а в вешнее время пахать начинают апреля в последних и мая в пер-

---

хлебом, т.е. рожью, а если засеетца оная, то на оную тогож года разной яровой хлеб засевают, а тот хлеб сеют не на одной земле, но из году в год делают приумножение.

5. Во всей округе строевого лесу, кроме волостей Буткинской и Мехонской, нигде нет, дровяного лесу в Пещанской волости довольно, а впрочих во всех никакого, кроме самого мелкого березового, соснового и талового никакого нет, который и употребляют на дрова; пашнею же и санными покосами во всей округе без недостатка, а если же за излишеством того и еще не известно.

6. Озер таковых мало, чтоб из озера в озеро были хорошие протоки, а каковые и есть о том прилагаетца при сем особый подробной реестр; рыбы в них имеютца щуки, окуни, чебаки и караси, в реках нельмы, налимы и прочие выше писанные.

7. Рекам, речкам, ручьям и горам приложен особый реестр.

8. Таковых примечаний достойных урочищ ни по объявляемым старожилом, ни в других записках не обретаетца.

9. Монастырей и пустыней никаких не имеетца.

10. Приходов 31, при тех священо и церковно служителей 173, у них детей мужеска пола 173 ж, а всего 346 душ.

11. Всего селений 258, помещечьих домов в волостях: Шадринской 1, Бакланской 1, в Барневской 2, в Маслянской 4, слобод 9, острогов 3, татарских юрт

в числах и тогда сеют хлеб яровой, ярицу, пшеницу, ячмень, овес, полбу, гречу и горох, а семена сеют же лянное мая в последних числах, а конопленое и репу июля в половине, хлеб жнут серпами, связывая сперва в снопы складывают в суслоны и по выветривании несколько времени свозят в гумна, и кладут в клады и для молоченья сушат в овинах. Обмолачивают в тех гумнах деревянными на вертлюгах молотилами и отделяют от пелевы на ветре.

5. Лесу соснового и березового для домоваго строения и на прочия надобности, равно пашенной земли и санных покосов по числу душ крестьян довольно число. А к линии остается и в пусте лежащей...

7. Речки и реки протекают: 1-я река Тобол вышла из степи Киргис-Кайсацкой, впала под губернским городом Тобольском в реку Иртыш, простирается оная по Курганской округе на 182 версты. 2-я Черная вышла из Илецкого бору из болот, впадает в реку Тобол, простирается течением через три озера по округе на 32 версты. 3-я Средней Утяк вышел из дву болот ручьями, кои сошлись в место, а впадает в реку Тобол одним устьем, расстоянием простирается течением на 23 версты.

4-я и 5-я Ситовы из озера Ситова впали в реку Тобол, простираютца только полторы версты.

5, деревень 219, сел 19, и во всех оных волостях, селах и деревнях жителей обращаются в произведении хлебопашества и их домоводства, а ремесла прочего как только что крестьянского рукоделия не имеют и особо примечательных селений никаких нет.

12. По последней ревизии крестьян мужеска 28926, женска 29139 душ, священно и церковна служителей 346, разных помещиков крепостных мужеска 145, отставных приказных служителей 1, солдат 143, поселыщиков 5, служилых татар 566 душ.

13. Во всей округе один Усть-Мияской винокуренной завод и одна ж пильная мельница, а фабрик никаких нет, а имеютца мучные мельницы: вододействуемых 67, ветренных 207, а всего 274.

14. Межевания еще не произведено, а под всеми селениями государственной земли примерно 11758 десятин.

15. Ярмарок не бывает, а бывают небольшие торги в разных селениях, а именно в волостях Красномыльской генваря 18, в Маслянской ноября 24, в Мехонской декабря 25 числ и продолжаютца по одному или два дни, стечение бывает народа тысячи по 4, товары привозят по небольшому количеству шелкового, бумажного и прочего, так же по небольшой части.

16. По большей части упражняютца жители в земледелии,

6-я Верхний Утык вышла из двух озер, ручьями, кои сошлись вместе, впала в Тобол одним устьем, простирается на 35 верст.

7-я Крутиха вышла из болота и впала в средний Утык, а Утык в реку Тобол, долготы оных по 24 версты.

8-я Пимановка вышла из логов родниками и впала в озеро Курганское, долготы оной на 10 верст.

9-я Сосновка вышла из увалистых мест родниками, пала в озеро Куртали, долготы оной на 10 верст.

10-я Логоушешка вышла из болота малым ручьем, пала в озеро Хохловатое, расстоянием на 12 верст.

11-я Белой Утык вышел из озера Белого и впал в Черной Ик, простирается на 20 верст и впали ж одним устьем в реку Тобол.

12-я Алабужская выпала из Киргис-Кайсацкой степи и впала в реку Тобол, простирается на 17 верст.

13-я Боровлянка вышла из болот, пала в реку Тобол, простирается на 18 верст.

15-я Гледянка вышла из озера Камышнова, пала в Тобол, простирается на 18 верст.

16-я Талица течение имеет из озера Лебязьева, впала в реку Тобол, во оную ж Талицу пал называемой Межевой исток, вышедший из озер, простирается на 4 версты.

17-я Юргамыш течение имеет из ведомства Уфимского на-

промыслов и ремесла знатных каких либо художеств не имеют, а всего рукоделия и трудов произращенные вещи на продажу и своих жителей отвозят на вышеобъявленные торги для разных работ и по просьбам даюцца со сроками пашпорты для прокормления себя и семейства своего в разные наместничества, то есть в здешние так же в Тобольское и Уфимское наместничество и их города, селения.

17.Отменных деревьев, кроме соснового, березового, осинового, черемухи, рябины, смородника и вереса других нет и жителями трав в лекарства и краски никаких не употребляется, также и особливых зверей и птиц и пресмыкающихся гадов и насекомых нет.

18.Жители во общем житии своем странных обычаев не имеют, а обходятца в прежних обрядах по обхождению предании же относящихся к другим происшествиям не имеют, платье же носят по — прежнему обыкновению без всякой отмены строение ж производят по — прежнему крестьянскому обыкновению и находятца во исправлении своего домоводства и трудолюбивы.

20.Мраморных и других камней, каменных и земляных углей, торфу не имеетца. +

местничества, впала в реку Тобол, простирается по Курганской округе на 50 верст.

18-я Прорва вышли из реки Тобола и прошла чрез озеро Белое, впала во оную ж реку Тобол, простирается 3 версты.

19-я Ик выпала из болотных мест и впала в реку Тобол, течением простирается от вершины до устья 20 верст.

20-я Гологуска вышла из болотных мест и впала в озеро Белое, течением простирается на 7 верст.

21-я Тысячная вышла из болотных мест, впала в реку Тобол, простирается на 7 верст.

22-я Нижней Утяк вышел из болотных мест и впал в реку Тобол, простирается на 18 верст.

23-я Михаль вышел из озер, впал в речку Черной Ик, простирается на 12 верст и впадают в реку Тобол.

24-я Гологуска выпала из болот и впала в реку Тобол, простирается на 5 верст.

25-я...

36-я Ик течет из озера Иткуля, устьем пала в реку Исеть, простирается по Курганской округе на 26 верст. Ручьев без всякого названия всегдашнее течение имеющих, впадающих в реку Тобол, -34.

8.От города Кургана вверх по Тоболу в 6 верстах имеется бугор, называемый Царев Курган, по которому и имя город Курган получил, оно знаменито потому, что прежние обитатели погребались в него, при-

---

мером в вышину трех сажен вокруг одного сажен с 30, близ коего и деревня Курганская.

9. Монастырей и пустыней не имеется.

10. Приходов 23, при оных священно- и церковнослужителей 130, их детей мужеска 179.

11. В округе состоит составленных из 9 слобод и из 7 сел, 26 волостей, деревень кроме от оных отселок 282, линейных крепостей 4, редутов 4. Во всех их дворов 7372. Да помещичьих деревень и заимок 7. В них 33 двора. Из сих селений слободы, что ныне волости Белозерская и Устьсуерская против прочих знатня, потому что в них каменные церкви, а более сего отличного в них и в прочих ничего не имеется.

12. По последней 4 ревизии состоит крестьян и поселщиков, платящих государственную подать мужеска 22203, женска 23535, дворовых людей мужеска 93, женска 118, неположенных в подушной оклад священно- и церковнослужителей 130, их детей мужеска 179, женска 304, отставных от военной службы и казаков с их детьми мужеска 3406, женска 665, ссыльных мужеска 29, женска 14, а всякого звания мужеска 26040, женска 24690.

13. Имеется один казенной Боровлянской винокуренной завод, стеклянная фабрика одна, мучных мельниц водяных 132, ветродействуемых 192, а пильных не имеется.

14. Всей земли с угодьями

примерно 21851 кв. верст, а межевания не было.

15. Торшки и ярмонки бывают.

В селе Шкотском октября первого (далее 39 населенных пунктов). Во всех вышеписанных местах бывают ярмонки и торшки по одному и по два дни, народу бывает во всех местах, кроме Иковской и Белозерской слобод, по небольшому числу, а в те слободы купечество с товарами более приезжают и для того бывает народу от пятисот и до тысячи человек, товары на те ярмонки привозят шелковые, бумажные, так же крестьянские мелочные.

16. По большей части жители упражняются в хлебопашестве, ремесла имеют, делают телеги, колеса, посуду деревянную, , как то: кади, боченки и прочее, глиняные горшки, а женщины по большей части прядут и ткут холсты льняные и конопленые, также и шерстяные сукна, а промыслы имеют овчинные, кожевенные и мыльные, ловят зверков горносталей, зайцов и разную птицу и все те вещи продают в Курганской округе по ярманкам и отвозят в соседственные округи. Крестьяне ж отходят по пашпортам для работ на судах с хлебом, солью и на рыбные промыслы в соседственные ж округи и в разныя другие губерний места.

17. Отменных деревьев, употребляемых в лекарствах трав, зверей в Курганской округе нет, насекомых паутов, комаров и

мошки в летние времена бывает множество, имеются же и птицы драфа и бабы, а из растений корень осолотка.

18. Жители странных обычаев, нравов, обрядов и отмены в платье и строении своих домов не имеют.

19 и 20. Заводов металных и минеральных, также мрамора и других камней, каменных и земляных угольев нет, да и камня вовсе никакого по Курганской округе не имеется.

Следующим заслуживающим внимания документом мы считаем “Топографо-статистическое описание Шадринского уезда и города Шадринска от 1832 года”, хранящимся в РГАДА. Наиболее интересные материалы из этого описания хотелось бы привести в частично обработанном виде.

“Статистическое описание Шадринского уезда 1832 года”

Город Шадринск находится от СПб в 2653 от Москвы в 1979 от Перми в 572 верстах.

Пространство земли под домами и усадьбами 112 десятин, под выгоном 2634 десятины. Каменных строений — казённых 3, обывательских 9, деревянных 536 домов, частей города 2, улиц 6, каменных 2 и 1 деревянная, жителей обоёго пола 3283.

Герб города представляет в серебрянном поле соболя, означающим изобилие в зверях сего рода.

Жители города производят значительную торговлю салом, щетиной и маслом.

В уезде замечательно село Маслянское по ярмарке, начинающейся с 24 июня и до 30 августа, и Долматовская волость с монастырем, которая была прежде уездным заштатным городом”.

Алфавит владельцев дач в Шадринском уезде:

- 1) Афанасьевы Александры Григорьевны дочери.
- 2) Сарафанниковой Елены кашинской регистраторши.
- 3) Турчанинова Филанцеста.
- 4) Филькнер, бер — гауптман 6 класса.
- 5) Фетисовы комерции советник, 1 гильдии купцы.
- 6) Башкирские.
- 7) Казенные земли.
- 8) Казенных крестьян.

---

9) Купеческие, мещанские и разночинские.

10) Мещеряцкие.

11) Мещерские и башкирские.

12) Монастырские.

13) Лесного департамента.

14) Экономических крестьян.

Отдельно считаем нужным перечислить села и слободы этого уезда.

Слободы: Бродокалмацкая, Теренкуль, Теченская.

Города: Шадринск и Долматов.

Сёла: Бакланское, Барнёвское, Басмановское, Батуринское, Большеканашское, Белоярское, Буткинское, Введенниковское, Верхтеченское(оно же Предтеченское), Замараевское, Иванищевское, Ичкинское, Ключевское, Кревское, Кондинское, Красномыльское, Крутихинское, Макаровское, Новоторжское, Маслянское, Мезенское, Мехонское, Ольховское, Першинское, Песчанское (2), Пагадайское, Петропавловское(3), Полевское, Сладчанское, Сосновское, Сухрино, Сыровское (Мезенское), Уксянское, Усть-Миасское, Широковское.

Кроме того, количество деревень по нашим подсчетам составило 398.

Особо интересные статистические выкладки по отдельным волостям и дачам; поскольку подобных материалов ранее не удавалось найти.

Таблица № 1

НАСЕЛЕНИЕ И ПЛОЩАДИ ШАДРИНСКОГО УЕЗДА.

Место, н.п.	число душ	земли		всего
		удоб.	неудоб.	
Шадринск	316	106	5	115
Выгон		450	182	2653
1.Село Иванищевское с деревнями (Подгоро- дня волость	2317	38455	5591	44046
2.Сухринская волость	1248	20867	803	21671
Отхожие сенные покосы Села Иванищовское и Канаша	225	70	295	

3.Кривская волость	1227	21397	3260	24857
4.Ольховская волость	2029	41495	4675	46171
5.Ичкинская волость	2007	30165	832	30997
отрезанных более — 15 дес				
от Ичкинской		14161	326	14472
6.Маслянской вол.	1992	38216	2006	40228
7.Барневской, Макаровской, Батуриной, и Ольховской вол.	3670	89486	29108	112895
Частной	5	596	119	716
8.Белоярская и Красномыльская вол.	3295	58112	10151	68894
9.Крутихинская и Уксянская вол. с селами и деревнями	4029	80216	14646	94863
10.Долматовской городской и подгородние Нижнеярской вол.	3850	14936	1988	76913
11.Гор. Долматова выгон	1123	154	11	165
		4342	279	4622
12.Монастырские—		13		14
отхожие его покосы		16	4	20
рыбных ловель его —				45
13.Ольховская (бывшая Вознесенская волость).	1173	17969	15638	33603
14.Земли более 15 дес отрезанной по 7 ревизии в казенное ведомство из Ольховской		524	23	547
		4512	967	5479
15.Буткинской и Катарацкой вол.	4333	131869	8614	132947

16.Терсютские юрты служащих мещеряков				
3 башкирского кантона	214	14308	2752	17060
17.Касылбаевские юрты мещеряков 3 баш. Кантона				
со спорным отводом	3247	10966	1176	12142
18.Кондинская волость	1395	17876	3260	21136
19.Ичкинские татарские деревни и отхожие дачи	—	780	267	1045
20.Ичкино и Сибиркино мещеряков	474	4506	927	5438
21.Д. Плоской	156	3486	756	4242
22.Каргапольской вол.	2872	71944	5878	17823
23.Бакланской вол.	1470	22049	1957	24007
Отрезано больше 15 дес.				
От Бакланской вол.	5028	383	—	5412
24.Песчанская вол.	1800	77614	17392	95606
25.С.Предтеченское (Верхнетеченское)				
с деревнями	2252	33780	4713	38990
26.Петропавловской	2835	48630	6558	54000
27.Часть Мехонской вол.	491	18084	1201	15286
28.Мехонская вол.	2787	63978	1992	65976
29.Отхожие дачи Ичкинские татары	—	426	—	426
30.Осиновый бор (казен.) м/у Каргапольской и Мехонской вол.	—	8948	403	9368
31.Отрезанные от Бакланки	—	10598	659	17182
32.Теченская и Бродо-Калмацкая вол	4238	57645	53999	111645

33. Спорные отделившиеся земли	2822	160334	38701	192036
34. Госпожи Афанасьевой —		1556	82	1638
35. Госпожи Бергаут	65	2171	245	2416
36. Деревня Муслимово мещеряки	2065	48344	9237	57302
37. Деревня Сарыкаево башкирцы	447	8125	1827	9932
38. Деревня Маево башкир	196	9969	935	10901
39. Земли Турчаниновых	—	1750	28	1778
Итого	75754	1375348	254207	1629556

В следующем деле, хранящемся в РГАДА, “Экономические примечания по Шадринскому уезду” за 1832 г. содержится большой объем информации по состоянию церквей, их количеству, названиям, приходам, иконам простым и чудотворным, святым мощам, штатам церковнослужителей. Во втором пункте примечаний (а их всего 6) содержатся сведения по состоянию дорог, их направлениям, протяженностью, отдельно рассмотрены транзитные и внутриуездные перевозки, количество, качество и ассортимент грузов. Кроме этого приводятся данные о водных артериях, направлениях течений, время вскрытия и ледостава, температурного баланса, рассмотрены рыбные запасы и ловли. В следующем пункте выделены крестьянские промыслы и торговля. Далее идет обширная информация по селам, землям и лесам (38).

Отдельно хотелось бы отметить интересный в информативном плане и относительно доступный материал, содержащийся в “Военно-статистических обозрениях” — они несколько отличаются от топографо-статистических, но только в плане расширения материала в сторону требований укрепления безопасности страны.

Поскольку этот материал мы считаем интересным, то считаем нужным привести несколько выдержек сначала по Курганскому округу, а затем по Шадринскому.

В Курганском округе 28 волостей, 369 селений, 19612 дворов (все данные на 1848 год здесь и далее). Жителей в округе 129627 (61338 д.м.п. и 66265 д.ж.п. без города). Домов деревянных 22581, церковей каменных 11, деревянных 24, часовен деревянных 52.

Земли по Курганскому округу:

Под строениями 88125 дес.

Под пашнями 297291 дес.

Под лесами 506875 дес.

Под кустами 110104 дес.

Под лугами и выгонами 502291 дес.

Под дорогами 703 дес.

Под болотами, солончаками и неудобьями 476562 дес.

Под водой 154375 дес.

Итого: 2126432 дес.

Причем из них засеивается хлебом 92305 дес., эта цифра, конечно, должна меняться. Но даже исходя из средних результатов мы можем прийти к выводу, что под хлеб идет 1/3 пашни. В целом на посев шло: озимых 7093 четв., яровых 163966 четв. Собиралось в среднем озимых 28446 четв., яровых 450358 четв. Кроме того приводятся данные о том, что рыбы выловлено 695 пудов на сумму в 1162 руб., что вызывает сомнение, поскольку на жителя приходится по нашим подсчетам всего по 85 гр.

Еще больше вызывает сомнение дата освоения Кургана — 1596 год.

Уже это говорит, что стандартная информация переписывалась из одного источника в другой без изменений, а вот информация, ради которой происходит сбор специально, напротив, заслуживает доверия. Это, к примеру, — учет дворов по волостям и население по волостям, поскольку это требовалось для получения информации о рекрутах. Приведем следующий материал:

Таблица № 2

ЧИСЛО ДВОРОВ ПО ВОЛОСТЯМ И ПРИХОДАМ КУРГАНСКОГО ОКРУГА(39).

Насел. пункт	Число дворов в центр. нас.пункт	Число деревень	Всего дворов
Арлагульское	42	9	435
Волосниково	59	8	479
Верх-Суерская	36	17	627
Иковская	89	21	573
Мостовское	139	10	861
Мендерская	189	8	410

Менщикова	107	9	346
Максимова	85	7	374
Пресногорьк	258	7	912
Паршина	74	7	343
Речкина	55	7	411
Терсютское	142	10	499
Утяцкое	101	7	477
Чимеево	31	4	350
Чернавское	96	7	460
Шатровское	206	8	808
Шмаковское	91	11	364
Ялымское	98	10	524
Белоусово	39	7	355
Введенское	140	2	262
Галкина	50	7	254
Галшнева	99	4	277
Елошная	83	8	289
Бол.Казаркина	72	5	267
Камышная	60	3	263
Моршихинское	198	5	265
Петухово	130	3	232
Полойское	10	9	289
Усть-Суерское	167	3	257
Романово	66	9	330
Чашинская	111	4	280
Д.Ачикуль	60	4	139
Ниж.Алабугская	108	2	152
Белинская	32	6	108
Батырева	56	2	154
Байдарская	36	3	128
Вагина	60	2	105
Воликова	31	8	155
Дубровская	95	1	109
Бол. Канагаш			
Налимова	85	4	161
Коробейникова	75	4	206
Курейнская	104	2	161
Редут Крутоярский	70		70
Кривинское	62	2	139
Кр. Кабанья	131	1	222
Марайская	60	2	190
Мостовское	66	6	175
Макушина	100	1	104
Мартина	75	2	190

Ред. Песчаный	118	1	188
Стар. Першино	55	2	116
Половинская			
(Крутоярская)	61	6	154
д. Песчаная	20	2	127
Салтосарайская	78	2	138
Семискульская	37	3	112
Сычева	39	5	167
Тетерья	49	51	90
Чимеево	96	4	156
Чесноковская	99	4	223

Таблица № 3.

Число душ государственных крестьян Шадринского уезда по 9 ревизии (40).

	м.п.	ж.п.
Шадринский округ		
Иванищевская волость	7358	8428
Вознесенская	7255	8018
Смолинская	6810	7845
Мехонская	6017	7098
Каргапольская	6480	7681
Маслянская	6543	7567
Батуринская	6524	7419
Уксянская	6743	7372
Верхтеченская	7193	8030
Бродокалмацкая	7333	8236
Долматовская	7559	8383
Петропавловская	4509	4932
Белоярская	5011	5429
Итого:	85335	96438

Таким образом, в этих двух таблицах приведены точные данные, необходимые армейским властям а, следовательно, требующие доверия.

Исходя из этого, мы должны признать, что в каждом обозрении должно выделить наиболее достоверные части и по возможности сравнить.

Описания же уездных землемеров 1784 и 1789 г.г., сведения общего описания, а также описания, составленные позднее по анкетам Вольного экономического общества, в значительной мере дополняют друг друга, позволяя проследить динамику развития городов и уездов за 70 лет.

Говоря о городе Кургане, мы видим, как растет его население

ние, количество приходов, увеличивается число и обороты ярмарок.

По Шадринску сведения еще более конкретны: по данным описания 1789 г. в Шадринске “фабрик и заводов никаких не имеется”. Учрежденных ярмарок нет, а бываюи не малые съезды по 3 раза в год: в августе, в июне и в ноябре. Кроме этого 110 лавок и торги в воскресные дни. По данным на 1842 г. “В Шадринске имеется 3 ярмарки в году”

- 1) Шадринская с 25.01. по 1. 02.
- 2) Петровская с 20.06. по 5.07.
- 3) Михайловская с 1.10. по 10.12.

Лавок имеется: общественных каменных – 50, общественных деревянных – 65, частных каменных – 32, частных деревянных – 19 (41).

В более поздних источниках эти сведения продолжают расширяться. Разные источники дополняют друг друга и дают возможность составить истинную картину развития края.

В описаниях приводятся важные сведения о развитии торговли, о сельских ярмарках и торжках. Развивается сельская торговля. Быстро растет число ярмарок и торжков. Уездные землемеры приводят более полные списки. По Курганскому уезду перечислено на 90-е годы восемнадцатого века 40 населенных пунктов, где устраивались ярмарки и торжки, причем в 14 селах они проводились по 2 раза в год, а в 6-ти по 3 раза. В Иковскую и Белозерскую слободы приезжали к тому ж и купцы из разных городов, а всего народу собиралось от 500 до 1000 человек. К 1861 г. в Курганском округе стало 11 ярмарок и 48 торжков, причем выросли их обороты и специализация (42).

Описания доказывают, что внутренняя торговля была более развита в притрактовых селениях и районах, расположенных ближе к горно-заводским регионам. Однако если в начале девятнадцатого века мы наблюдаем слабость восточных и юго-восточных регионов в плане торговли, то уже с 30 годов девятнадцатого века можно отметить появление нового центра торговли – станции Звериноголовской, причем сведения о пограничной торговле мы почерпнули из топографо-статистических описаний.

Важными являются сведения о сроках полевых работ, технике возделывания полей, урожайности, имущественном расслоении, рачительности и трудолюбии отдельных семей, проявляющиеся в размере посева, качестве обработке почвы, численности скота, характеристике постройки домов и стоимости одежды. Наряду с этим, землемеры выделяют различие в размерах обрабатываемых площадей, причем сравнение различных матери-

---

алов фиксирует интересную закономерность, что размеры площадей посевных выросли лишь в абсолютных цифрах, поскольку относительные размеры пашни на душу податного населения практически не изменились. Следует заметить комплексный рост зауральского стада, что прослеживается в описаниях, особенно первичных, поскольку особого доверия численность стада по губернии сводным ведомостям не всегда кажется достоверным, т.к. результаты эпизоотий или разница в закупе не всегда могли быть оперативно отражены. Только тщательное исследование может привести нас к выбору точной цифры или даты. Сравним ведомость надела землей государственных крестьян и переселенцев 1839-1849 г. Земли для крестьян было выделено 1660184 дес., лесных пространств казенного ведомства 129210 дес., для водворения 500 семейств дворян 41270, казеннооброчных статей 35607 дес., государственным преступникам 112 дес.

Итого получено 1866813 дес. По данным военно-статистического обозрения в Курганском округе было 2126432 дес. За это время особых переделов земли не было. Так куда могли деться 260000 дес.? Если предположить, что 154000 дес., находящиеся под водой, не были учтены, тем не менее, все равно, более 100000 дес. оказываются лишними. Так в чем же проблема?

А скорее всего в том, что в эти земли, выделенные в округ, вошли 5 Ялуторовских волостей (Верх-Суерская, Мостовское, Терсютская, Шатровская и Романовская) и одна Ишимская-Петуховское. Отсюда, видимо, и разница в количестве дворов по Курганскому округу и количеством деревянных домов: 19612 и 22581, причем, если подсчитать количество дворов в этих волостях и приходах, оно лишь на 10% не совпадает. Чем было вызвано включение этих земель и населенных пунктов в описания Курганского округа? Вероятно, удобством в мобилизационных мероприятиях. Но, во-первых, именно сравнение первичных и вторичных материалов дает нам возможность проверить правильность каждого, во-вторых, ответить на вопрос, почему имеются различия в цифрах, и, в-третьих, помогает нам избежать ошибки при пользовании специфическим источником.

Как уже упоминалось выше, кроме топографо-статистических описаний, проведенных Курганско-Ялуторовской поземельной партией, результатом которой стал проведенный полный учет земель, что было рассмотрено нами в первой главе, для написания работы были использованы и другие источники аналогичного, описательного характера. Однако, систематический анализ позволил нам проследить определенную разницу между ними. Во-первых, первичные описания содержали полное и подробное описание дач и волостей, чего в уездно-губернских документах

не содержится совсем. Во-вторых, приводилось точное местоположение деревень и сел, на что уездные отвечали расположением уездных или в крайнем случае крупных ярмарочных центров. Свойства почв могли быть описаны и там и там, но в первичных документах это было намного точнее, хотя опять же уездные могли дать общий анализ, соотношение по волостям, провести первичное районирование уезда по почвенным условиям. Состав культур, нормы высева, урожайность, конечно, точнее от описанных в первичных документах, но опять же общие объемы посева, урожая, которые позволяли подсчитать реальные объемы товарной продукции по уезду в целом, могли дать лишь вторичные документы.

Первичные описания давали более обширную информацию о качестве сенокосов, стаде, причинах падежа и неурожая, птицеводстве, садоводстве, ремеслах, торговле и отходничестве и т.д. Но вторичные документы давали сведения о количестве всех ярмарок и изменений в их оборотах, могли предоставлять сведения о преобладающих заводах и промыслах, в них приводятся общие объемы производства, причины изменений численности населения, данные о вере, образовании, медицине и т.д.

Результатом этого может стать вывод о том, что только комплексное и параллельное использование топографо-статистических описаний, взаимопроверка и анализ их результатов помогут воссоздать неискаженную картину исторической действительности Южного Зауралья, взятой в ее историческом развитии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С.9-20; 115-125; Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII веках. Челябинск, 1968. Ч.2. С.142-156.

2. Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. М. 1984; Павлуцких Г.Г. Исторический обзор Курганского округа Тобольской губернии в 30 – 50 г.г. XIX в. // Земля Курганская : прошлое и настоящее. Курган. Краев. сб. Вып.2. 1991. С. 28-40.

3. Краткое историческое топографическое описание городов Тобольской губернии с показанием в оных жителей по исчислению учиненному по 1 сентября 1801 года; Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч.1-2. Пермь, 1804. Ч.3. - СПб., 1813.

4. Пундани В.В. Историография истории государственных крестьян Тобольской губернии в конце XVIII - первой половине XIX в. //Историография рабочего класса Урала периода капитализма. Свердловск, 1979. С. 63-67.

5. РГАДА, Ф. 1355, ОП. 1, Д. 1136, 1137.

-
6. Шадринская старина. Шадринск, 1993. С. 10-22.
  7. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.14. Ч.1,2., Т.17. Ч.1-3. СПб., 1852.
  8. Павлуцких Г.Г. Обзор работы межевых комитетов в Курганском округе в 1782 – 1861 гг. // Земля Курганская. Прошлое и настоящее. Вып. 3. Курган, 1992. С. 61.
  9. Колесников А.Д. Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С.118, 123.
  10. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 1981.
  11. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 1019, 1772.
  12. Асонова А.Ф. Из истории правительственного межевания Западной Сибири (1804-1843) // Вопросы истории Сибири. Вып. 5. Томск, 1970. С. 131.
  13. Дуров А. Краткий исторический очерк колонизации Сибири. Томск, 1891. С. 40.
  14. Там же. С. 41.
  15. Там же. С. 41; Асонова А.Ф. Указ. соч. С.135, ГАКО, Ф. 245, ОП. 2, Д. 38 б, 25 а.
  16. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 632, 633, 983.
  17. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 1019.
  18. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 580, 1981; Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. Ч.2. СПб, 1854. С.341; Худяков В.Н, Когут М.Т. Роль землеустроительных работ в подготовке аграрного законодательства царизма в Сибири в конце XIX в. // Экономические и социальные проблемы Сибири. Томск, 1984. С. 87.
  19. Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т.1. М, 1862. С.192; Гагемейстер Ю. Указ. соч. Ч. 2. С. 341.
  20. Челябинская область. Ч.1. Челябинск, 1939. С. 15-25.
  21. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 1019, 1772.
  22. Завалишин И. Указ. соч. С. 192-94.
  23. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 1019.
  24. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 1019.
  25. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 860.
  26. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 1019.
  27. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 860, 779.
  28. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 1019, 1772.
  29. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 860, 779, 933, 934.
  30. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 860, 1019.
  31. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 860, 779, 1019.
  32. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 860, 1019.
  33. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 860, 1019.
  34. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 860.
  35. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 1019.
  36. ГАКО, Ф. 245, ОП. 1, Д. 779.

-
37. Емельянов Н. Ф. Город Курган. Курган, 1992; Ершов М.Ф. Об экономических описаниях позднефеодального города // Шадринская старина. Шадринск. 1994, С.244-246
38. РГАДА, оп.1, Ф.1356, Д.1136, 1137;
39. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Тобольская губерния.Т. XVII. СПб, 1849, Ч.1-3. С.4, 37, 45, 57, Табл.1,4,5.
40. Там же С.66-81; Т.XIV. Ч.1, СПб; 1852. С.9.
41. Сведения Шадринской городской думы о состоянии города Шадринска в 1842 г. // Шадринская старина.Шадринск,1994. С.33.
42. Описание Тобольского...С.15; Памятная книжка Тобольской губернии на 1864 г. Тобольск, 1864. С. 416.

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Пундани ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII- НАЧАЛА XX вв	3
М.Ф. Ершов ГОРОДА ЗАУРАЛЬЯ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIXвв	16
Д.А. Кошкаров ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – XX вв	50
Е.В. Турушев ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (60-е гг. XIX в. – начало XX в.)	67
В.Д. Пузанов ВХОЖДЕНИЕ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В СОСТАВ РОССИИ	86
Г.Г. Павлуцких, А.П. Желнова ТОПОГРАФО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в	93

**ИСТОРИОГРАФИЯ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ
ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ (XVIII – XX вв.)**

Сборник научных трудов

Редактор О.А. Пойлова

Оригинал-макет выполнен в полиграфической лаборатории КГУ

Лицензия ЛР № 020376 от 17.06.97 г.

Подписано в печать	Формат 60x84 1/16	Бумага тип № 1
Плоская печать	Усл. печ. л. 7,75	Уч. изд. л. 7,75
Заказ	Тираж 300 экз.	Цена свободная

Издательство Курганского государственного университета
640669, г.Курган, ул.Гоголя, 25
Курганский государственный университет, ризограф

Издательство КГУ
2-36-04